

Андрей Арсланович Мансуров

Мертвячка из озера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20409189

Аннотация

В Сборник вошли два произведения, написанных в жанре "крутого" шпионского детектива. Я старался следовать традициям Йена Флемминга, создавшего Цикл о похождениях знаменитого Агента 007. Погони, перестрелки, поиски спрятанных сокровищ, "интеллектуальные" дуэли, разгадка жестокого убийства, коварные вражеские агенты, окопавшиеся в самом сердце столицы, супершпионская техника... Все это, и многое другое, здесь есть. Однако даже в быстро меняющемся современном мире необходимо помнить главное: Никакие сверхпродвинутое шпионские технологии и устройства никогда не смогут заменить того, что и делает профессионального Агента действительно самым грозным оружием в современной необъявленной, но от этого не менее жестокой и бескомпромиссной, войне: зоркий наблюдательный глаз, и цепкий аналитический ум.

Мертвячка из озера.

Шпионский детектив.

Все имена, названия и события вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

Сэр Томас Генри снял очки в тонкой стальной оправе, и близоруко поморщился.

Изящным (наверняка, годами отработанным) движением вынул из кармана пиджака носовой платок со скромной консервативной монограммой в уголке, и неторопливо протёр стёкла. Проверил на свет. Подышал, и протёр ещё раз. Водрузил очки на нос, и посопел, принюхиваясь.

Плохо. Что запах, что вид нисколько его не удовлетворяли.

Он перевёл взор на женщину, стоявшую рядом.

Пышные каштановые волосы выгодно подчёркивают белизну нежной кожи почти круглого лица. Стан, тоже, конечно, немножко отличается от консервативных аристократических кондиций: вовсе не сухопарый. Зато какие бёдра!.. (Особенно на ощупь.)

Грудь – вообще: глаз не оторвать! Вырез элегантного «дорожного» платья не столько скрывает, сколько выставляет, на зависть окружающим, то, что теперь принадлежит

не столько миссис Томас Генри, сколько ему. Он невольно сглотнул.

Плюс ко всему – очень милая открытая улыбка.

Да, она у него – прелесть! Вот такое, чудесно найденное – не тронутое налетом с детства вдолбленного, почти ханжеского, представления о своей родовой «высокородности», (Провалиться бы ей к ...рам, этой самой «высокородности»!) воплощенное обаяние.

– Дорогая, – сэр Генри обратился к новоиспечённой миссис Томас Генри, – Я прошу извинить за несколько ...э-э... необжитой вид нашего, так сказать, Родового Гнезда. Дело в том, что я здесь не жил, если мне не изменяет память... Ну да – со дня похорон дяди Рэндолла. То есть, девять лет. Конечно, с тех пор здесь всё... Хм. Немного запущено.

Но ничего – надеюсь, ты поможешь нам с Мерчиссоном обустроить эту мрачную громадину, и превратить её в уютное семейное гнёздышко!

Супруга с двухмесячным стажем, в девичестве Каролина (Кэролайн, как она именовала себя на американский манер) ВанЭйрих, достала косметичку, пока муж занимался своей оптикой.

Но в отличии от него она пыталась, припудриваясь и подкрашиваясь, поднять себе настроение. Поскольку её румяное и жизнерадостное личико в «улучшении» нисколько не нуждалось. А вот душа – несомненно требовала таймаута. Так что ответная улыбка оказалась несколько натянутой.

Вид этой грязно-чёрной руины, которую её супруг именовал почти с гордостью «Родовым Гнездом», несколько повышению настроения не способствовал. Скорее, наоборот.

Даже ей было ясно с первого взгляда, что замок очень стар и запущен.

И даже плещ, ярко-зелёным полотнищем практически полностью укрывавший его неплохо, в-принципе, сохранившийся фасад, несколько не скрашивал впечатления этой самой запущенности и... скуки.

Да, наверняка в этой сельской глубинке ужасающе скучно – как днём, так и долгими, мрачно нависающими над равниной, вечерами. И ночами – ей так и представлялось, как над ночной равниной разносится заунывный вой какого-нибудь потомка собаки Баскервилей...

Ближайшая деревня, которую они проехали, добираясь сюда, состояла всего из десяти-двенадцати домиков, кстати, выстроенных из такого же, лишь слегка обработанного, местного, камня, скрепленного потемневшей от дождей и времени известью, и своим чёрно-унылым видом отнюдь не способствовала возникновению желания преодолеть отделяющие её от замка две мили.

Конечно, с полным правом «громадой» монолит замка назвать нельзя. Но и маленьким это сооружение не было – в ширину фасад простирался не меньше, чем на шестьдесят ярдов. В высоту же весьма напомилавшее слегка переделанную средневековую крепость строение имело всего два эта-

жа – но очень высоких.

Протопить зимними вечерами не менее чем пятиярдовые в высоту покои, как почему-то сразу подумала Кэролайн, будет нелегко.

Разумеется, отдавая дань традициям архитектуры и аристократизма, передняя часть замка выходила на приветливую лужайку с фонтаном, вокруг которого и шла, собственно, подъездная дорожка, и деревья старого парка стояли редко, и почти ничего не затеняли. Однако в глубине, за замком, явно виделись верхушки густого и не слишком ухоженного, практически леса – с левой стороны строения. С правой же густые заросли камыша и кустов скрывали что-то вроде небольшого озера.

Возможно, остатки оборонительного рва вокруг владений древних феодалов.

Высоченные двери из старого, и тоже почти чёрного дуба дрогнули, скрипнув.

Одна из створок медленно и торжественно распахнулась, открыв взору всё ту же настораживающую черноту. Словно материализовавшись из пустоты, в проёме неторопливо возникла гротескно прямая фигура, и по ступеням сошёл пожилой мужчина. Его осанка и походка, отработанные за долгие годы, сказала бы ей кто он, даже если бы на нём не было отлично сидящей и почти новой ливреи.

– Дорогая... – сэр Томас слегка запнулся, давая дворецкому подойти. – Позволь тебе представить Мерчиссона, на-

шего, так сказать, фамильного дворецкого. Мерчиссон – это миссис Томас Генри, она теперь полноправная хозяйка «Большого озера».

Сэр Томас оглянулся на таксиста, уже выгрузившего из багажника пять чемоданов, две сумки и шляпную коробку, и поторопился добавить:

– Мерчиссон! Будь любезен позвать Ганса, и приказать ему перенести в комнаты наш багаж.

Мерчиссон, которому новоиспечённая хозяйка вежливо и слегка испуганно улыбнулась, склонился в глубоком поклоне. И только выпрямившись, неожиданно глубоким голосом ответил, придав тону положенную долю торжественности:

– Очень приятно познакомиться, миссис Томас Генри! Для меня будет честью служить столь очаровательной Хозяйке, – выделив это слово, он развернулся к хозяину, и на много сдержанней произнёс, – Слушаюсь, сэр. Немедленно распоряжусь, – после чего сделал приглашающий жест, пропуская приехавших в замок.

Переглянувшись, молодожёны вошли, поднявшись по трём широким, но сильно выкрошившимся ступенькам. Сэр Томас старался бодрим видом хоть как-то поднять явно упавшее настроение своей супруги, гордо сообщив:

– Этот замок начали строить в тысяча четыреста шестьдесят четвёртом году. А закончили только через сорок лет!

– Знаешь, дорогой... В это я запросто могу поверить. Если бы ты сказал, что он стоит ещё со времён норманнов, я

и то поверила бы! – нескрываемое разочарование «родовым гнездом» сквозило не только в тоне новоиспечённой хозяйки, но и в нервном движении точёного плечика.

Мерчиссон, войдя сразу за ними, закрыл дверь, после чего позвонил в колокольчик, лежавший на трёхногом, скорее уж похожем на этажерку, столике. Почти мгновенно появилась горничная в белом и отлично накрахмаленном переднике.

– Майра, – в тоне Мерчиссона звучала гордость и удовлетворение, словно это лично он выбрал хозяину такую красавицу в жёны, – проводи миссис Томас Генри и сэра Генри в их апартаменты.

Мерчиссон удалился, очевидно звать на подмогу Ганса, горничная вежливо поклонилась:

– Здравствуйте, миледи.

После чего ничуть не смущаясь, буквально впиалась искрившимися неподдельным интересом глазами в молодую женщину.

Однако Кэролайн не обиделась – во взгляде Майры читалось ещё и неприкрытое восхищение: заметно было, что новая госпожа произвела. Впечатление. Голос у девушки оказался звонким:

– Прошу сюда, миссис Генри... и вы, сэр. – она провела их по правой части монументальной, и украшенной помпезными балясинами, парадной лестницы, на второй этаж.

О! Кэролайн удивилась. Здесь оказалось заметно, что заботливая женская рука касалась «раритетов» и фамильных

чертогов – с тем, чтоб придать всему, если не уют, то хотя бы ощущение, что ты – не в музее.

Если в прихожей было темно и тихо, и витал явственный запах пыли веков, то на втором этаже ощущение, что люди всё ещё живут здесь, пересиливало общее впечатление запущенности. Пыли не обнаружилось нигде – даже на развешанных по стенам старинным алебардах и мушкетах. А в воздухе даже витал еле уловимый запах смеси для полировки – что-то с воском и канифолью... Да, черт его задери, Кэролайн отметила, что старинные, матово блестящие дубовые панели, которыми был облицован коридор до середины высоты, смотрятся великолепно. Хоть и темноваты, конечно.

Майра повела их в правое крыла замка по широкому коридору. Примерно посередине он делал крутой поворот – да, верно, замок ведь построен в виде буквы «П» – после чего продолжался ещё добрых сорок ярдов. Впрочем, комнаты супругов оказались практически посередине бокового крыла, и так далеко идти не пришлось.

Гостиная Кэролайн оказалась светлой и уютной. Стены, судя по всему, недавно, оклеили новенькими обоями в светло-зелёном тоне: гирлянды полевых цветов на них неплохо смотрелись. Правда, общее впечатление несколько портили высоченные потолки – в высоту почти квадратная комната явно была больше, чем в длину и ширину. Огромнейший камин, расположившийся у боковой стены, недавно выбелили, и своим почти двухярдовым тёмным зевом он придавал

помещению консервативности – как бы в противовес легкомысленным цветочкам обоев.

Интерьер составлял диван и два кресла, вполне в стиле прошлого века – с изогнутыми и резными ножками и спинками. Ткань обивки соответствовала обоям. Старинное бюро, располагавшееся в углу, впрочем, реставрации уж точно не подвергалось, и сиротливо чернело потускневшим деревом.

Вызывающе контрастируя с общим торжественно-старинным духом, напротив дивана висел огромный экран современного телевизора, а в углах стояли колонки.

Кэролайн, повинувшись смутной догадке, подошла и постучала по стене костяшками пальцев. Сэр Генри, с полуулыбкой наблюдавший за действиями супруги, подтвердил её догадку:

– Совершенно верно, моя дорогая! Всё обшито свежими досками, и уже затем оклеено обоями! А старый почерневший резной дуб только придавал бы мрачности твоему будущу. Ну, ты же помнишь, как оно там, в коридоре?.. Посмотрим спальню?

Что бы ни подумала молодая женщина про столь странное обращение с достоянием предков, она попридержала это при себе, пройдя в спальню уверенной лёгкой походкой. Вопиющее варварство! С другой стороны приятно осознавать, что ей пытались создать комфорт. И настроение – повеселей.

Потому что если бы здесь, и правда, стены остались как в

коридоре – хоть «караул!» кричи...

Спальня оказалась гораздо больше – в длину не менее семи ярдов. Её украшали обои уже в голубом тоне, с морскими мотивами – русалки, рыбы, парусники...

По центру дальней стены возвышался монументальный реверанс эпохе королевы Виктории: массивная и очень широкая кровать под высоченным балдахином, со всех сторон завешенная газовыми занавесями. Сбоку от кровати располагалась дверь – как сразу подумала молодая женщина, в спальню её супруга.

Второй простенок занимала картина, потемневшая от времени и довольно большая – не меньше ярда в ширину, и двух – в высоту. Вычурно резная рама, да и смутно проглядывавшая на ней фигура совершенно почернели, хотя сама резьба потрясала великолепием – вот уж старались раньше мастера! На века!

Остальная мебель была вполне в духе будуара – с гнутыми и резными ножками, спинками и подлокотниками. Туалетный столик оказался ничуть не меньше обеденного стола: на нём запросто поместились бы все коробочки и флаконы, которые Кэролайн привезла. И ещё можно было бы улечься самой, если бы возникло такое желание. Правда, зеркала могли бы быть и не столь тусклыми. Зато, как, видя её интерес, не без гордости сообщил супруг – «Настоящие венецианские!»

– Ну, что скажешь, дорогая? Не зря плотники и декораторы старались два месяца? – в тоне Сэра Генри сквозила

неподдельная гордость. Он действительно старался скрасить ей невольное заточение хотя бы радостными тонами и экзотикой – но в комплекте с современными удобствами.

Да, за дверью у кровати оказалась именно ванная комната, а вовсе не спальня сэра Генри. И она была оборудована прекрасно: тут имелся и бассейн, (Иначе эту глазурованную громадину и не назовёшь!) и душ, и раковина со всеми полочками, и зеркалом с подсветкой... Зелёно-голубой кафель стен и пола уложен мозаикой в стиле греко-римских бань.

Всё было бы превосходно – вид несколько портила огромная колонка для подогрева воды, занимавшая целиком один из углов. Хотя её и раскрасили под цвет кафеля, она не слишком вписывалась в интерьер.

Видя, что супруга чуть наморщила носик, сэр Томас поспешил пояснить:

– Извини, Кэролайн. У нас ведь нет горячего водоснабжения. Зато есть газ. Так что воду тебе придётся брать отсюда, – он постучал по железному мастодонту, – а включать его будет Майра. Только говори ей хотя бы за полчаса – быстрее вода не нагреется.

Сделав паузу, он с почти не скрываемым беспокойством спросил:

– Ну... как тебе... Все? – он обвёл рукой как бы охватывая и обе её комнаты, и ванну, и весь замок в целом, – Не слишком... э-э... мрачно?

Кэролайн действительно по достоинству оценила масштаб

усилий, предпринятых для того, чтобы удобно устроить её, коренную жительницу Амстердама, со всеми возможными удобствами здесь, в почти средневековой берлоге.

Поэтому ответила вполне искренне:

– Милый, спасибо! Всё действительно чудесно. Я поражена твоему... революционному подходу – не каждый решился бы столь радикально отойти от... традиций Прошлого. Я думаю, что смогу подождать полчаса, – она тоже похлопала колонку, – А всё остальное – просто великолепно.

– Я так рад, что тебе понравилось... – он нежно привлёк её за мягкую талию и чмокнул в ушко.

– Да, мне всё понравилось. Ну что, пойдём теперь посмотрим, как там что «у тебя». Чтобы я уж в полном масштабе оценила подвиг, на который ты согласился, переделав мои интерьеры.

«Милый» расплылся в довольной улыбке:

– Конечно, дорогая! Идём.

В спальне вдруг послышались тяжёлые шаги, стук чего-то большого, опускаемого на пол, и вздох явного облегчения. Когда Кэролайн с супругом вернулись в спальню, они обнаружили четыре её чемодана, поставленные у огромного шкафа. Крупный мужчина, стоявший спиной, резко повернулся, и, увидев выходящих из ванной комнаты супругов, сказал:

– О, прошу прощения, миссис Генри, и вы, сэр... Я постучал – но никто не ответил. Вот я и позволил себе... – он показал рукой на то, что и так было ясно.

– Ничего, Ганс, всё в порядке... Дорогая, это – Ганс. Он у нас и шофёр, и секьюрити, и... ещё много чего. Ганс – это твоя новая хозяйка!

– Очень приятно, миссис Томас Генри. – Ганс вежливо поклонился. Прочсть какие-либо эмоции на его явно скандинавском лице было невозможно, но глаза блестели хитрецой, – Я, с вашего позволения, пойду, сэр? – это был полувопрос-полуутверждение, обращённый к сэру Генри.

– Да, Ганс... Спасибо. – показалось Кэролайн, или её муж чуть заколебался, прежде чем поблагодарить Ганса, которому, честно говоря, больше подошла бы должность вышибалы в каком-нибудь ночном клубе? Шофёр-секьюрити-и-ещё-много-чего, сохраняя каменное выражение на лице, но поклонившись вполне вежливо, удалился.

Покои сэра Томаса являли, «так сказать, исторически сложившийся интерьер» поместья «Большое озеро».

Кэролайн долго водила руками по великолепной резьбе панелей стен, поражаясь трудолюбию мастеров, и неумолимому действию времени: дуб стал совсем чёрным, и крошечные редкие дырочки – работа жуков-точильщиков – только подчёркивали его прочность.

Здесь почему-то воском панели никто не натер.

Странно: уж к хозяину-то могли бы отнестись повнимательней. Или – он сам запретил?

Сами комнаты были почти точной копией её апартаментов. Не было только великолепного двуспального «королев-

ского ложа»: его заменяла простая и скромная кровать из ДСП, обшитого плёнкой под дерево. Кэролайн почесала в затылке:

– Я смотрю, дорогой, ты подготовился ко всему... Даже – к «королевской немилости»!

– Ну что ты, сокровище моё! Должен же я был на чём-то спать, пока мы не встретились!

– А как же... Это монументальное ложе – там, у меня?

– Ну уж нет. Спать под балдахином!.. Да ещё на пуховых перинах... Нет, *настолько* я не избалован! Да и вообще – я же говорил, что последний раз бывал здесь девять лет назад – вот тогда я и спал в последний раз на этой кровати. В детстве, конечно, мы жили здесь с матерью года три... Ну а потом я уехал учиться. И работать.

– Зато теперь ты уж точно можешь не работать! И вести, «так сказать», праздную жизнь родовитого аристократа! Устраивать Приёмы, фуршеты, охоту... Или, на худой конец – литературные вечера. Вот только кто сюда приедет, в нашу глушь?

С одной стороны, сэру Генри было приятно, что пусть глушь – но уже «наша».

Но с другой – его супруга права. Кто захочет забираться к ним, пусть и в Родовое Гнездо, со всеми этими ветхими, хотя и высокохудожественными атрибутами, преодолев для этого пять миль отвратительной дороги.

– Кэролайн! – он подошёл и взял её руки в свои, – Конеч-

но, я хотел бы, чтобы мы вели тот же образ жизни, что и до свадьбы... Думаешь, я не понимаю, что такая юная и очаровательная девушка не должна прозябать здесь, в этой ужа-сающей дыре?.. И, разумеется, тебе нужны подруги, колле-ги, студенты. Здесь, к сожалению, преподавать действитель-но некому.

Но – я тоже согласился на жизнь здесь не с лёгким серд-цем. Ты же помнишь: это просто один из пунктов Завеща-ния. Что – как только я женюсь, то очередной наследный сэр Томас Генри должен появиться на свет только в стенах «Большого озера!..

Ну что мне прикажешь делать – эта замшелая традиция соблюдалась почти пять веков! – он тяжело вздохнул, глядя её руки, и не смея взглянуть в глаза. В таком положении была особенно заметна его начавшая лысеть макушка.

Кэролайн усмехнулась про себя: пусть он старше её на девять лет, но временами напоминает затюканного ребёнка. Все эти «родовые традиции», «дворянская честь», и прочие неотъемлемые атрибуты уклада жизни английских аристо-кратов не слишком впечатляли её. Хотя, как человек ши-роких взглядов, и вполне толерантный член общества, она признавала саму возможность весьма значительного влия-ния всего этого на жизнь и поступки заложников преслову-того «Фамильного долга»...

– Не расстраивайся, милый. Пока есть мобильный теле-фон, – она похлопала по сумочке от «Дольче и Габбана», –

подруги никуда не денутся! Да и не так уж страшно тут у вас. Подумаешь, немного пахнет тиной... Где-то чуток пыли, или паутины. Ерунда! Два-три месяца, пока малыш не проявится сильнее – мы с Майрой уж подсуетимся!

Будет у тебя то ещё «родовое гнёздышко!»

– Спасибо, драгоценная жемчужина в короне моего герба! Ты проливаешь мне на душу просто целебный бальзам! – он торжественно воздел руки к небу. Потом опустил их и хмыкнул, – Ну а если серьёзно – я очень рад, что ты согласна взять, так сказать, в свои нежные ручки бразды правления этой дырой. Честно скажу – как управлять такой громадиной, я даже не представляю... Ты же видела, во что я превратил свою квартиру.

– Ничего, сэр Томас Генри, ничего... Даст бог, методом постепенного приближения мы ограним и отшлифуем этот запущенный и забытый на фоне Шотландских лугов и болот, бриллиант.

– Спасибо, дорогая... Я знал, что ты у меня умница! Да ещё и какая хозяйственная!

Ну что, пойдём посмотрим веранду внизу? Она выходит прямо в парк, и там можно устраивать летние завтраки, так сказать, почти на лоне девственной... – обняв супругу за ещё не начавшую расплываться и «приятную на ощупь» по его неоднократным заверениям, талию, сэр Генри вывел её из своих покоев вновь в коридор, и голоса затихли.

Не прошло и пары минут, как в опустевшей комнате по-

слышалось редкое, а затем и уверенное тиканье – очевидно, жуки-точильщики снова взялись за многовековую неустанную работу.

Веранда понравилась Кэролайн.

Она была не слишком большая – шесть на четыре ярда, зато с отличной крышей, и прекрасным видом – пусть на сильно запущенный, но самый настоящий лес. Располагалась она в противоположном от спального, крыле замка. Сам замок, конечно, знавал и лучшие времена, но всё же при ближайшем рассмотрении носил следы кропотливой работы, и обжить его было вполне реально.

Понравился Кэролайн и обед, сервированный в огромном «парадном» зале первого этажа.

Повар у сэра Генри оказался пусть пожилым, но уж настолько профессиональным!

Такой кухней не смогли бы похвастаться десятки пыжащихся и пиарящихся в борьбе за клиентов, работающих «под аристократизм» новомодных отелей и гостиниц, которые они посещали, пока длился довольно долгий период «ухаживания».

По её настоянию весьма объёмного в поясе кулинара в не совсем белом (Простительно, когда приготовил столько вкусностей!) переднике, пригласили в обеденный зал, и миссис Томас Генри лично выразила ему своё восхищение вкусом приготовленных на обед блюд.

Пробормотав что-то вроде «благодарю, миледи», повар поклонился, и упятился, стараясь не поворачиваться к ним задом. Сказать, остался ли он доволен похвалой, или наоборот, было невозможно – широкая борода и грозно нависшие валики кустистых бровей совершенно скрывали выражение очень – ну, очень! – широкого лица.

Попросив «дорогого» прийти «пожелать ей спокойной ночи» не раньше, чем она приведёт себя в порядок – то есть часа через два – она отправилась в свои весёленькие покои.

Вставив зарядное устройство телефона в розетку (Насущная необходимость!), новоиспеченная аристократка добрый час после обеда посвятила «задушевному» разговору с самой «запятой» подругой, всю жизнь мечтавшей о благородном и богатом муже, и заведшей для этого разнообразные, стойкие массы нервов и денег, связи в соответствующих кругах. Ну, уж Кэролайн, хоть и хлопала по ногам, ругаясь вполголоса на гудящую гвардию налетевших комаров, не упустила случая надавить, как бы невзначай, на пару самых любимых мозолей:

– ...да, дорогая... Сказал, что предки собирали это четыре века: и мушкетеры, и эти... Как их... алебастры, и мечи... О, конечно – развешано по всему замку! Нет, я сама, разумеется, ничего в этом не понимаю, но Томас приглашал эксперта-оценщика из Глазго... Пятьсот тысяч, по самой скромной оценке... Нет – фунтов, конечно – кому здесь нужны эти дурацкие евро: тут все – консерваторы до корней мозгов!.. Нет,

немного скучновато. А комаров тут – ты не представляешь!.. Да, озеро прямо под окном... Бывший ров, конечно... Нет, купаться-то уж точно нельзя – зато ну очень похоже на феодальный замок, как их рисуют на всех картинах!.. Что? Да, начинаю вживаться в образ благородной Леди!

Следующий час она, не вызывая, разумеется, никакую Майру, осваивала бассейн.

Ночь, проведённая на кровати с балдахином, в объятиях ласкового, и слегка поседевшего и располневшего, но – в полной мере «мачо», вселила в её душу необходимую дозу оптимизма.

Заодно она оценила и необходимость газовых занавесей – мириады комаров, поналетевших с болотистых полей почти нетронутого сельским хозяйством края, своим гулом вначале сильно раздражали. Но окна приходилось держать открытыми – сэра Генри ещё не озаботился установкой кондиционера. По его словам, это могло повредить «микроклимату» замка – начали бы коробиться картины, гобелены, рукоятки «алебастр» и т. п. . .

Зато потом, когда они, уже уставшие и довольные, лежали, мирно переругиваясь об имени будущего наследника, оказалось, что под этот гул замечательно спится. . .

Теперь Кэролайн уже не планировала, как в начале, сразу после того, как разрешится от бремени «очередным наследным сэром Генри», мирно покинуть ещё лет эдак на двадцать «родовое гнездо», чтобы жить во вполне современных квар-

тирах Лондона, которых ей дедушка оставил сразу две.

Нет, она уже почти с энтузиазмом обдумывала, какой бы мебелью обставить их жилые комнаты, и где бы ещё подре-ставрировать, чтобы не стыдно было показать друзьям и зал со старинным оружием – настоящий филиал музея! – и силь-но обветшалую оранжерею с чахлыми фикусами. Не поме-шало бы и навести порядок в неухоженном цветнике, при-ютившемся между двумя боковыми крыльями замка. А уж про жуткое болото, которое её супруг гордо именовал «озе-ром» и говорить нечего – вероятно, его нужно просто засы-пать. Может, тогда и комаров не станет...

К сожалению, третью ночь в её новом «владении» Кэро-лайн пришлось проводить одной.

Сэра Генри вызвали с утра в город – а ещё бы!.. После того, как Председатель правления банка «Стандарт полис... чего-то там» (она не запоминала) два месяца отлынивал от своих основных обязанностей, пусть и по столь уважитель-ной причине как медовый месяц, «очень важных дел» нако-пилось немало! Так что «дорогой» отправился «повышать материальное благосостояние» их молодой семьи, Кэролайн же решила полежать подольше в постели.

Только теперь, когда несколько улеглось волнение и суета последних трёх-четырёх месяцев, она могла, наконец, спо-койно оглянуться назад, и трезво взглянуть на ситуацию.

А что – неплохая, в принципе, ситуация.

Вот она лежит, простая голландская преподавательница

английской филологии в университете Амстердама. Ну, не без «благородных», конечно, кровей... И, конечно, она могла бы прекрасно прожить, сдавая в аренду две Лондонских квартиры, что оставил по завещанию дедушка... Или даже на небольшую, но стабильно поступающую ренту, оставшуюся от матери.

Но ведь она же жаждала свободы и независимости!.. Как знать: если бы она не преподавала, может, их пути с Томасом никогда б и не пересеклись.

Конечно, он вначале скрыл, что Наследник, Председатель, и все прочие свои данные великолепного кандидата в «принцы на белом коне»... Однако её он заинтересовал не своими даже отменными физическими кондициями.

Нет, скорее уж она влюбилась в его спокойствие – неколебимое и монументальное – почти как эта самая кровать! – и немодные, редкие, и совершенно уникальные манеры рыцаря двенадцатого века! Ах, всё это вызывало такую приятную ностальгию...

Словно читаешь роман Вальтера Скотта!

Конечно, с юмором у Томаса было бедновато. Но кто же знал тогда, что он руководит Банком – должность, не слишком-то располагающая к шуткам и смеху. Да и потом, пусть он на девять лет её старше, но – если не считать некоторой... склонности к облысению и полноте – внешне они почти ровесники! И так приятно было слушать нотки раздражения, и с трудом скрываемой зависти в голосе Белинды... Вот её-

то она точно пригласит, когда вычистит все углы и выметет паутину!

Выбравшись из постели, Кэролайн направилась к громаде шкафа.

Да, вот уж мебель, так мебель! Прослужит ещё лет триста. Что же одеть?..

Она остановила свой выбор на сером фланелевом костюме, явно не пострадавшем бы, даже если бы она и нашла и раскопала многовековые залежи этой самой пыли...

Завтрак в одиночестве в огромном обеденном зале несколько напряг её – хотя Майра и весьма приветливо обслуживала её, чувствовать себя под готическим сводом пятирядового потолка длиннющего помещения хозяйкой всего этого... Было как-то непривычно и странно. Однако она продолжала мужественно игнорировать монументальные готические своды над головой, и мило улыбаться.

Не столько для Майры, сколько для самой себя.

А чего ей нервничать? Она – Хозяйка!

Начать работу над поместьем, придётся, наверное, всё же с оранжереи. Туда она и проследовала – да, теперь ей по рангу полагается не ходить, как прочим смертным, а «следовать», или «почтить своим присутствием»: она же – мать их! – Аристократка!..

Оранжерея, пристроенная к торцу одного из боковых крыльев дома, сохранила остеклённую крышу. Но кое-где были видны потёки от явно протекающей дождевой воды.

Хм. Значит – придётся установить новые прокладки взамен сгнивших. Это дешевле, чем ставить новую алюминиевую раму и стеклопакеты... Уж в этом-то она разбирается.

Так, теперь грунт. Поковыряв его стоящей тут же, в углу, лопатой, она убедилась, что грунт слежался, и истощён. Ну, заменить его тоже не столь дорого. А вот растения...

Четыре агонизирующих фикуса, все в перьях засохших веток, явно подъёму настроения не способствовали. Засохший куст. Жасмин! Так, а это что было?.. А, ирисы. Нет уж. Пусть лучше будут тюльпаны. А если не тюльпаны – так хотя бы гвоздики.

Но в целом помещение размером десять на шесть ярдов ей понравилось – оно точно придаст уюта и аристократичности их Помезью. Что ж, с этим понятно. Теперь посетим парк.

Парком Кэролайн осталась довольна куда меньше. Он нуждался в посадке молодых деревьев вместо засохших и сгнивших, а так же в хорошей дорожке, мощёной плиткой... Или хотя бы асфальтированной – иначе «прогуливаться» после дождей придётся по колено в грязи.

Ещё час ушёл на осмотр внутренних помещений. Посетила она даже кухню – чем насупившийся шеф-повар уж точно обрадован не был. На её вопрос, он, впрочем, вежливо ответил, что «ничего в интерьере он изменить не желал бы, и его отца и деда вся планировка, и даже старинные печи, вполне устраивали, значит – и его устраивают!» Предложение помыть окна без энтузиазма восприняла уже Майра, то-

же находившаяся на кухне.

Вернувшись к себе в кабинет, после обхода всех цокольных и подвальных помещений, часть из которых, впрочем, оказалась заперта, Кэролайн облегчённо вздохнула.

Сняла костюмчик, действительно сильно пропылившийся. Одела роскошный восточный халат, в котором ещё не красовалась здесь ни перед кем. Зеркало, хоть и было тускловатым, её юной прелести и статности не скрывало. Конечно, стиль не Коро*, а скорее, Рубенса*... Но – она хороша. Даром, что ли – такой аристократ «клюнул»!..

*Коро, Рубенс – художники.

Повертевшись, она прошла в спальню – к картине.

Она давно хотела рассмотреть её получше, но всё не получалось – ночью она была занята. В другом месте. И другими делами. А днём отсветы солнца делали поверхность просто белёсым отсвечивающим пятном. И вот теперь, слегка занавесив ближайшее окно, она оценила древний шедевр по достоинству.

На заднем плане густой лес. Было легко понять, что это лес, хотя всё давно превратилось в сплошную тёмную массу неопределённых очертаний.

На переднем же стояла женщина в нижнем бельё – догадаться, что это ночная рубашка легко можно по отсутствию сборок на талии, и по отделке ворота...

Лицо женщины опущено книзу. Так, что длинные волосы пышной копной падали почти до колен. Однако лицо от-

ражалось в воде пруда, или озера, на самом краю которого женщина стояла.

Выражения, которое художник придал отражению в воде, рассмотреть почти невозможно.

Но почему-то Кэролайн казалось, что на нём написан дикий ужас – глаза расширены, рот сведён судорогой... Или это – причуды померкших и растрескавшихся красок?.. Или – искажает чуть морщимаемая ветерком поверхность пруда? И почему женщина стоит, опустив голову, раз уж её переполняют столь сильные эмоции?..

Хотя – не придумала ли она сама себе всего этого?! Как можно судить о чувствах по искажённым рябью чертам? Да и лицо было расположено наоборот – вверх ногами! И с чего бы это она домыслила... Или придумала *такое*?!..

Словом, странная картина. Написанная явно с отступлением от традиций XV11-XV111 веков...

Проведя по поверхности рукой, она убедилась, что пыли нет, и вся поверхность покрыта тонкой сеткой патины. Похоже, подлинник.

Нет, реставрировать её она не будет: скорей уж отправит в зал с оружием, а сюда повесит... хотя бы натюрморт. Ну, или свой портрет – с ребёнком на руках! Осталось только родить его. И заказать портрет. Профессионалу. А уж их тут, в Англии, предостаточно. Впрочем, как и там, откуда родом она.

Ужин-обед прошёл совсем не так весело, как ей хотелось

бы. Вроде, она ничего не делала, но ощущала усталость. Хорошо, что дражайшему супругу можно хотя бы позвонить.

– ...нет, моя радость, ещё не разобрался... Да, как-нибудь переночую у себя... Наверное, задержусь ещё на пару дней!..

Как же, «на пару!..» Знает она эти обещания ответственных работников!

Ещё одна ночь в одиночестве, пусть и на подлинно королевской кровати, вовсе не вдохновляла её. Посидев перед экраном настенного телевизора в гостиной, она решила, что кормить местных комаров больше не желает.

В постель, за занавеси, забралась с книгой.

Однако чтение почему-то не шло. Казалось ей, или странная картина немного... сместилась? Нет, висит, как всегда. Но что тогда – не так? Нет, точно – не так!

Дьявол задери, она всё равно выяснит!..

Включив весь верхний свет в дополнение к боковым светильникам, она встала прямо перед картиной. Ага, вот с этой точки изображение не отсвечивает...

Чёрт!..

Но разве такое возможно?! Ведь только сегодня днём она внимательно...

Странно. Она могла бы поклясться чем угодно, что днём, когда она разглядывала картину, лица фигуры видно не было – всё его закрывали волосы, и только в отражении в воде...

Но теперь часть лица оказалось видно и в верхней части картины: словно женщина медленно, преодолевая страшную

тяжесть, пытается поднять голову, и взглянуть на неё... Вот, пожалуйста – стал заметен подбородок... нос и лоб.

Правда, пока сильно искажённые, но – однозначно: подбородок, нос и лоб!

Впрочем – почему «пока?» Она что же, в самом деле, думает, что женщина поднимет лицо полностью?!..

Чушь какая...

Подойдя ближе, она придирчиво ощупала раму. Хм... Нет – рама – та самая! Она отлично запомнила вот эти и эти завитушки, и трещинку – вот здесь. Никакой речи о подмене быть не может.

Да и кому это надо?! И... зачем?!

Ох уж эти старинные замки с их кровожадными и коварными владельцами...

И дурацкими легендами.

Она была точно уверена – попроси она Томаса, и он расскажет что-нибудь «родовитое», и трагически-мистическое про эту самую... Давнюю прародительницу! Типа, мол, несчастная любовь... Поруганная честь...

Пахнет суицидом...

Нет уж! Не будет она ничего спрашивать.

А если захочется страшилок – вон, есть Стивен Кинг, Лавкрафт, Дик, и прочие борзописцы... А ещё море фильмов – достаточно включить дивиди-проигрыватель.

Погасив верхний свет, она фыркнула, и забралась в кровать.

Вот чёрт, опять все икры искусали... Придётся взять крем – иначе будут болячки там, где она чесала.

Больше она не читала, но уснула вполне... быстро.

Утро не способствовало бодрости духа и подъёму настроения.

За окнами оказалось серо, и слышно было, как ветер заывает в высоченных каминных трубах на крыше. Подойдя к окну, она убедилась, что накрапывает дождь. Ладно, надо одеваться и завтракать.

Даже после завтрака она не почувствовала себя бодрее. Энергия, переполнявшая её вчера при взгляде на доставшееся фамильное чудо, которое надо преобразить на зависть соседям и друзьям, куда-то испарилась. Поэтому она побродила по гулким и тёмным коридорам первого и второго этажей в своём роскошном халате, пытаясь вернуть утерянный энтузиазм, однако поскольку тот растворился где-то в вое ветра и стуче дождевых капель о стекла, плюнула, и пошла смотреть телевизор.

Через полчаса, убедившись, что несмотря на триста каналов, ловимых немаленькой тарелкой, смотреть практически нечего, плюнула и на это «увлекательное» занятие.

Значит, придётся-таки заняться полезным делом.

Она прошла в гараж. Ганс, кажется, нисколько не удивлённый её появлением, оставил лежать на козлах что-то огромное и механическое, напоминавшее мотор автомобиля, ко-

торым до этого занимался, и перетащил сравнительно целый шезлонг в оранжерею.

Плед и подушки она принесла сама.

Порывшись в одном из своих чемоданов, Кэролайн нашла, что хотела.

Полусидя-полулёжа она где-то с час мужественно вязала пинетки для крошечных ножек – вот спасибо бабушке, что научила в своё время. Мерзкая погода за это время несколько не улучшилась. Хорошо хоть, дождь не лил сплошным потоком, а налетал потоками мелких брызг с порывами ветра.

Так что крыша пока держалась, и на неё не капало.

Но через час она сдалась – выждав время обеденного перерыва, позвонила мужу.

– Дорогой! Не хочу тебя расстраивать, но... Словом, если сегодня не приедешь ночевать – я тут с ума сойду... Нет, не нервничаю... Чёрт!.. Говорю же – никаких истерик!.. Словом – жду!

«Дорогой» действительно соизволил прибыть.

Да ещё на восстановленной, наконец, машине.

Так как поливало уже словно из ведра, оценить всю сомнительную прелесть «эксклюзивного» Астон-Мартина пятьдесят восьмого года она смогла только в гараже. А там не больно-то обойдёшь вокруг хромировано-причудливой мокрой железяки.

Впрочем, когда на её наивный вопрос сэр Генри сообщил, что такой вот коллекционный экземпляр стоит почти

полмиллиона, она согласилась, что да, пожалуй, такой автомобиль способен придать солидности Председателю правления получше, чем даже навороченный современный «Майбах»...

Ужин прошёл куда веселей, чем два предыдущих.

С подозрением оглядев картину (ничего не изменилось), она забралась в постель, и «дорогой» не заставил себя ждать... И не разочаровал её.

Однако ночью она внезапно проснулась – словно кто-то толкнул её в бок.

Дождь прекратился, и в комнате витал чудесный запах мокрой земли и зелени. Даже комары заткнулись. Но – вот опять!.. Или это ей почудилось?..

– Эльза... – тихий женский голос явственно раздавался из-за окна, и она была уверена, что этот самый зов и разбудил её.

Она глянула на Томаса. Он вполне мирно спал, повернувшись, как и положено примерному супругу, носом к стене. Нет, она не станет будить его... Мало ли, что там кажется беременным! Может, у неё – вот именно! – слуховые галлюцинации?

– Эльза!..

Кажется ей, или голос стал громче и настойчивей?!

Выбравшись из-под полога и засунув ноги в тапочки, она подошла к окну.

Гос-с-споди!!! Теперь ещё и глюки!..

Она отлично *видит* – вон, фигура в белом!

Отчётливо маячит на дальнем берегу болота-озера, чернеющего прямо под окнами её спальни. Видны даже протягиваемые к ней руки!.. Невольно она кинула взгляд на картину. (Нет! Никуда эта зар-раза не делась!) Но...

Да, будь оно неладно! Фигура – один в один!..

Но – там, на берегу?! Мысль её спросонья никак не могла сосредоточиться на чём-то одном: то ли разбудить Томаса, чтобы он взглянул...

То ли разобраться как-то самой (Но – как?!). То ли... Просто плюнуть на всё, и лечь спать дальше.

Подумав, она всё же тихонько, а когда не возымело действия, и громко, позвала:

– Милый! Томас... Да Томас же – чтоб тебя!.. – за секунду до того, как она совсем уж было надумала неаристократично пнуть милого в тощий зад, он заворочался, и уставился на неё ничего не понимающим взором из-под занавесей. – Ну-ка, подойди сюда!

Молодец. Он не стал переспрашивать, или возражать, а просто встал и подошёл к ней, прихватив с тумбочки очки.

– Посмотри туда, – она указала пальцем, хоть это и не принято в приличном обществе, – Ты там... что-нибудь видишь?

Фигура с протянутыми к ней руками, как ни странно, никуда не делась. Но Томас или очень удачно притворялся, медленно водя взглядом по дальнему берегу, либо и вправду

никого не видел. О чём и сказал ей вполне честно:

– Дорогая... В чем дело? Я не вижу ничего... э-э... необычного. Что конкретно ты имеешь в виду?

– Ну... мне показалось... Вон там, – она снова ткнула пальцем, – Стоит, вроде бы, какая-то белая фигура! Женщина в ночной рубашке. И ещё она как бы зовёт: «Эльза!..» Не слышишь?.. – глаза сэра Генри почти сделали финт «выпучивания» – словно у краба. Затем «дорогой» взял себя в руки.

Снова придирчивым взглядом осмотрел панораму, открывавшуюся из окна, после чего куда внимательней осмотрел жену. Она подумала, что в тусклом свете ночника, пожалуй несколько... бледновата. И взволнована.

Огромные же выразительные глаза наверняка черны, и словно занимают поллица.

– Послушай, любовь моя... Я действительно никого там не вижу... Только ради бога, не расстраивайся – ты в *таком* положении, – он подчеркнул эти слова, – Быть может, я был неправ. Знаешь, давай я завтра же увезу тебя в город. Подумаешь, поживёшь в гостинице. Тогда и мне не надо будет возвращаться сюда – сможем ночевать прямо там!

Кэролайн мягко выскользнула из его объятий, и снова взглянула в окно.

Меньше всего ей хотелось, чтобы её муж подумал плохо о её психическом состоянии... Словно оно неустойчиво. Нет – она в порядке!..

Но вот до неё дошло – она ведь смотрит прямо туда, где только что...

Но – никого там уже нет!

– Ф-фу-у!.. – она перевела дух. – Нет, мне уже лучше. Тьфу ты, чего только не померещится в ваших болотах!.. Нет, я уже никого не вижу! А представляешь – я так удивилась, что даже забыла испугаться!..

– Но что... Что ты видела?

– Вот эту женщину! – Кэролайн ткнула указующим перстом прямо в ненавистную картину. – Это была она! Она стояла на том, дальнем, берегу, и звала меня... Нет, не так – она звала какую-то Эльзу. А кто это – Эльза?.. Да и кто... сама эта женщина? – от намерения не расспрашивать о фамильных байках не осталось и следа, но она этого уже не осознавала.

Томас поморщился, словно от зубной боли.

Потом чертыхнулся: «Я же просил их!.. Болтуны чёртёвы...»

– Да нет же, дорогой! Мне никто ничего не рассказывал. Так что не надо никого ругать. Это правда – мне никто ни о чём не говорил... Да я и не расспрашивала, собственно, ни о чём, и – никого.

Так – что?.. Поведаеть очередную «роковую легенду старого Замка»?! – в её тоне уже появилась ирония, а на лице – пусть осторожная, но – улыбка. Правая бровь чуть приподнялась – приглашая...

«Дорогой» ещё попытался отвертеться, бормоча что-то вроде: «Может, лучше не надо?», «Не люблю я эти старые страшилки...», и «Ну за каким шутом это нужно ворошить – прошло же двести шестьдесят лет!»

Но уж если женщина чего-то хочет...

Женщину на портрете звали Рэчел.

Вернее, её девичье имя было Рахиль, и происходила она из семьи, где каким-то боком затесались еврейские (Впрочем, весьма преуспевающие!) предки... Но благодаря неповторимой красоте и недюжинному уму она произвела столь сильное впечатление на наследного лорда Томаса Генри, что он смело проигнорировал все ворчливо-стереотипные возражения остальных членов семьи, и женился-таки.

В первые годы шла, разумеется, настоящая, (называя вещи своими именами) грызня.

Но весьма быстро Рэчел, как все домашние теперь называли её, доказала, что её советы приносятся как мужу, так и семейному клану, только пользу.

Это она предложила вложить деньги в производство шотландского «скотча», и затем построить огромное хранилище для выдерживания дубовых бочек на срок в пять лет... (Кстати, дорогая, завод и склады до сих пор приносят неплохой доход!).

Это по её предложению сэр Генри прикупил земель, и тонкорунных баранов и овец на племя, и построил первый заво-

дик по производству высококачественных тканей. И, между прочим, это ей захотелось оранжерею. Да и вообще – много чего ещё при ней было сделано и преобразовано. И всё – в толк!

Только одна женщина так до конца и не смирилась с плебейским происхождением миссис Генри – мать её мужа. Вот её-то и звали Эльза.

Да, согласен – странное имя для старинного шотландского рода. Возможно, назвали в честь пра-пра-бабушки. Её чуть ли не один из крестоносцев привёз из похода. И была она из германок...

Ну а её далёкая пра-пра... и так далее, внучка, ну вот никак не могла смириться с еврейкой.

Согласно легенде, она-то и погубила бедняжку!

Нет, дорогая, я сам ничего не думаю. Я просто рассказываю, как ты просила. То, что передавалось из поколения в поколение... Что ты! Записей никаких нет! Да и чем тут гордиться?..

Тем, что мои предки вели себя подобно членам кружка рукоделия в любом заштатном городишке?.. Вот-вот, интриги, сплетни, откровенная клевета, ссоры с соседями, вероломные нападения на них, и их йоменов... Ну, раньше все феодалы так развлекались. Живи я в то время – и мне бы пришлось. Вот именно: «Ох-хо-хо!..» Ну а фрау... Пардон – леди Эльза...

Всё не могла успокоиться. Её сын был женат уже около

двадцати лет. И трое сыновей росли крепышами и были весьма умны и образованы... для аристократов. Старший уже был в Итоне, младших учили пока на дому. (Заслуга, кстати, целиком Рэчел.) И ещё была дочь – Оливия. Красавица – вся в мать. Ну, ей-то, собственно, вся эта история не повредила. её удачно пристроили замуж, и позже она уехала в Америку.

Так вот, когда отправили в Кембридж второго сына, Эльза пригласила письмом к себе дальнюю родственницу... С сыном. Обедневший дворянский род, и всё такое. Ну а сыну было около сорока, и он был вдов. Не скучно ещё?..

Ну да что тут рассказывать – ты и сама уже обо всём догадалась. Точно – как не была Рэчел благоразумна, Эльза смогла оклеветать её, и подстроить так, чтобы сын застал парочку на якобы свидании. Да нет, просто леди Эльза вызвала сноху в парк, под каким-то предлогом, а затем туда пришёл и этот... оболтус-бездельник.

Ну а сэру Генри достаточно было и показать их из окна спальни.

Рэчел, разумеется, оправдалась. Гостей... вежливо попросили убраться, но не раньше, чем сэру Генри сделал в бедре обидчика отличную дырку своей рапирой. Что?.. Нет, по-моему, этот гад (Пардон!) выжил...

Но Эльза же – не успокоилась. Что там было вторым инцидентом – не помню подробно. Что-то, вроде, с укрыванием, и передачей части прибылей своим родственникам. Сэр Генри в бухгалтерии был не силён – возможно, и поверил.

Но был и третий эпизод – уже вопиющий.

Когда муж Рэчел стал... э-э... несколько сдавать позиции, та решила восстановить его способности – знала она какой-то фамильный рецепт, ну, там, травы всякие, порошки, зола чего-то сожжённого. Словом, когда она готовила очередной такой состав, её и застукали. Ох, не вовремя это было – как раз в наших краях свирепствовал церковный Трибунал, и могло и для сэра Генри всё кончиться весьма печально. Могли и за детей взяться, и поместья лишить...

Но Рэчел не стала этого дожидаться – утопилась вот в этом самом озере. Оно тогда было, конечно, куда больше и глубже. Да, вот прямо в ночной рубашке и утопилась.

Нет, дорогая. Всё это только красивая легенда – пра-прадед говорил, что она просто скончалась от сердечного приступа.

Тем не менее, с тех пор местных девушек, не сохраняющих... э-э... невинность до свадьбы пугают: «придёт Рэчел, заберёт на дно глубокое, замажет глазки похотливые илом вонючим, заткнёт глотку травой водяной, и оставит в озере навеки! Хороводы ночами водить, да путников поздних с ума сводить...».

Нет, этот стишок я выучил ещё лет в пять. Он вроде дразнилки у всех окрестных детишек. Ну, ты же знаешь – дети обожают пугать тех, кто младше...

А ещё местные говорят, что иногда согрешившие девицы и правда – зов слышат... Народ тут довольно тёмный, и кро-

ме своих наделов да овец ничем и не интересуется – вот и травят да поют байки по праздникам в кабаках, да на посиделках в гостях... Как звучит с музыкой? Не знаю, не слышал! Извини.

Да ладно тебе, не сердись! Говорил же, не надо всякий бред слушать. А мне – рассказывать...

Ну – иди сюда! Нет уж: раз разбудила – тебе не отвертеться... А чей это ротик?.. А ножка? Ой, скажите пожалуйста – прямо и чмокнуть в шейку нельзя...

Больше сказано почти ничего не было, но некие действия возлюбленного помогли Кэролайн неплохо... отвлекаться! Хоть где-то подспудно заноза неудовлетворённости и осталась.

Утром «дорогой» снова отчалил, уже не на вызванном такси, а на своей драгоценной коллекционной руине. И не жалко же гробить на таких дорогах... Да ещё – размякших и грязных!

Кэролайн встала пораньше – она проголодалась. Может, в этом виноваты были вчерашние волнения и игрища, или плод просил больше еды – но на завтрак она попросила не два тоста, а три, и кофе – двойную порцию. Майра ничего не сказала, но посмотрела на её чуть наметившийся животик очень выразительно.

Сегодня Кэролайн решила прямо с утра обойти злополучное озеро, в честь которого, собственно, и называлось всё

поместье.

Прогулка пешком много времени не отняла.

За полчаса она осмотрела и поросшие камышом пологие травянистые берега, и сам мелкий, и почти полностью покрытый ряской и листьями кувшинок, водоём.

Ну ни на грош в нём не было таинственности и мистицизма. Запах тины раздражал, но она к нему уже немного привыкла.

И, конечно, никаких следов во влажной глине она не нашла.

Скорее рассерженная, чем удовлетворённая, она вернулась в свою гостиную, и с полчаса честно пыталась отвлечься с помощью телевизора.

Сосредоточиться, однако, никак не удавалось. В голову всё время лезла вчерашняя сцена – женщина в ночной рубашке, тянущая к ней руки с дальнего берега озера...

Но ведь она – не сумасшедшая! Не могло же ей всё – присниться?! Привидеться? Или – могло? Не сама же она себе всё внушила, насмотревшись на картину?..

Что за чушь! Позвала же она к окну супруга, и он осматривал озеро, и лес... Нет, спросонья, конечно, он мог и не заметить что-нибудь, скажем, тёмное, или маленькое.

Но ведь женщина-призрак была в белом. И не худенькая какая-нибудь – а ростом, наверное, с неё саму. Или – даже Майру, с её метр восемьдесят. Всё это очень странно.

Фыркнув и вздёрнув голову, она прошла в спальню.

Чёрт! Чёрт! Ч-е-е-р-т!!! Или, может, он и этого не заметит?! Но... Хм.

Нет, вначале осмотрим раму и полотно: может, всё же это – только глупый и жестокий розыгрыш?!

Но *зачем* кому-то разыгрывать её? Да ещё беременную? Ведь сэру Генри явно нужен наследник. Да и остальные должны понимать – как ни привержен её супруг традициям рода, но если что-то будет раздражать или пугать его беременную супругу, он увезёт её прочь! А поместье, за ненадобностью, может и сдать в аренду... Или даже продать!

Нет, весь «окопавшийся» и пообвыкшийся персонал вряд ли заинтересован остаться без крыши над головой, и без прибыльной, и не слишком обременительной работы.

Вернувшись в гостиную, она достала мобильный. Всё-таки почти семь мегапикселей. А ну-ка...

С третьего раза получилось найти нужную точку, и занавеску пристроить так, чтобы всё было освещено. Трясущуюся не то от старания, не то от злости руку она вынуждена была поддержать второй рукой. Ну вот, теперь получилось резко. Готово.

Она ткнула кнопку, подождала. Нет – мало антенны. Ах, вот вы как со мной!..

Ладно – как с этим бороться, мы знаем... Она высунула руку с телефоном в окно.

А теперь – отправка. Готово. Осталось... подождать.

Ждать сидя она не смогла, и так и ходила по кабинету,

покусывая губы, и кидая взгляды в окно. Проклятый пруд был виден как на ладони – сегодня он весело отблёскивал солнечными зайчиками.

Но вот и звонок! Надо постараться, чтобы голос звучал как всегда.

– Да, дорогая?..

– Привет! Нет, у меня всё нормально. Видишь – даже переслала тебе фото картины, которая висит у меня в спальне...

Возмущение в голосе подруги было неприкрытым:

– Это *такие* картины у тебя в спальне?!.. И как же ты можешь рядом с этим спокойно спать?! Ах, никак... Только сегодня заметила? Хм!.. Вот как?!.. Говоришь, лица не было видно... Ну, не знаю, не знаю – вот если бы ты догадалась заснять вчера... или когда приехала... Нет, мне такие изменения в картинах не встречались. Никогда! Но я бы уж точно с такой рожей рядом не легла!.. И даже не встала... А что говорит твой муж? Ещё не звонила... А собираешься?..

Тягостный разговор продолжался ещё минут пять, после чего Кэролайн не выдержала – сослалась на головную боль и закруглилась.

Зря она позвонила. Теперь задолбает напускной озабоченностью... Тоже мне, подруга.

А чего она ещё могла ожидать от этой дуры? Конечно, та не эксперт по старинным холстам и рамам. Да и она сама – ничего в этом не понимает.

Но... Всё – и рама и холст – вроде, то же, что и вчера, и позавчера...

Кроме того, что изображено.

Ну-ка, отошлёт она эту картинку мужу!

Его звонок раздался почти сразу.

– В чём дело, дорогая? Зачем ты прислала мне эту картинку?

– А ты сам не видишь?

– Э-э... нет.

– То есть как – нет?! Тут же ясно видно приподнимающееся лицо! И глаза – вот чёрт! Они такие мертвецкие, жуткие... Неужели ты не помнишь – *раньше их не было!!!*

В тоне супруга проскальзывало теперь почти неприкрытое беспокойство и озабоченность:

– Дорогая! С тобой всё в порядке? Хочешь, я приеду немедленно? А хочешь – привезу и врача? В твоём положении лучше побережься!

Уже чувствуя себя глупой истеричкой, она как могла спокойно, ответила:

– Нет, милый, не надо. Я знаю – у тебя сегодня важное совещание. Вот и проводи его. Я как-нибудь разберусь сама с... этой картиной и своим самочувствием. – ощущая вину за грубоватую отповедь, она всё же добавила, – Но я не буду сильно возражать, если ты вечером захватишь какие-нибудь пирожные... и ещё – кальмаров. Что-то меня на морепродукты потянуло!..

Милый облегчённо вздохнул, и поспешил уверить, что он непременно... Разобьётся в лепёшку... И т.п.

Уже успокоившись в достаточной степени, она всё же заставила себя вернуться в спальню, и ещё раз придирчиво и почти спокойно осмотрела предмет своих терзаний.

Странно. Нет же – рама точно эта же самая: тут трещинка, и тут – пятно от восковой свечи. Холст... Да нет – он покрыт точно такой же патиной, как и раньше. Чёрный лес. Отражение лица в озере. Хм. А если...

Придвинув стул, она забралась на него, и поковыряла ногтем краску на лице фигуры.

Ничего! Краска явно старая. И трещинки на месте. Никто тут ничего не подрисовывал. Да и трудно представить, чтобы Майра, Ганс, или шеф-повар ковыряли что-то кистями в мольберте, и подправляли старинный «шедевр»...

Тем не менее, мертвенно-блёклое лицо с белёсыми глазницами явно раньше не существовало. А сейчас оно нахально и злобно пялилось провалами с поволокой на месте глаз словно в самую её душу.

Чувствовалось какое-то мерзкое и кровожадное предвкушение в этом безликом взоре. Рот искажала кривая и недобрая ухмылка.

Нет, так не пойдёт. Особенно «в её положении»!

Ганс если и удивился её очередному приходу, весьма умело это скрыл.

Зато не смог остановить непроизвольного приподнимания бровей, когда она сказала, чего хочет. Вытерев руки от машинного масла, и сняв резиновые сапоги, он молча прошел за ней из гаража на второй этаж, а затем и в спальню.

Ни стул, ни ящик с инструментами ему не понадобились.

Придирчиво осмотрев картину сзади, чуть отодвинув ее от стены, он просто приподнял её и опустил на пол. Буркнув что-то вроде «Подумаешь, всего один штырь!», он перехватил тяжеленную раму поудобней, и с некоторыми усилиями вынес в коридор.

– Да, замечательно! – прокомментировала Кэролайн, когда картина была подвешена на почти такой же штырь, замеченный ею раньше в одной из комнат нижнего этажа. – Пусть так и висит! Спасибо.

– Всегда к вашим услугам, миледи. – в тоне Ганса вообще ничего нельзя было почувствовать. Но если он и подумал что-то про капризы и нервозность хозяйки, вслух, естественно, об этом не сказал.

После того, как маньяк-автомеханик ушёл к своей железке на подставочке, Хозяйка замка с изрядной долей мстительности буркнула:

– Вот здесь тебе самое и место! – после чего гордо развернулась, и «проследовала» к себе.

«Дорогой» с видимым удовольствием наблюдал, как она с неподдельной жадностью расправляется с немаленьким

кальмаром. После того, как тот побывал в волшебных руках шеф-повара, его резиновое мясо почти можно было есть.

Кэролайн отметила не без удивления, что у неё даже раздуваются ноздри: с таким аппетитом – вернее даже, вождением – она раньше не относилась ни к одному деликатесу.

Нет, это точно – беременность изменяет её в самом непредсказуемом направлении.

Отужинав, она поковыряла и пирожное, но больше половины не одолела – «жор» прошёл.

Ладно. Теперь-то тебе, милый, не отвертеться... Она провела его к картине.

Картину сэра Генри рассматривал с неподдельным интересом. Покачал головой:

– Знаешь, дорогая... Я должен тебе честно признаться – этой картины я у дядюшки не помню. Собственно, когда я бываю в твоей спальне, тоже не слишком-то смотрю по сторонам. Да и вообще – рассматривать там что-то кроме тебя – глупо и... и по меньшей мере невежливо! Ты – моё самое совершенное произведение искусства!

Так что извини – если она и изменилась, я ничего не заметил. И какой она была – не помню.

Вот паршивец. – вяло подумала она. – Отмазался. Эстет чёртов. Ладно, ночью ему не отвертеться!

А картина... Чёрт с ней. Пусть висит здесь – назад уж точно сама не придёт!

Утром дорогой уехал чуть свет – даже её не будил. Да и

правильно – нельзя будить уставшую женщину. Так что встала она в десятом часу.

Ну что? Будем придерживаться предписаний мужа и доктора?

После завтрака она погуляла – на этот раз по лесу. Нет, с ним точно надо что-то делать. Конечно, он и тенист, и пахнет грибами, и мох просто замечательный... Но уж больно стыдно такой показывать будущим гостям.

Набежавшие тучи заставили её вернуться в дом. Вновь пошёл дождь.

Удобно расположившись с книгой – вязание она на сегодня отложила – в оранжерее, она подумала, какая молодец была эта Рэчел – и хозяйственная, и мужественная. Ещё бы – столько времени терпеть нападки свекрови, и всё ещё желать добра её сынку. Да и всему роду...

Ей в этом смысле повезло: мать Томаса возвращаться из своего швейцарского шале явно не собиралась никогда. Так что хоть с этим всё в порядке: замок хоть и запущенный, но – полностью в её распоряжении.

Чтение всё никак не шло. Она то прислушивалась к тому, как порывы ветра кидают крупные капли на стекло скошенного потолка, то невольно морщилась, разглядывая скрученные листья фикусов-пальм. Вот, решено: она посадит здесь бананы. Говорят, они даже плодоносят.

Просидев до обеда, она всё же не выдержала.

Вот уж синдром синей Бороды: если чего-то нельзя, или

– лучше не делать, и знаешь, что лучше не делать – так ведь изведёшься, пока не сделаешь!..

Лицо на картине не изменилось. Но поскольку висела она теперь внизу, и окна коридора, выходящего на лес, частично затенены, видно всё тоже было похуже. А мобилу она не взяла – без подсветки ничего не заметно. Чувствуя себя идиоткой, она проследовала в обеденный зал, и позвонила. Майра сказала, что на обед – суп со спаржей, и ирландское рагу.

Отлично. Вкус оказался восхитителен. Или... Впрочем, так вот, сразу, она свои привычки вряд ли изменила бы... Значит – точно, это плод! Сегодня ему подавай мяса!..

После обеда она завалилась как была – прямо в роскошном халате и турецких туфлях – на старинное покрывало, и занялась телефоном. Да, она, конечно, свинья – но она ведь была так занята!..

СМС трём подругам, звонок бывшему однокашнику... Звонок бабушке.

Всё прошло традиционно. Она пожаловалась на скуку, и некое запустение своего нового «Родового логова». Впрочем, про странную картину рассказала только однокашнику – бабушку волновать зря не хотелось. Поэтому ей она рассказывала про старинные гобелены первого этажа.

Потом телефон как-то сам прилёг рядом с ней на постели. И глаза почему-то стали слипаться... А что – она здесь Хозяйка! Может поспать и прямо так.

Проснулась она уже в девятом часу, от стука в дверь. Со

второй попытки крикнула:

– Войдите! – и стала соображать, сколько же она проспала? Ого – пять часов! Что же она будет делать ночью? Нет, что будет делать – понятно. Но вот как же потом уснуть?

– Привет, ласточка моя! – дорогой был в плане комплиментов не оригинален, и новых ласкательных прозвищ не искал (Странно, да? Председатель правления банка – и так мало воображения!..), да и выглядел уставшим, – Ну, как мы сегодня? – он указал глазами на её животик.

– Привет, милый! Мы сегодня... изволили откусать супу. А рагу – даже попросили добавки. – она, зная, что ему будет приятно, погладила то место, куда он смотрел, – А ещё – мы спали!

– Ну, превосходно. А ужинать мы собираемся?

– Да, собираемся. А что там на ужин?

– Как – что? Ты же заказала украинский борщ и котлеты по-киевски?.. Ну, Эндикотт и постарался – не одну книгу рецептов перерыл. Идём?

– Идём! – не то, чтобы предложение снова есть вызвало бурный энтузиазм, но она знала – поужинать надо. Не хватало ещё бегать по замку ночью, и искать в холодильнике, чем бы заглушить сосущее чувство в кишечнике!.. А так бывало иногда, когда она не ела на ночь.

На лёгкую головную боль она решила внимания не обращать, приписав её необычному послеобеденному сну.

Сэр Генри торжественно подал ей руку, и она, войдя в

роль, с королевской грацией соизволила покинуть монументальное ложе.

Ужин сегодня, для разнообразия, проходил при свечах – так распорядился Томас.

Ей не слишком понравилось – и так высокие потолки было плохо видно, а сейчас они словно вообще исчезли – одна чернота наверху. Словно сидишь в глубоком, пусть фамильном, но – склепе. (Тьфу-тьфу!)

Оживляли обстановку лишь отсветы в гранях роскошных семейных фужеров, куда Майра подливала: хозяину – сухое вино, хозяйке – сок.

Вяло поковыряв изящной ложкой из старинного серебра в вожденном ещё шесть часов назад борще, Кэролайн, однако, весьма бодро разобралась с котлетой – сочное и восхитительно пахнущее мясо так и таяло во рту! (Она не знала, что за специи применил шеф-повар, но толк и в этом деле он явно знал!)

Дорогой, который хмурил брови, пока они ели первое, приободрился, глядя, как последняя крошка мяса была обглодана с обязательной косточки.

– Отличная котлета! – Кэролайн не скрывала энтузиазма, – Но добавки попросить не рискну... А то спать не смогу! Майра! Будь добра – передай мою благодарность Шефу!

– Обязательно, миледи! Ему будет приятно! – лицо самой Майры, впрочем, улыбалось явно механически. «Миледи» приписала это усталости и мерзкой погоде. Впрочем, дождь

уже закончился – в окна не стучало.

В спальне она немного постояла перед пустующей стеной. Нет, на тюрморт повесить придётся – стена без ничего выглядит глупо.

Пока они ужинали, окна оставались закрытыми, и сейчас ей захотелось вдохнуть пусть влажный, но хотя бы не спёртый воздух. Она распахнула створки обеих окон.

Стоять, облокотившись о подоконник, и нюхать запах, оставшийся после дождя, было приятно. Хотя здесь и скучно, и ощущается отрыв от цивилизации, но... Свои прелести есть и в «дыре».

Её философствования нарушил «дорогой», явившийся сегодня даже раньше обычного.

Решив, что сам напросился, она «смело» загнала его на кровать.

– Эльза... Эльза! – вот чёрт, ошибиться нельзя! Голос тот же, и звучит словно бы ближе – как будто прямо из-под окна.

Кэролайн не была напугана – скорее, раздражена. Она только-только провалилась в полудрёму, и уже только когда голос зазвучал, поняла, что спит. Вот ведь дерьмо...

Обидно. Почти два часа она ворочалась, считала овец, играла в слова и перемывала кости подругам и родным... И – всё насмарку!

Подойдя к окну, она не удивилась, увидав фигуру в рубашке посреди озера, словно бы парящую над водой, и ска-

зала довольно сердито, словно соседке в метро:

– Женщина, вы ошиблись! Никакой Эльзы здесь нет!

Чёрт!.. Показалось ей, или...

Фигура словно растерялась?!

Плечи дёрнулись, и руки чуть опустились... Ночная визитёрша даже замолчала, оставшись стоять с чуть приоткрытым ртом. Отлично. Придётся добить:

– И вот ещё что. Я хотела бы вас попросить – чтобы вы не приходили больше! Я не могу вам ничем помочь. А если не прекратите свои «посещения», я просто уеду. И мужа заберу.

Странно. Теперь фигура опустила протянутые руки, и словно бы выругалась. Причём – по-немецки! Почему это еврейка – разговаривает на немецком?!..

Поразмышлять над этим вопросом Кэролайн не удалось – под ягодицы её подхватила чья-то мощная рука, другая рука придержала её за плечо – и вот она уже летит прямо через окно!

Головой вниз она вонзилась в омерзительно холодную и вонючую воду. Только-только успела вдохнуть перед тем, как погрузиться! Проклятье!

Никак, её хотят утопить?!

Ладно, разбираться будем потом! Сейчас главное – выплыть! Шок и, вероятно, маленький помощник там, в её животе, не позволили впасть в панику, а заставили быстрее работать руками, в могучие гребки вкладывая волю к жизни, к материнству!..

Но что-то, или кто-то, схватив её снизу за подол ночной рубашки, не давал ей подняться к поверхности, упорно утягивая вниз – к тьме и тине. К смерти...

Сильно лягнув ногой, она почувствовала босой пяткой скользкую и холодную резину, и сделала ещё попытку вырваться, упёршись уже обеими ногами в эту ненадёжную опору!

Что-то разорвалось, она чуть продвинулась... Но тут воздух в горящих огнём лёгких закончился, и ей пришлось вдохнуть мерзкую воду – потому что ничего другого вокруг не было...

Джейсон неторопливо оглядел через ветровое стекло всю так называемую деревню.

Руки он продолжал держать на руле, и даже выйти из машины не соблаговолил.

Констебль О, Рафферти буркнул:

– Всего четырнадцать человек. Да и те – сплошь старики.

Джейсон кивнул. Равнодушным тоном поинтересовался:

– Здесь все дома заняты? В-смысле, во всех живут? – даже деревенскому полицейскому было понятно, что на самом деле горожанину глубоко наплевать на трудности местного быта, и он спрашивает только чтобы как-то поддержать не слишком интересный разговор.

О, Рафферти покачал головой:

– Нет. Вон тот... и тот – пустуют уже давно: лет шесть, и,

значит, восемь. Хозяева умерли, а дети из города вселиться не спешат.

– Хм. Не могу их за это винить. – Джейсон говорил ровно, и как-то бесцветно. – После города здесь точно будет скучновато.

Он тронул машину, и медленно, явно оберегая подвеску, проехал через большую лужу прямо на окраине. Впрочем, он не слишком гнал и всю дорогу. Спокойно и не торопясь осматривал окрестности. Если что-то интересовало – спрашивал. Но констебля это уже слегка напрягало – складывалось впечатление, что его собеседник не слишком-то и прислушивается к тому, что ему отвечают.

Так что к концу получасовой поездки они не беседовали, а перебрасывались редкими и весьма банальными фразами. Конечно, когда Джейсона не интересовал местный быт.

– От деревни до поместья около двух миль? – О, Рафферти видел, что Инспектор уже глянул на спидометр, и, следовательно, всё выяснил, и спрашивает только из вежливости. Поэтому он тоже довольно равнодушно подтвердил:

– Да.

Поняв, что расширенного комментария не последует, Джексон решил уточнить:

– То есть, если даже кричать изо всех сил, в деревне криков не услышат?

– Ну... Скорее всего, нет. Разве что ветер будет дуть именно в ту сторону.

Джексон вновь кивнул:

– Понятно.

Припарковался он не доезжая до крыльца, под старым, и с частично обломанными ветвями, дубом. Всё так же не выходя, спокойно огляделся.

Только потом открыл дверцу, и, внимательно глядя под ноги – явно, чтобы не перепачкать дорогие туфли глиной – аккуратно вылез. О, Рафферти тоже вышел из машины.

– Значит, кроме повара, шофёра и горничной здесь всё это время никто не жил?

– Точно. Они и присматривали за поместьем все девять лет. Ну, правда, месяцев пять назад начались перестройки – готовили комнаты к приезду молодой миссис Томас Генри. Вот тогда здесь проживало пять строителей. Я отлично это знаю – у одного из них были просрочены въездные документы, и мы возили его в участок, а затем ему пришлось ехать даже в своё посольство – продлить визу. Я сам и отвозил его до станции. Иначе – только пешком.

– И – как?.. Продлили ему визу?

– Да. Он потом зашёл показать. И поблагодарить.

– Понятно. А не припомните, как была его фамилия?

– Ещё бы не припомнить! У нас и в протоколе есть...

Шмидт. Имя – Андреас.

– И, значит, все строители были из одной фирмы?

– Да.

– И закончили работы месяц назад?

– Да.

– Отлично. – равнодушный тон инспектора немного не совпадал со значением этого слова. Они как раз добрались, обходя редкие лужи, до массивной двери, и Джексон постучал в неё дверным молотком. Через полминуты створка отворилась.

– Добрый день, джентльмены.

– Добрый день, Мерчиссон. – О, Рафферти, уже побывавший в доме с утра, вежливо кивнул, – прошу вас, сэр... Это – Мерчиссон, дворецкий сэра Томаса Генри. А это – инспектор Джексон, из Скотланд-Ярда.

Инспектор вежливо кивнул, Мерчиссон, не изменив каменного выражения лица, тоже. Протянуть руку для приветствия никто из мужчин не удосужился.

– Прошу прощения, джентльмены, – введя посетителей в холл, Мерчиссон как бы чуть расслабился, – Сэр Генри будет только после семи. После того, как... забрали тело, и констебль всё осмотрел, – снова вежливый кивок. – он поехал в город. У него Совет Директоров.

– Понятно. – инспектор неторопливо осматривал интерьер, – Но нам, собственно, сэр Генри пока и не нужен. Я приехал не только побеседовать с ним, но и осмотреть – извините, констебль, – вежливый поклон О, Рафферти, – помещения.

– Понятно. Прошу вас... – Мерчиссон явно замялся, но привычка победила. – сэр. Куда хотите пройти? Я провожу

вас.

– Благодарю, Мерчиссон. Если не возражаете, я бы хотел начать с покоев леди Генри, после чего и решу – что мне понадобится осмотреть ещё.

Попав в гостиную, Джексон прошёл в первую очередь к окну. Осмотрел затянутый ряской пруд за ним. Повернулся к дворецкому:

– Мне бы хотелось осмотреться внимательней. Поэтому не смею вас, Мерчиссон, задерживать – как только мы всё закончим, я спущусь к вам сам.

Лицо пожилого дворецкого не изменилось, но в глазах что-то промелькнуло.

– Да... сэ. Буду ждать вас внизу. – он медленно вышел, осторожно прикрыв за собой дверь

О,Рафферти достал было сигарету, но под брошенным на него сразу же предостерегающим взглядом поспешил засунуть её обратно в пачку.

– Констебль. – что звучало в голосе инспектора – равнодушие или привычка, определить было трудно, – Прошу вас присесть в это кресло, и по возможности расслабиться. Я предпочитаю осматривать всё так, как привык.

Следующие двадцать минут О,Рафферти вначале с интересом, а затем и с иронией наблюдал за, вроде бы, бессистемными переходами городской ищейки: от бюро – к дивану, и от телевизора – к окнам. В довершение инспектор с хорошей лупой осмотрел полы возле дверей, окна и подоконники.

Затем они перебрались в спальню. Констебль продолжил наблюдения из другого кресла, куда был снова вежливо усажен.

В спальне они задержались чуть дольше – инспектор куда большее внимание уделил подоконникам и... углам. В одном из них он даже постоял, почти прижавшись носом к стене, и дольше обычного глядя вверх.

Постель заинтересовала Джексона куда меньше – он даже не заглянул под неё.

Покои сэра Генри вообще не привлекли его внимания – бегло обойдя обе комнаты, инспектор сразу прошёл на первый этаж, и попросил констебля показать «ту самую картину».

Предмет мистических беспокойств молодой хозяйки О, Рафферти изучил ещё утром, поэтому мельком скользнул по ней равнодушным взором, куда больше внимания уделив тому, как инспектор возится с какими-то ватными тампонами, во что-то их обмакивая, проводя по раме и полотну, и пряча назад в контейнеры-тюбики, извлеченные из внутренних карманов добротного пиджака.

В завершение осмотра Джексон попросил помочь ему, и они вдвоём аккуратно сняли картину, после чего инспектор придирчиво осмотрел её обратную сторону. Заняло всё это три минуты, включая сюда и манипуляции с тампонами.

После чего картину вернули на штырь.

В кухне, куда инспектор зашёл уже в сопровождении Мер-

чиссона, он осмотрел печи (снова манипуляции с тампонами) и окна. Вопрос шеф-повару он задал только один:

– Когда всё отопление и топки плиты перевели на газ?

– Пять лет назад.

Повернувшись к Мерчиссону, инспектор уточнил:

– Трубу провели от восточного газопровода?

– Да... сэр.

– А сэр Томас Генри перебрался из восточного крыла в западное недавно?

– Э-э... Да, сэр. Но он не перебирался. Он ведь здесь не жил. Комнаты оборудовали, когда он собрался жениться. Сам не въехал, а только бывал наездами. А ремонт в покоях... леди Генри начали только когда был назначен день свадьбы. Да, именно тогда он и велел всё переделать.

– Но ведь в том крыле не проведено отопление. Не проще ли было отремонтировать комнаты здесь, над кухней?

– Н-не знаю, сэр. Он... Может быть, боялся, что кухонные запахи будут... Э-э... Нет, не знаю. Сэр Генри не обязан делиться с нами своими планами и мотивами.

– Хорошо. Спасибо, Эндикотт. Не смею больше отрываться от дел.

Инспектор с констеблем вышли. Шеф-повар, мрачно поглядев им в след, переглянулся с дворецким, и вернулся к огромной плите, на которой что-то шипело и пузырилось. Мерчиссон развернулся и торжественно проследовал за представителями Закона.

В комнате Майры было буквально не повернуться – там еле помещалась постель, шкаф и стол со стулом. Сама хозяйка, когда инспектор с констеблем вошли, стояла возле изголовья кровати, сцепив руки на груди.

Джексон оценил свежесть накрахмаленного передника – он выглядел так, словно его специально готовили к их с О,Рафферти приходу.

Констебль, на правах старого знакомого (знакомство состоялось ровно пять часов назад), представил инспектора. Майра кивнула, но сказать что-либо не спешила.

– Скажите, Майра, – инспектор наконец взглянул прямо в лицо женщины, – сэр Генри когда-нибудь ругался с вашей молодой хозяйкой?

– Что вы, сэр! – Майра даже подалась назад. Брови её взлетели. – Никогда! Они оба всё это время жили буквально душа в душу!

– А что это за история с картиной? Из-за неё они не спорили?

– Ну... Нет. Они не спорили. Просто... леди Генри захотела убрать её, так как ей было очень страшно – ну, страшно держать такую дрянь в спальне. Вот уж вкусы были у предыдущего... Простите. И тут я хозяйку очень даже понимаю! Я бы такую... Простите ещё раз, сэр.– она перевела дух, – Они не спорили: хозяйка просто позвала Ганса, и он перенёс эту... картину прямо вниз, в малую гостиную.

– А вы не заметили, леди Генри в последние два-три дня

не нервничала?

– Как же не заметить! Ещё как нервничала! Да она, даже после того, как эту штуку убрали из спальни, раз пять всё равно ходила вниз, и смотрела – словно боялась, что картина вернётся на место!.. И ходила по дому вся какая-то сама не своя – бледная, сердитая... Это, конечно, не моё дело, сэр, но надо было сэру Генри увезти её ещё позавчера – ну, хоть в гостиницу...

Инспектор покивал. Заложив руки за спину, он приподнялся на носки, и снова опустился.

– А что – сама картина? Вы не заметили, чтобы изображение... изменилось?

– Да господь с вами, сэр! Как картина могла измениться?!.. Это же – картина!

Вокруг пруда Джексон и О,Рафферти ходили довольно долго – минут сорок.

Солнце уже успело спуститься к самой кромке горизонта, и освещало всё своими косыми лучами, придавая и без того не слишком весёлому пейзажу оттенок ранне-осенней грусти.

Мерчиссон, снова отосланный, наблюдал за действиями полицейских из-за занавесок комнат второго этажа – из гостиной леди Генри. Он старался не подходить к занавесям – похоже, стеснялся своего любопытства, и не хотел выдавать своего присутствия их колыханием.

Много, впрочем, увидеть ему не удалось. Обзор частично закрывали кусты и заросли камыша. Но по крайней мере однажды – он был уверен – инспектор что-то сфотографировал на свой телефон, и отобрал в какой-то тюбик немного почвы.

К моменту возвращения полиции Мерчиссон уже был внизу.

– Скажите, Мерчиссон, где бы мы могли подождать сэра Генри?

– Думаю, в библиотеке, сэр. Прошу за мной.

Библиотека не могла похвастаться обилием книг. Здесь стоял массивный почерневший стол, три стула, явно из позапрошлого века, и три шкафа, заполненных, как было видно сквозь застекленные створки, древними фолиантами. Складывалось впечатление, что здесь не часто кто-либо бывал, или, тем более – работал. Впрочем, Джексон отметил, что пыль Майра регулярно вытирает.

После того, как они расположились на стульях, инспектор нарушил ставшее почти традиционным, молчание:

– Скажите, констебль, вы ведь служите в этом округе уже пятнадцать лет?

– Да, инспектор. И ни разу не сталкивался со столь... ужасным случаем. У нас обычно тихо – ну, может быть, ребята в кабачке у Джо передерутся... Но чтобы кто-то от этого умер – никогда.

– Понятно. Но я не совсем это имел в виду. Скажите, при старом хозяине – при сэре Рэндолле, здесь, в поместье, было

больше прислуги? И она была той же самой?

– Нет... сэр. Всех слуг сэра Рэндолла молодой сэр Генри сразу рассчитал. А на их место взял тех, что вы видели. Странно – вот вы сказали, и я вспомнил. С ними ещё был Аткинс – так сказать, мастер на все руки. Он присматривал за всем этим... – О, Рафферти обвёл глазами по кругу, – техническим оборудованием – водопровод, газ, отопление, крыша... И я не слышал, чтобы он был уволен. Только две недели назад он приезжал в Норхуд, где и мой участок. Что-то забирал из лавки мистера Брауна: Аткинс всегда выписывает какие-то детали, или материалы по каталогам.

– А почему мы его сегодня не видели?

– Ну... затрудняюсь сказать. Может, всё же уволился.

– Хорошо. – хотя что же тут было хорошего, констебль по непроницаемому лицу понять не смог. Вместо этого он сам спросил:

– А вы, сэр... не сочтите за бестактность... давно служите?

– Ничего, я не обижусь. Двадцать один год.

– Чёрт! По вам никогда бы... Сколько же вам лет, сэр?

– Сорок шесть. – тут их беседу нарушил звук подъехавшего автомобиля, и сигнал клаксона – сэр Генри требовал открыть ему дверцы гаража.

Джексон поднялся со стула, и подошёл ближе к окну, хотя что он мог увидеть в почти полной темноте снаружи, да ещё из ярко освещённой электричеством комнаты, сказать было

сложно.

Немного погодя он вернулся на свой стул. А вскоре открылась дверь, пропуская самого сэра Генри, а придерживающий её Мерчиссон торжественно объявил:

– Господа! Сэр Томас Генри!

Вид у сэра Генри был не слишком хороший – под глазами мешки, во взгляде боль. Впрочем, привычки и статус делали своё дело: держался он с достоинством и костюм на нём сидел безупречно.

Констебль представил сэру Генри инспектора:

– Инспектор Джексон, сэр, Скотланд – Ярд.

Аристократ на удивление крепко пожал руки обеим полицейским, не стесняясь разницы в общественном положении, и не делая попытки избежать явно неприятного предстоящего разговора.

Они, следуя приглашающему жесту хозяина, вновь опустились на стулья.

– Прошу вас, инспектор, спрашивайте. Ведь у вас наверняка есть вопросы.

– Да, сэр... Если позволите, я прежде всего хотел бы выразить вам своё глубочайшее...

– Благодарю. Да, я до сих пор поверить в это не могу... Если бы не работа, мне бы... – он отвернулся. Затем снова посмотрел в глаза представителю Закона, – Но – прошу вас!

– Благодарю. – теперь уже инспектор вежливо поклонился, – Простите меня – но вы сами понимаете сложность си-

туации... и положения полиции: когда ни с того ни с сего молодая, жизнерадостная женщина вдруг решает покончить с собой – наша обязанность выяснить обстоятельства и причины, побудившие её... Разумеется, существуют такие аспекты её жизни, что я в данной ситуации могу узнать только от вас, сэр.

Все помолчали, сэр Генри кивнул, как бы соглашаясь с инспектором.

– Скажите, сэр, вы были знакомы с леди Томас Генри около полугода?

– Да. Мы познакомились в конце февраля, на симпозиуме лингвистов в Гааге.

Она... Словом, я попросил одного общего знакомого представить меня. Потом мы перезванивались какое-то время. Ну а где-то через месяц... Я пригласил её провести её отпуск, две недели, в Картино, д, Ампеццо, в Альпах, и мы... Стали близки.

После этого практически жили уже вместе.

– Знакомила ли она вас в этот период с кем-нибудь из близких? Или подруг?

– Да, разумеется. Правда, вначале, конечно, были подруги – Эрика ВанБюйтен... Белинда Крулл... и... м-м... Не запомнил точно имя – но все звали её Рут, а вот фамилия... Кажется, Дзорба.

Ну а родственники... Хм. Со своей бабушкой, миссис Либерманн, она меня познакомила уже после помолвки. Это

было месяца три назад. Ну а с отцом мы увидались только на свадьбе – точно не скажу, но, как мне кажется, она до сих пор не простила ему развода с её матерью.

Сэр Генри снова посмотрел куда-то в угол. Инспектор спросил:

– Скажите... Ещё раз прошу прощения за вопрос, который может показаться бестактным. Вы не заметили у этой миссис Либерманн каких-либо... странностей в поведении?

Ну, скажем, немотивированной агрессии, замкнутости, депрессий, или чего– то в этом роде?

– Это у бабушки-то?! Да что вы, трудно даже помыслить о таком! – сэр Генри сделал слабую попытку улыбнуться, – Миссис Либерманн – воплощённый ангел! Если бы вы её видели, вам бы сразу стало понятно, что с ней в главной роли без всякого дополнительного грима можно снимать фильм про добрую волшебницу... Она обладает отличным здоровьем, неистребимым оптимизмом и огромным чувством юмора. Нет, бабушка у Кэролайн – первый сорт, если позволите так сказать...

– Благодарю. Ну, а что вы можете сказать про её отца?

– Отец... Я его ни до свадьбы, ни после, собственно, и не видел. Но он, без всякого сомнения – очень представительный мужчина. Великолепная осанка, мужественные черты лица. Он в свои пятьдесят четыре выглядел, ну... Лет на сорок пять, не больше. Не сомневаюсь – кое-что из , так сказать, экстерьера, Кэролайн взяла у него. Но что касается его

характера... Не могу ничем вам помочь – просто не знаю.

– Понятно. Теперь, если позволите, вопросы уже о самой Кэролайн. Она не возражала, когда вы привезли её сюда?

– Ну, как вам сказать... Она, конечно, не хотела ехать сюда, в глушь. Если бы не её беременность, мне бы, наверное, не удалось уговорить её уехать в место поспокойней. Да и прибыв сюда она... честно скажу – первое время была не в восторге. Место тут, – лорд Генри чуть дёрнул плечом, – сами видите – не из весёлых...

Ну а потом, когда она походила везде, присмотрелась... Даже захотела кое-что подремонтировать, подреставрировать, посадить в оранжерею новых растений – словом, обустроить наше, так сказать, гнёздышко, поуютней.

– Скажите, сэръ Генри, когда она в первый раз попросила вас посмотреть на пруд, вы сильно удивились?

– Н-нет. Она так долго рассматривала эту картину – будь она неладна! – что я даже буквально приказывал ей отойти от неё. Есть один момент, о котором я ужасно сожалею: это то, что я вначале сам не приехал сюда, не осмотрел всё, и не приказал убрать этот чёртов портрет куда подальше... Я так и подумал, что он произвёл на неё сильное впечатление.

– А как этот портрет вообще оказался в этой комнате?

– Он просто всегда висел здесь – ещё при дяде Рэндолле, и его отце, и деде... Это портрет написал кто-то там знаменитый, по заказу древнего пра-предка, а его вдохновила эта дурацкая легенда. Ну, вы должны понимать, инспектор:

любая фамильная фишка делает наш род... э-э... более экзотическим, что ли... Создает статус. Вызывает больше уважения у остальных. Местных, да и не местных, наследных аристократов.

– Понятно. Не могли бы вы теперь, хотя бы вкратце, передать суть этой... легенды?

– Разумеется. Но вкратце – не смогу. Это – как зазубренный навсегда – а так и было! – урок: раз начав, нужно выложить его без запинок и пропусков. Так сказать, на автопилоте... Слушайте.

Рассказывал, впрочем, сэр Генри вовсе не механически, а с мягкой напевностью и не хуже профессионального актёра. О, Рафферти почему-то вспомнился «Гамлет», которого он однажды, ещё подростком, смотрел в Ливерпульском Театре. Что ощущал инспектор, понять оказалось как всегда невозможно.

После того, как легенда закончилась, некоторое время царила тишина.

Прервал молчание Джексон:

– Благодарю вас, сэр. Сэр Генри, когда вы смотрели на пруд во второй раз... Вы абсолютно уверены, что там никого не было? Может быть, кто-то мог спрятаться, скажем, за заросли камыша? Лечь в траву?

– Нет-нет, инспектор, это абсолютно невозможно. Светила полная луна, и если бы там был кто-то в белом, он чётко выделялся бы даже в камышах! Да и сама она говорила, что

фигура не пряталась, а, скорее, наоборот!

Инспектор покивал.

– И последний вопрос. Когда вы услышали всплеск, и подбежали к окну, она не пыталась как-то... спастись, выбраться из озера?

– Нет. Когда я подбежал к окну, уже видны были только круги... И звуков никаких не было. Это я уже сам догадался, что она кинулась... Я, конечно, сразу бросился за ней.

Но нашёл и достал только минуты через три – тут, под окнами, довольно глубоко.

Откачать не смог. – сэр Генри порывисто выдохнул, – И искусственное дыхание – я умею, но тут... Не помогло. – желваки на челюсти сэра Генри напряглись.

– Понятно. – повторил инспектор, – Ещё раз прошу меня простить за то, что вынужден причинять вам боль. Благодарю за готовность к сотрудничеству. У меня всё. Так что, если вы не возражаете, мы с констеблем откланяемся.

– Э-э... Хорошо. Прощайте, инспектор. Констебль... – сэр Генри попрощался снова за руку с обеими полицейскими.

– Кстати, ещё раз прошу меня извинить... Если мы с констеблем пришлём венок на похороны, вы не будете возражать?.. Когда они, кстати, состоятся?

– Э-э... Скорее всего послезавтра. В полдень. Раньше родные миссис Генри не успеют приехать...

Впрочем, у неё их немного – не то, что моих. Да, моих... Придётся вызвать всех. Ну – вы понимаете: «ноблесс

облидж»*.

* Положение обязывает (лат).

В свете фар дорога казалась ещё отвратительней, чем днём.

Традиционное молчание прервал О,Рафферти:

– Извините за бестактность, сэр... Вот вы не задали сэру Генри практически ни одного вопроса помимо тех, что уже были заданы на предварительном допросе... Почему?!

Инспектор оторвал взгляд от дороги, и взглянул на констебля.

Определить выражение на его лице всё равно оказалось невозможно. Словно смотришь в бетонную стену. Вернув взгляд на дорогу, инспектор бесцветным голосом сказал:

– Мне и не нужно было узнавать ничего нового. Я хотел просто увидеть его реакцию на мои вопросы и некоторые ключевые слова.

– И... что же это вам дало?!

– Практически всё, что мне было нужно.

– То есть?..

– То есть то, что смогли бы увидеть и вы, если бы прошли курс под названием «Психомоторные и мимические реакции преступника». Суть его такова, что человек может контролировать при лжи почти все значимые части своего организма... Но – именно «почти».

Кое-что остаётся. И хотя эта идея сильно дискредитирова-

на фильм «Солги мне», инстинктивные, автоматические реакции организма, что лежат в её основе, всё равно будут проявляться в том или ином виде. Нужно только знать, где искать их.

Словом, я не столько слушал, сколько – смотрел. И ещё кое-что... Возможно, вы тоже обратили внимание – он не разу не назвал жену по имени.

Констебль... Почесал в затылке. Потом всё же решился:

– Так вы с самого начала предполагали... Значит это – сэр Генри?!..

– Не будем забегать вперёд, констебль. Такие вещи решает суд. Мы же – лишь ищейки, вынюхивающие и раскапывающие факты для следствия. – коротко глянув на констебля, инспектор добавил:

– И последнее. Я рассчитываю на вашу сдержанность.

Высадив инспектора у его дома в Норхуде, инспектор, воспользовавшись улучшившимся покрытием дороги, выжал из своего подержанного «Ягуара» под пятьдесят, а затем – и под семьдесят. Было ещё довольно рано, но движение по шоссе здесь, в глуши, практически замерло.

Поглядывая иногда в зеркало заднего вида, он чуть усмехнулся. Фары преследовавшей его машины не приближались более чем на четверть мили.

До своего дома в пригороде под Лондоном инспектор добрался к полуночи.

Припарковав машину на стоянке перед многоквартирным

домом одного из кварталов, он запер её и вошёл в подъезд. Поднялся на третий этаж, отпер дверь. Включил свет на кухне.

Пройдя к странному устройству в углу, установил что-то на панели управления, и... Вышел из квартиры через кухню.

Поднявшись на крышу, Джексон дошёл до крайнего подъезда, и спустился до подвала.

Отпер своим ключом неприметную железную дверь. Вошёл, щёлкнул выключателем.

Тусклые редкие лампы осветили длинный тоннель с кабелями на стенах и лужами на полу.

Заперев дверь за собой, он прошёл с полмили, после чего выбрался на поверхность через подвал почти такого же дома.

Теперь от своей квартиры он был отделён тремя домами и автостоянкой.

Он, пройдя ещё дальше, сел в ожидавшее его неприметное такси. Водитель, ни слова не сказав, двинулся, даже не зажигая фары. Мотор работал ровно и бесшумно – чувствовалось, что он и форсированный, и чужой.

До Даунинг-стрит добрались за каких-то сорок минут.

Уже не таясь, «инспектор» вошёл в неприметную боковую дверь скромного двухэтажного особняка. Про его путешествие по очередному подземному коридору, лифту и встречу с двумя морскими пехотинцами, проверившими документы и вежливо отдавшими честь, рассказывать долго и бессмысленно.

Опустившись на триста метров под здание МИ-5, и снова встретившись с морпехами, Джексон прошёл в малый Оперативный Центр.

Его уже ждали.

– Что, разучился быстро ездить? – руку ему пожал дежурный, майор Крэйг Саммерс.

– Нет. Не хотел сильно отрываться – вдруг они потеряли бы меня.

– Ага. Понятно. – Крэйг кивнул на огромный центральный монитор, – Ладно, пошли. Покажу всё, что нарыли.

Нарыли, действительно, неплохо.

– ...а вот это – запись со спутника Р-Зет 45/7. Вчера, в ноль два сорок пять.

Джексон молча просмотрел запись, не проявляя, как, впрочем и всегда, никаких эмоций.

А обычный человек вряд ли удержался бы от того, чтоб их не проявить!..

Изображение с тепловизора спутника было немного смазанным, но на нём чётко были видны все фазы, и участники драмы.

Фигура женщины, стоящей на каком-то помосте посреди озера, фигура аквалангиста, совсем размытая и блекло-желтая из-за воды и гидрокостюма, и яркая вспышка – вылетевшая из окна девушка, к которой сразу устремился подводный пловец.

И полуфигура мужчины, высунувшаяся затем из окна, и

через минуту прыгнувшая туда же, в озеро.

Было хорошо заметно, что оба мужчины удерживали девушку под водой не менее пяти-шести минут. После чего вытащили её на берег, и, поделав что-то с её головой, разошлись: аквалангист добуксировал что-то вроде плота, на котором стояла женщина, до берега, и уплыл под дом, скрывшись, вероятно, в подводном тоннеле. Другой же мужчина дождался женщины, и они прошли в дом через открытую кем-то изнутри, дверь.

– Звонок в 911 сделан только через пятнадцать минут, – сердито буркнул Саммерс. – Не могу смотреть на это... – он сидел за пультом, перекатывая карандаш по его поверхности.

– Понятно. – отозвался Джексон, так и не изменившийся в лице. – А что с этими двумя домами?

– Они используют только один. Вот. – майор включил другую запись, – Это уже с американского, – три дня назад, и сегодня утром, до того, как приехал этот чёртов констебль. Но – после того, как уехала скорая, забравшая тело. В... э... э... ноль пять десять.

На ночной записи трёхдневной давности было видно, как двое мужчин заносят в пустующий дом деревни большой плоский предмет, и выносят и грузят в машину другой, тех же очертаний, но более тёмный – то есть более холодный.

Утренняя запись показывала, как производится повторный обмен большими плоскими предметами, и выгружаются

и прячутся в доме мешки, и что-то железное.

– Отлично. Похоже, мы знаем, где картина-легенда и акваланг. Позаботься об ордере... И группу захвата – на утро. В шесть ещё темно? Значит, к полшестого... Дай-ка карту – я покажу, где им дислоцироваться до моего сигнала...

Через час Джексон был снова «дома».

Таймер уже отключил свет, и распахнул окно. Но ни спать, ни ужинать Джексон не стал.

Из дома он вышел всё тем же способом, и к полшестого утра «такси» с четырьмя ведущими колесами уже подъезжало к деревне перед «Большим озером».

Остановив машину примерно в миле от усадьбы, за холмом, инспектор поднялся на гребень. В доме не горело ни огонька. Он поднёс к лицу микрофон:

– Отоприте склад, контейнер со стеклом прибыл.

Первые пять минут ничего видно не было. Даже в хороший тепловизор, который красовался на голове Джексона. Затем вокруг дома стали появляться светлые тени – это они в приборе выделялись чуть более светлым – обычному же человеку заметить чёрные костюмы в темноте было совершенно невозможно. Через ещё пару минут несколько теней вошли в пруд, и скрылись из поля зрения прибора.

Ждать пришлось шесть минут тридцать секунд. Затем парадная дверь распахнулась. Но никто не вышел.

Джексон вернулся в машину, и сказал только:

– Поехали!

Водитель кивнул. Мотор завелся и работал практически бесшумно.

Остановили машину прямо перед парадным. Джексон вошёл в дом.

Командир группы уже встречал его. Он отрапортовал, коротко козырнув:

– Всех взяли, сэр! Их и правда было четверо. Согласно вашему приказу, сразу обездвигили электрошоком. Томкинс уже сделал им уколы, и через минуты три можно будет всех увезти.

Джексон ответил на приветствие, сказав:

– Благодарю за отличную работу. Как только снотворное подействует, грузите и – прямо к капитану в лабораторию. Начните с зубов. А что там сканнер?..

– Сканнер показал у каждого по импланту в бедре.

– Вот как. – «инспектор» помолчал. Затем принял решение. – Тогда пусть Томкинс вначале удалит их здесь, на месте, и оставьте импланты в их постелях. А сейчас выделите мне сапёра с резаком, и двух бойцов.

В первую очередь Джексон прошёл в подвал правого крыла.

Теперь вскрыть фамильный «склеп», ключи от которого «утрачены», труда не составило – он уже был открыт. Причём – изнутри.

Внимательно инспектор осмотрел люк в полу и железную трубу колодца, ведущего вниз, в серо-зелёную мутную воду.

Боевые пловцы сильно взмутили её.

– Люк был заперт?

– Да, сэр. Пришлось резать. – это отозвался сапёр, указав на лежащий рядом резак. Сам он снял ласты, но всё ещё оставался в чёрном гидрокостюме, – И линолеум нам пришлось скатать. – он указал на объёмистую трубу у стены.

Джексон снова кивнул. Затем прошёл в следующую «фамильную» комнату.

Она была оборудована под оперативный центр. Серые экраны мониторов, когда капрал всё включил, ожили, и показали – и спальню Кэролайн – из её угла. И кабинет, и коридоры, и все подходы к дому, и оранжерею... Здесь же находились и видео– и аудиоаппаратура для записи происходящего.

– Благодарю за оперативность. – Джексон коротко кивнул, капрал отдал честь:

– Спасибо сэр!

– Что искать, вы знаете. Приступайте.

– Так точно, сэр! – не прошло и десяти минут, как взрывное устройство было найдено.

Больше в доме инспектор ничего не осматривал.

Отдав необходимые распоряжения командиру группы, он вернулся в «такси», и выехал обратно. В рацию он сказал только:

– Заприте склад.

К моменту его приезда в Управление оба его преследователя, так и оставшихся на стоянке перед его «домом», «на страже его покоя», были обезврежены прямо в своей машине с помощью газа, и размещены по камерам.

Разумеется, и они уже были просканированы. Но никаких имплантов, или скрытых в пломбах ампул с ядами найдено не было.

«Инспектор» поднялся из подвала наверх, и прошёл в приёмную шефа оперативного отдела. Здесь ему пришлось подождать, пока закончится планёрка.

Через полчаса он, поздоровавшись с вышедшими из кабинета офицерами, предстал перед ясные очи Руководства.

Слушая обстоятельный доклад, оно изволило хмурить брови, нервно дёргать краем рта, бледнеть, но сам доклад не прервало ни разу.

Через пятнадцать минут, когда он был закончен, последовала ещё минутная пауза. Затем генерал всё же решил уточнить:

– Значит, командер, хотя все они были завербованы в Германии, и вы считаете, что они работают на... ?

– Да, сэр. Это наиболее вероятное предположение, учитывая насколько сейчас эти господа... усилились. И активизировали работу в Англии. И, разумеется, они выбирают людей с типично европейской внешностью. Я, разумеется, допрошу всех. Но...

Они и сами могут не знать, на кого в действительности

работали.

– Да. Это возможно. Даже – вероятно. Что ж. Вы неплохо... То есть, отлично справились. Что там с похоронами?

– Все родственники, кроме бабушки, придут завтра, к полудню. У нас всё готово.

– Как... дублёры?

– Неплохо. Тренируются. «Сэр Генри» уже вполне на уровне. Правда, коллеги по банку могут... Что-то заподозрить. Если ему придется выйти снова на работу.

– Хм... Пожалуй. Тогда пусть он сразу возьмёт недельный отпуск – это в данных обстоятельствах не вызовет подозрений. А мы сможем спланировать наши дальнейшие действия.

– Есть, сэр.

– Что ж. Тогда всё в порядке. Мои поздравления. Докладывайте сразу, как будет ещё что-то существенное.

– Да, сэр. Благодарю, сэр.– Джексон встал и щёлкнул каблуками. И вышел.

Хмуро пошевелив бровями, генерал потянулся и снял трубку телефона без диска.

Равнодушно осмотрев привязанного к стальному креслу нагого мужчину, Джексон прошёл и сел на стул по другую сторону стола.

Положил перед собой папку с листками, открыл её. Достал из кармана диктофон и положил перед собой так, что-

бы мужчина его видел. Нажал кнопку. Раздался диалог на немецком, который можно было перевести приблизительно так:

– ...нет, он не похож на инспектора полиции.

– Скажешь тоже – не похож! – голос принадлежал женщине, – Больно много ты видел за эти девять лет «инспекторов полиции!»

– Нет, конечно, не много (Вот уж – не приведи бог!)... Но этот уж больно подозрителен... Суди сама: тут такое дело! Молодая, красивая – и вдруг, вроде ни с того, ни с сего – утопилась. Любой полицейский рыл бы носом, а этот... Слишком спокоен – что-то тут нечисто.

– Да и хрен с ним, спокойным таким! Хорст всё продумал – нам, даже если будет рыть хоть носом, хоть – бульдозером – ничего не грозит!

– А картина? Это же – улика! Может, лучше было всё же сжечь её – как он предлагал?

– Чушь! Откуда они узнают, что она в кладовке, да ещё в двух милях отсюда?..

Джексон нажал кнопку, и диалог прервался.

Всё так же равнодушно он взглянул в глаза человеку, сидящему напротив.

– Этот диалог записан на кухне «Большого озера», вчера, после того, как я вышел оттуда.

Будете отвечать на мои вопросы?

– Нет! – откровенное злобное презрение не позволяло

усомниться в решении аристократа.

– Очень жаль. Если бы вы сделали это добровольно, у вас были бы шансы... остаться в живых. Не передумаете? – в тоне командера не было нажима. В нём вообще ничего не было.

– Нет! – повторил мужчина всё так же агрессивно, но по выступившим бисеринкам пота на лбу было видно, что он всё же сильно нервничает.

– Очень жаль, – повторил Джексон и нажал кнопку под столешницей.

Дверь открылась, мужчина в зелёном халате и с такой же маской на лице, вкатил стол с инструментами и медицинским оборудованием. Он разместился за спиной привязанного.

– Начинайте. – сказал Джексон, не отрываясь глядя на допрашиваемого.

Протерев правое предплечье мужчины, доктор вколол ему что-то из маленького шприца.

После чего все участники интермедии всё так же молча подождали пять минут.

За это время глаза допрашиваемого прошли все выражения: от ненависти – до страха, растерянности, отчаяния, и – апатии...

Доктор проверил пульс и зрачок мужчины. Молча кивнул головой, и выкатил свой столик.

– Ваше настоящее имя. – Джексон говорил медленно и

тщательно выговаривал слова.

Спрашиваемый отвечал на немецком:

– Рупперт фон Циглер.

– Когда вам сделали пластическую операцию?

– Тринадцать лет назад.

– А когда и где произошла подмена?

– Одиннадцать лет назад, в Цюрихе.

– Смерть сэра Рэндолла Томаса Генри – работа вашей группы? Или это сделала другая группа?

– Нет. Он умер сам. От естественных причин.

– Остальные члены вашей группы уже жили здесь, в Великобритании, к моменту смерти баронета?

– Нет, только Хайди и Невилл. Хайнс и Дитрих въехали из Франции.

– Кто руководитель вашей группы?

– Хайди.

– Кто приказал вам познакомиться и жениться на Кэролайн?

– Центр.

– Для чего?

– Не знаю.

– Какие ещё действия выполняла ваша группа?

– Я регулярно отсылал через электронную почту сведения обо всех финансовых операциях моего банка. Про остальных ничего сказать не могу.

Джексон долго смотрел на обмякшего мужчину. Затем

спросил:

– Вы помогали Хайнсу топить Кэролайн?

– Нет. К тому моменту, как я выпрыгнул, она уже была мертва – я сразу понял.

Джексон взглянул вбок – туда, где часть стены была забрана бронированным зеркальным стеклом. В его сторону он и сказал:

– Капитан. Продолжайте допрос. Что нам нужно, вы знаете. – после чего встал.

На мужчину на стуле он больше не взглянул.

С невысоким подтянутым капитаном он встретился уже в дверях.

Следующая камера, куда вошёл командер, ничем не отличалась от предыдущей.

Но здесь привязана к креслу была женщина.

Вот она никак не подходила под описание спокойной, или готовой к сотрудничеству.

Увидев входящего, стала ругаться, и даже плюнула в сторону командера – плевок, разумеется, не долетел.

На этот раз Джексон начал с того, что прошёл за спину женщины, и, оставаясь вне досягаемости, прощупал её могучие бицепсы.

Неторопливо усевшись за стол, он сказал:

– Рупперт и Невилл нам уже всё рассказали. Будете пытаться сохранить себе жизнь добровольным?..

– Нет! Вы гнусный... – далее последовал весьма длинный поток площадной и иногда изысканной ругани, описывающей как сами секретные службы в целом, так и «хитро...опого» командера в частности. Упоминались так же и их Страна, и родственники.

Джексон не стал дожидаться окончания, а потянулся, и нажал кнопку.

На этот раз ждать пришлось минут восемь – то ли доза была рассчитана неверно, то ли Хайди отчаянно боролась, пытаясь адреналином нейтрализовать химикат.

Не помогло. Врач кивнул и вышел.

Джексон долго и пристально смотрел в потускневшие глаза, до этого буквально светившиеся фанатизмом.

– Ваше настоящее имя?

– Хайди... Хайди Гейдрих. – командер понял по секундной заминке, что допрашиваемая ещё борется. Поэтому он выждал ещё пару минут:

– Сколько вам лет?

– Тридцать девять.

– Когда въехали в Соединённое Королевство?

– В 2... году, – Джексон прикинул: да, тринадцать лет назад.

– Ваше настоящее имя?

– Хайди Эшенбах.

– Что вам было приказано сделать в отношении Кэролайн ВанЭйрих?

– Задействовать нашего сэра Томаса Генри, чтобы она вышла за него замуж. Оформить брачный контракт так, чтобы две её Лондонские квартиры перешли к нему в случае её смерти. Ликвидировать её так, чтобы создать видимость самоубийства. Оборудовать её квартиры под оперативные командные центры.

– А что дальше?

– Не знаю.

Джексон не настаивал – она, вероятно, и правда не знала, что дальше. Но он мог легко это домыслить сам: первая из квартир находилась в доме над важнейшим подземным тоннелем с кабелями правительственной связи, а вторая – в непосредственной близости к зданию МИ-5.

– План с использованием картины придумали вы?

– Да.

– Что навело вас на эту мысль?

– В архивах сэра Генри нашлась копия судебного Протокола. Там его далёкого предка обвиняли в попытке доведения до самоубийства его второй жены. В тексте были практически все подробности преступления. Мы нашли и отретшировали все три картины ещё восемь лет назад.

– Вина предка сэра Генри была доказана? Он был осуждён?

– Нет. Он нанял отличного адвоката. И подкупил свидетелей.

Джексон покачал головой – ох уж эта аристократиче-

ская... Наглость. Если подлое и низкое деяние сошло с рук, высокородный лорд отнюдь не старается уничтожить все следы преступления.

Напротив: он начинает им... Гордиться.

– Почему вы форсировали убийство Кэролайн?

– Она совершенно не пугалась. И отослала фото картины мужу. Мы побоялись, что она отошлёт его ещё кому-нибудь. Это могло стать уликой против нас.

Джексон не стал говорить, что практически так и произошло – спутник перехватил то, что Кэролайн отсылала своей подруге. Изображение... Произвело впечатление – у работников секретных служб сильно развито чувство опасности. И интуиция.

После этого и началась операция «Малый блэйд». Жаль, что они всё же опоздали.

Но, по крайней мере, отмщение всё ещё в их возможностях...

– Теперь расскажите мне всё о вашем Центре. Как вы получаете указания. Где он расположен. Кто является связным...

Почти рассеянно он задавал нужные вопросы, память автоматически фиксировала ответы, навсегда откладывая их в нужном ящичке его тренированного мозга.

Но хотя его и учили отмечать эмоции, он не мог не возвращаться снова и снова к сцене, зафиксированной спутником.

– Допрос Хайнса и Дитриха почти ничего не добавил к уже известным нам фактам. Невилл в курсе только технического обеспечения всех действий. За всеми выявленными адресами установлен оперативный контроль. Разумеется, вся прослушка – только дистанционно. Хотя вряд ли это много нам даст. Контрольное время выхода на связь было сегодня в 9-00, и поскольку мы опоздали, всё крысиное гнездо наверняка разбежалось.

Двое же из машины практически бесполезны – наёмные детективы из нашего же частного агентства, нанятые для обычной слежки.

Чело генерала покрывали глубокие морщины. Он сказал: – Ладно, пусть в лаборатории Шелл поработает с их памятью, и – можете отпустить.

Теперь об агентах. Все, кто жил, или приходил по явкам, разумеется, идентифицированы?

– Разумеется. Их фото и данные во всех аэропортах, портах и полицейских участках всех городов. Но пока результатов нет.

– Понятно. – генерал был недоволен. – Ладно, будем считать, что один орех мы раскололи, а другой – расплющили паровым молотом. Всё равно – неплохо. Нет сомнения, что у них есть другие резиденты и явки. Но теперь нам лучше понятна методика их работы, и вообще... Пусть Аналитический Отдел сделает программу и запустит поиск по стране. Результаты будут – в этом сомнений нет.

Вопрос только – когда. А повторение случившегося – недопустимо.

Вам командер, я объявляю благодарность за максимально оперативные действия.

– Благодарю, сэр.

– Теперь об этой несчастной... Пусть для всех родственников заключение коронёра так и останется: самоубийство в состоянии аффекта, и неустойчивость психики на почве беременности. Подумаем, как нам разобраться с сэром Генри.

Нет смысла внедрять дублёра в банк вместо него. Так что после возвращения из «отпуска», он нам не нужен. А его квартиры – нужны. Жду ваших предложений...

Скажем – послезавтра, в одиннадцать.

Констебль О, Рафферти лично отвёз на траурную церемонию в крохотную церковь Норхуда прибывший из Лондона венок «от друзей».

Если он и заметил, что сэр Томас Генри выглядит несколько необычно, виду не подал.

И никому, разумеется, о своих подозрениях не сообщил.

До пенсии ему оставались считанные месяцы – он искренне надеялся, что больше ничего столь экстраординарного в их глубинке не случится.

Жаль только бедняжку Кэролайн... Забрала проклятая мертвячка из детских считалочек её тело.

Зато душа – он был уверен – на Небесах!

Что остальным виновникам трагедии – не светит уж точно...

Ад ждет их уже здесь, на земле.

И это – справедливо.

Проект «Наследство из Аргентины».

Шпионский детектив.

Все имена, названия и события вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

Крик вперёдсмотрящего застал капитана Джона Сигрейва на полпути из рубки в каюту, где он собирался снять, наконец, форму, и насладиться покоем на самой вожделенной мебели в своей каюте: койке. Поэтому услышав «Человек за бортом!» капитан досадливо поморщился, но в рубку вернулся почти бегом: человек за бортом – это не шуточки!

Запах накалившейся под полуденным солнцем свежей краски всё ещё стоял в главном помещении корабля, и Сигрейв подумал, что можно было с «подновлением» корабля, изрядно потрёпанного только что закончившейся в Европе войной, и подождать: похоже, погода установилась, и весенние шторма не собираются без перерыва на душно-влажное лето переходить в осенние.

Однако наведение «глянца» позволило хоть чем-то занять

изнывающий от фактического безделья экипаж. Потому что внезапный сброс «давления» боевой обстановки настроил этот самый экипаж как-то уж слишком... Благодушно. А капитан не любил, когда матросы и старшины относятся к работе спустя рукава. Офицеров это расслабление, к счастью, не коснулось. Все они – ветераны старой закалки. Профессионалы.

Мёртвый штиль делал пребывание летом здесь, в тропиках, весьма нелёгким и муторным делом, ещё сильнее подрывая дисциплину и боевой дух.

Собственно, несение боевых дежурств, даже если война закончилась – работа. И работа серьёзная. Капитан с удовлетворением убедился, что команда спасателей уже на местах, и расчехляет вельбот, следуя чётким отрывистым командам боцмана.

Трофейный бинокль с цейссовскими стёклами подтвердил: не более чем в семи-восьми кабельтовых от их эсминца что-то похожее на спасательную шлюпку в волнах действительно скачет, то скрываясь за гребнем волны, то вновь возникая – словно мираж... Чёрт. Отдых, похоже, накрылся.

Сигрейв разлепил сжатые в ниточку губы. На подчинённых полился поток стандартных распоряжений. Старший помощник, откозыряв, вышел наружу, и отдал распоряжение мичману, командиру спасателей. Вахтенный лейтенант взялся за переговорную трубку машинного отделения. Капитан спокойно остался стоять на месте, иногда поднося бинокль

к глазам. Он сделал всё, что от него требовалось.

Судно медленно заложило циркуляцию, и, сбавляя ход, двинулось к обнаруженной шлюпке. Часть оптимистично настроенных чаек, десятков из которых всё ещё, похоже, надеялся, что они снова будут взрывать глубинные бомбы, и доставлять им дармовую рыбу, теперь отделилась, и с гнусными криками разочарования принялась кружить над неподвижной скорлупкой.

Когда судно застопорило ход не более чем в ста шагах от неё, стало видно, что внутри лежат по меньшей мере двое. Хм-м... Сигрейв потерял бородку.

А шлюпка-то... Похоже, немецкая.

Боцман заорал, лебёдка талей заработала. Вельбот с мичманом и пятёркой матросов из спасательной команды быстро достиг поверхности океана. Капитан не вмешивался – знал, что ни подгонять, ни направлять людей не надо. Опыт таких работ у его команды вполне достаточный: уж сколько народа им пришлось спасти с торпедированных судов регулярных караванов из сухогрузов типа «Либерти»! Буквально каждое третье судно из пытавшихся дойти до Англии, было пущено туда – на глубину двух миль...

Мичман поступил умно: не стал переносить оставшегося в живых человека, а просто перебрался к нему. После чего влил немного воды в еле открывающийся рот, а матросы привязали полузатопленную надувную шлюпку к спасательной лодке, и отбуксировали к борту эсминца. Старпом уже

распорядился – двое носилок ожидали у лебёдки.

Вскоре обе шлюпки оказались на борту, и Сигрейв, спустившись на палубу, обнаружил две проблемы: выживший, так и не открывший запёкшихся от гноя глаз, хрипел что-то по-немецки – похоже, бредил. И, следовательно, действительно являлся немцем, и подпадал под категорию военнопленных. Вторая – другой пассажир, находившийся в резиновой шлюпке, представлял из себя труп.

Причём – с резанными ранами на голове и руке.

Из чего абсолютно однозначно следовало, что выживший является ещё и убийцей.

Однако допрашивать находящегося в полубессознательном состоянии спасённого пока не представляется возможным. И единственным разумным решением сейчас было помещение этого выжившего, до тех пор, пока не станет возможным допрос – в лазарет. Где, возможно, разумным будет оставить кого-то, понимающего немецкий – вдруг в бреду немец скажет что-то хоть мало-мальски интересное...

А труп придётся передать на патологоанатомическое исследование.

Надо же узнать, как, и хотя бы примерно – когда человек был убит.

Сигрейв снова раздал приказания. Четверо матросов понесли носилки с живым в лазарет к доку Роджеру, а ещё четверо взяли вторые носилки, с накрытым брезентом телом, чтоб унести в холодильник. Брезент торчал буквально горой:

тело раздулось. Старпом Бен Хотчкинс сплюнул за борт:

– Проклятье! Опять всю камеру завоняет!

– Ничего. У дока ещё остался запас марганцевокислого калия. Отдраим!

– Ага. – в голосе помощника звучал неприкрытый скепсис. – После чёртовых баранов три месяца пованивало! А уж тут!..

Капитан вынужден был про себя согласиться со старпомом: бараны им тогда действительно попались с душком... За что поплатилсись контролёр из интендантства и заготовитель: уж подать Рапорт «о попытке саботажа путём выведения из строя экипажа боевого корабля Её Величества «Сассекс» через пищевое отравление» Сигрейв не забыл.

Процесс разложения трупа зашёл настолько далеко, что даже находиться в трёх шагах оказалось трудно: как из-за ужасного запаха, так и из-за страшного вида. Так что вполне разделяя чувства морщившихся, но не смевших ругаться в его присутствии вахтенных, Сигрейв, сам еле удерживающий каменно-невозмутимое выражение на лице, развернулся и распорядился, чтобы боцман О,Лири, славящийся своей дотошностью, лично осмотрел шлюпку потерпевших: кое-какие предварительные ответы можно получить и без допроса.

К моменту прихода пленного в сознание они должны хоть что-то о нём знать...

Документ 1.

Из патологоанатомического Заключения судебного врача эсминца флота Её Величества «Сассекс», лейтенанта Роджера МакФерсона о результатах обследования трупа неизвестного мужчины от 07.19*.1945 г. Время: 22-00.

*Согласно принятой в странах Европы системе записи дат, вначале идёт месяц, затем – число.

«(...) ...тело потерпевшего оказалось весьма сложно обследовать, так как оно сильно разложилось в результате длительного – не менее 7-10 дней – нахождения под открытыми лучами солнца, и воздействия повышенной влажности и высокой температуры. Рост мужчины составлял не более 168 см. Телосложение плотное. Цвет волос – тёмно-русый. Возраст, вероятней всего 30-35 лет. Из особых примет – татуировка в виде якоря на внешней стороне правого предплечья, и хорошо зарубцевавшийся шрам, вероятно, от ножа, на левом бедре, а так же большое родимое пятно повыше пупка.(...)»

На правой щеке имеется свежий (т.е.получен не более, чем за час до смерти, и ещё не успевший затянуться запёкшейся кровью) след от резанного удара, нанесённого острым режущим предметом, вероятнее всего, ножом. Рана проходит от левой брови через переносицу, и до мочки правого уха. Глаз потерпевшего в результате такого ранения, вероятнее всего, вытек сразу. Однако привести к смерти такое ранение не могло.

Так же имеются повреждения пальцев и запястья правой руки: первые фаланги среднего и безымянного пальцев раздроблены ударом какого-то тяжёлого предмета, кожа на запястье частично содрана. На запястье же левой руки имеется глубокий разрез, пересекающий все основные вены и артерии до кости. Это позволяет однозначно доказать, что пострадавший лишился практически всей остававшейся крови именно через этот разрез.(...)

Однако исследование трахеи (характерные повреждения) и лёгких, однозначно доказывают, что собственно смерть наступила в результате асфиксии, т.е. удушения. Об этом говорят и результаты обследования мозга потерпевшего, и характерные специфические следы на шее, что позволяет уверенно сделать однозначное заключение: смерть носила явно насильственный характер. Пострадавшего задушили.»

Капитан отложил Заключение судебного врача, и поморщился. Формулировки до безобразия неточные, слишком много повторов. Сразу видно – до призыва на Флот её Величества доктор МакФерсон мирно служил где-нибудь в заштатном госпитале провинциального городишки вроде какого-нибудь Гластонберри... И не помышлял о том, что придётся поработать ещё и судебным патологоанатомом.

Но – на то и Флот. Здесь нужно уметь всё. Если хочешь выжить.

Однако несмотря на косноязычность отчёта, главное яс-

но сразу: выживший убил напарника, и попросту выпил его кровь. Чтобы вот именно – выжить.

Впрочем, не в его праве осуждать этого человека, каким бы негодяем тот ни казался: кто знает, не превратился бы сам Сигрейв в кровососа и людоеда, поболтавшись без еды и воды под беспощадным экваториальным солнцем несколько недель... Или даже – дней.

А в том, что это солнце и бездушный Океан вокруг запросто сводят с ума даже самых крепких и стойких ребят буквально за эти самые несколько дней, капитан за время военных действий убедился.

Боцман же доложил, что шлюпка моталась по океану не меньше месяца.

И ещё кое-что: эта шлюпка скорее всего с новой, из последней серии, подводной лодки, поскольку выглядит именно так, как уже встреченные ими однажды...

Сигрейв покивал: он отлично помнил, как в одном из последних походов после бомбардировки глубинными бомбами повреждённая «У-218» всплыла, и они взяли в плен тридцать восемь бородатых, и насквозь провонявших соляжкой и потом, немецких подводников.

Но вот саму лодку захватить не удалось: капитан взорвал заряды кингстонов, и сам предпочёл смерть позору плена. Так что чем таким новейшим и опасным для вражеских судов отличалась конструкция самой лодки и её оружие, им узнать не удалось – а пришлось только изучить новую шлюп-

ку.

Так что завтра придётся отбросить естественное чувство брезгливости, подавить ненависть к врагу, и приступить к спокойному... ну, по мере возможности... Допросу.

Документ 2.

Из Протокола допроса потерпевшего Рейнхарда Лайтоллера, подобранного эсминцем флота Её Величества «Сассекс» 07.19. 1945 г., и проведённого капитаном вышеуказанного эсминца Джоном К. Сигрейвом в присутствии переводчика, старшины 2-й категории Майкла Майера, и стенографиста рядового Тима Фицвотерса 07. 21.1945 г., с 14-30 по 15-00. Место проведения – судовой лазарет.

(...) Капитан: – Значит, вы утверждаете, что это именно он первым напал на вас?

Лайтоллер: – Ну да, да! Я вам уже сколько раз сказал – это он, козёл вонючий! Он совсем сбрендил! Кинулся на меня с веслом. Хотел огреть по голове. Х-кх... (кашляет). Но я-то не спал, как он думал, и увернулся! Он тогда – кх... кх... (кашель, затруднённое дыхание) сам чуть не упал, от своего же удара... Но я же не стану ждать, когда он сможет снова меня ударить – так и полоснул его ножом по роже!

Ох, как он заорал!.. (кашель, хрипение). Ну вот, он схватился за глаз – а я ему каблуком, каблуком, значит, по другой руке! Чтоб весло-то выбить! Ох... Воды дайте... (тяжело дышит, хватается за горло. Допрашиваемый пьёт, после чего

снова кашляет.)

– Потом схватились мы с ним уже на дне шлюпки... Нож пришлось бросить – чтобы борта, стало быть, не пропороть на ... (ругается). Ну, тут уж было нетрудно понять: или я – его, или он – меня... (допрашиваемый отводит глаза, молчит. Капитан Сигрейв ждёт.).

Задушил, короче, я его... Я-то всё-таки поздоровей... А вы бы, что ли, в такой ситуации не задушили гада? Он давно смотрел на меня... Ну, вы понимаете... У меня прямо мурашки от этого взгляда по всех коже бегали!.. Как на флягу с водой. Или банку тушёнки. (снова молчит, мнёт одеяло).

Он и живой-то был – с-сука порядочная, а уж мёртвый... Так вонял. Но уже сил не было выкинуть его за борт. Да и акул я боялся – ещё начнут кружить возле шлюпки, да прокусят резину-то... Вот так и плавали с ним...

К.: – Кровь из его руки вы выпустили? Выпили... или как?

Л.: – Д-да... чего уж отпираться... Я. Без этого вряд ли протянул бы так долго... Пить-то ещё дайте... Прошу вас, сэр – воды! (допрашиваемый снова начинает кашлять, хрипеть, теряет сознание. Капитан зовёт врача, чтобы сделать потерпевшему укол. Допрос прекращён, у двери лазарета выставлены двое часовых.).

Документ 3.

Из допроса военнопленного трюмного старшины п/л. № Ю-1097 Рейнхарда Лайтоллера, проведённого капитаном

эсминца флота её Величества « Сассекс» Джоном К. Сигрейвом в присутствии тех же свидетелей 07.25.1945 г. Время проведения 14-30 – 17-00, место проведения: каюта, выделенная под место содержания военнопленного.

Л.: – ... сразу после учебки... Вот так я и стал трюмным старшиной – только потому, что мне было девятнадцать, а им всем – по восемнадцать и семнадцать. Это было, вот... э-э... Да, буквально сразу после того, как этот русский... сволочь Маринеску... Потопил почти четыре тысячи наших – профессионалов. Жутко это было – тогда хватали учить этому делу вообще всех, кто мог отличить торпеду от снаряда, и хотя бы видел море – пусть даже издали. А я-то – парень крепкий, невысокий... Да, вот так и оказался... На подлодке.

К.: – Кажется, вас это не слишком порадовало?

Л.: – Ну, вы скажете тоже!.. Порадовало... А порадовало бы вас, если бы вас живьём закинули в вонючий и тесный плавучий гроб, и крышку заколотили?! Наши все так и говорили об этом...

Это раньше, ну, там, в сорок первом, втором, может, и было – оно, конечно, престижно. Льготы, опять же, усиленные пайки... Честь, заслуги перед Отечеством, и всякое такое... А как стали самолёты с радаром, да суда из охранения, сторожевые, с новыми-то глубинными бомбами, топить-то нас, так и допёрли всё, что трупам пайки не нужны – хоть усиленные, хоть обычные!..

Одно уж мы точно поняли, ещё в учебке: живыми нам,

подводникам, эту войну не закончить, как бы оно там у кого другого не сложилось. Тут уж никакое чудо-оружие не поможет – хоть бы лодка была золотая...

К.: – Чем же отличалась ваша лодка от стандартных?

Л.: – Да уж отличалась... Хм. Честно вам скажу: на обычной-то лодке я никогда и не бывал! А наша... Ну, это, как это... Считалось она очень... Передовой. Сверхбыстрой. С новейшим оборудованием. Секретной. Навороченная, короче. Этой, как её... XXIII серии...

Ну, там, быстрее и дальше ходила под водой, более мощный движок, шнорхель с антирадарным покрытием... Конечно, для нас, простых матросов, ни хрена не изменилось: как было от койки до койки два фута – чтоб, значит, лбом не биться, когда вскакиваешь по тревоге – так всё и осталось... По двенадцать человек на четырёх квадратных метрах... Насчёт вооружения – да, правда, торпедных аппаратов было больше. Собственно, нам-то, простым матросам на эти самые аппараты было глубоко... (хрипит, кашляет, сплёвывает прямо на пол).

Короче, я вам так скажу – для рядового состава лодка эта ничем не отличалась от плавучего гроба наполовину с помойкой: вонища, теснота, всё стучит, скрипит и протекает!..

Воду всё никак откачать не могли: вечно сальники гребного вала текли. Видать, вал-то у нас попался бракованный. Наверное, последний завалился на складе. Это его ещё на верфи – вот спасибо им большое! – постарались, вставили.

Да и вообще: слатали всё явно кое-как, и из последних запчастей... Нет, всё понятно: они-то послушаться приказа не могли – чтоб больше, значит, лодок собрать. Там-то, наверху, думали, наверное, что если лодок будет больше, мы так сразу и победим (смеётся, затем снова кашляет). Да и строили-то их – сопляки, как и я, и наши все, из той же учебки... Мастеров-то, старых, кто хоть что-то соображал, почти и не осталось – забрали их, забрали... Нет, я был не рад, что туда попал!

К.: – С какого периода вы заступили на вашей... э-э... Ю-1097 на боевые дежурства, и сколько судов, и в каких районах, потопили?

Л.: – Дежурства – ну вы даёте!.. Да мы... Мы в боевых действиях, и на дежурствах и побывать-то не успели. Да, собственно, и слава Богу, что не успели. Кроме старпома и штурмана у нас и офицеры-то... Никто в боевых походах не участвовал. А команда рядовых так и вообще – все, как я: салабоны только-только из учебки. Сперва-то мы ждали, на базе-то нашей, когда придёт боевой Приказ...

Почти весь апрель ждали. Скучно-то, правда, не было: всё дыры латали, да воду откачивали, да чинили всё, что только можно было: и это – сразу после верфи!

А потом, как он пришёл, Приказ-то, как рванули, как угорелые, словно за нами черти гнались – через всю Атлантику, да на полном ходу!

Ну и вот – приплыли...

К.: – Расскажите подробнее: что за приказ, когда вы его получили?

Л.: – Ну... Что за Приказ, я, конечно, знать не могу... Помню вот что: когда двадцать седьмого... Да, это было двадцать седьмого. Приехал этот, как его называли-то... Личный курьер рейхсмаршала.

Они с капитаном Швайнштайгером сразу заперлись в его, ну, то есть, капитана, каюте... А потом он выходит оттуда, капитан-то, и давай орать: сразу видно – сильно его накрутил этот-то... курьер.

И пошло-поехало: сразу все по боевым постам, отдать швартовы, задраить люки, полный вперед! Самый полный вперед!.. Короче, лодка у нас и впрямь оказалась шустрая: на то, чтобы обогнуть эту вашу чёртову Англию с севера, ушло всего четыре дня. Да ещё два на то, чтобы добраться до её южной оконечности...

За всё это время мы ни разу не останавливались, перископ был всё время поднят, но корабли мы не атаковали... Днём шли максимальным ходом, всё время под шнорхелем, а ночью – тоже, иногда даже на поверхности, если рядом никого не было, хотя в этом было и много риска... А если замечали дым, хоть каравана, хоть отдельного торговца – всё равно, уходили в сторону, и под воду... Малейшая точка на горизонте, похожая на самолёт – и мы уже под водой. Топить-то уж точно мы никого не собирались!..

Все ребята сразу поняли – особое задание.

Ну ещё бы не понять – мы даже не забрали из лазарета на берегу троих наших, которых угораздило в эти дни подцепить пищевое отравление – сами представляете, чего приходилось жрать-то на берегу в те дни... А мы уж так спешили отдать швартовы, так спешили...

Ребята стали перешучиваться между собой: дескать, задание у нас – точно особое: добраться живыми аж до самой Аргентины... И там научиться танго танцевать. Ха-ха...

Зря смеялись – похоже, задание примерно таким и было, но уж не все бы добрались-то... Ну, это мы уж потом... Узнали.

К.: – А что было... Потом? Как вы оказались в шлюпке?

Л.: – Э-э... погодите, дайте дорассказать... (потерпевший вздыхает, молчит секунд двадцать, мнёт одеяло).

Короче, полным ходом мы шли аж почти до самого экватора. В конце, по ночам, уже когда опасность что нас засекут, стала поменьше, шли в надводном положении целыми ночами, только бы добраться быстрее... Ну, куда там надо было добраться. Так. И вот, девятого... Дайте-ка сообразить... Да, это было девятого. Девятого мая у нас случилось... Ну как – случилось: полетел основной внешний подшипник гребного вала.

Я, как Старший по механизмам хода и аппаратам кормовых отсеков, ещё седьмого доложил старпому честь по чести: так, мол, и так – вал сильно люфтит, бьёт, коробит, необходим ремонт – пока совсем не выбило подшипники-то, и

сальники...

Вал-то, конечно, поменять не смогли бы, но уж отцентровать-то смогли бы кое-как...

Ну, старпом – я уже говорил – опытный подводник. Ждать не стал – сразу пошёл к капитану: так, мол, и так: если не хотим загорать посреди Атлантики до Рождества, нужен срочный ремонт. Двое суток как минимум. В надводном положении. Потому что работать пришлось бы снаружи – у винта. А как раз погода была хорошая – спокойно всё сделали бы...

Правда, конечно, если бы нас засекли – тут бы нам и п... ец... Без гребного вала-то.

Короче, капитан отказал. Причём категорически. Вот так и получилось, что девятого, ближе к полуночи, ка-а-ак гро-о-охнуло! Это вал-то, значит, выбил подшипники, ударил по туннелю, и сам, значит, из него вылетел!..

Повело его, значит, из-за подшипника-то. Я так думаю, ролики-то от люфта разбили своё гнездо, да и повыскакивали из обоймы на ...ер! А я им тогда ещё, д...бам таким, сказал, ...ть ваш ..., и ... на ...! (допрашиваемый долго ругается)

Ну, вот об эти самые ролики на полном ходу вал и дёрнуло – да так, что он на две ладони вылетел в свой туннель, да ещё и силовую муфту от дизеля сорвал... Конечно, подшипники вала оба накрылись. Вода из туннеля так и попёрла!

Ещё бы ей не попереть-то, через такую дыру-то... Хорошо хоть – напор оказался невелик! А случись такое на глубине

– тут бы нам всем и каюк!

Ну, мы с Генриком воду из туннеля давай останавливать – минут за пять кое-как позатыкали: даром, что ли, в учебке это дело нам втюхивали... Да и сами, небось, не идиоты – понимали, что если не остановим – кранты нам: все здесь же, посреди океана, на дно и пойдём...

Вымокли, помню, как крысы, воды набралось по колено, хорошо хоть – не ледяной, как бывало на Балтике-то... Вот и заткнули... Только одно плохо – заткнуть-то мы заткнули, а вот ремонту это дело в полевых условиях уже не подлежало: подшипники-то ставятся навечно, и только на верфи... Да уж, отремонтировать мы теперь точно ничего бы не смогли – это уж когда всплыли полностью, да осмотрели всё снару- жи...

Я сам и осматривал, со старшиной мотористов Робертом Лепски. Эх, толковый был парень – Царствие ему, бедняге, Небесное...

Доложил я лично капитану – так, мол, и так: ремонт своими силами невозможен. Только в доке. И – только новый вал.

Капитан вначале побледнел, потом позеленел... Орал, как резанный, ругался... Уж больно он у нас это... как это... Амбициозный был, капитан-то наш.

А что толку-то – ругаться! Сам и виноват – слушать специалистов надо. Машины – они не люди, они за «идею» жи- лы из своей ж... рвать не будут!..

Короче, мне вкатили по полной... Но поскольку заменить

меня было некем, хоть не расстреляли. И на том спасибо – просидел в карцере три дня без пищи и воды... В темноте.

Боецман наш мне потом рассказал: он слышал, как на капитана-то нашего, орал этот, значит, рейхсмаршальский-то... Как на мальчишку!

Да, собственно, он и был – мальчишка. Ему, наверное, и двадцати пяти не было.

Зато, наверное, наверху связи какие-то были – вот и дали-то сразу капитана ему, а не старпому Шмидту, хотя тот и служил два года на подлодке, и соображал в тысячу раз лучше того... Хотя...

Соображать-то он соображал, да как-то всё не туда. Так что может, и правильно не дали ему лодку-то.

Короче, после этого... этой аварии, мы только и могли – что воду всё время откачивать из кормовых отсеков. Хорошо, хоть аккумуляторы успели зарядить, и насосы работали... Вот так и плавали – куда течением понесёт... Ох, и долго же, как нам казалось, мы так плавали!..

Ребята все извелись, никто не знал, что же с нами будет, и спасёмся ли... Согласны были уже и на плен! Так испеклись в чёртовых тропиках – вот когда я понял, что если спасусь, в сауну меня никто, никогда, и никакими пирогами не заманит!..

К.: – Понятно. Значит, экипаж был... возбуждён? (допрашиваемый кивает.) Расскажите теперь подробнее: как возник мятеж, и кто был зачинщиком?

Л.: – Зачинщиком?! Ну так а я вам что говорю-то всё это время?! Шмидт и был!

Соображал, говорю, в свою пользу – как бы живым выбраться с чёртовой подлодки-то! Это он нам и рассказал о совете у капитана, когда они – ну, в смысле, офицеры наши – соображали, как быть-то... Судьбу нашу, короче, решали.

Больше всех выступал п...рас этот, рейхсмаршальский... Звали его, кажется, герр Фоммель... Или Фуммель? Ну, да – примерно так... А имени его я до сих пор не знаю. Да по-моему, он его и не называл – даже старпом его не знал. А если честно – то и ... с ним, именем-то егонским!

Ну так вот, значит, как было дело... Дрейфуем мы себе, почти по экватору, дней десять. За всё это время на наши радиошифровки никто не ответил. Капитан даже приказал послать что-то вообще открытым текстом – и всё равно: полный ноль! Словно Германии нашей больше не существует в природе...

Ну, вообще-то, оказывается, так и было – сдались наши, ещё второго сдались... И никто нам на подмогу прийти-то не мог уже. Но это знал только радист, а его-то уж Швайнштайгер знал, как заткнуть.

Словом, продрейфовали мы так аж до первого июня. А второго на рассвете вдруг увидали вдали... Берег!

Все сразу поняли – это Африка... Вот тогда всё оно и случилось... (вздыхает, мнёт одеяло, молчит.). Ну, как я вам уже рассказывал, капитан опять созвал офицеров у себя в

кубрике. Набились они туда, как сельди в бочку – хотели, стало быть, секретность себе обеспечить... Ага, два раза!

Совещание шло минут сорок – видать, ещё в первый раз всё по полкам разложили, и надумали. Ну так вот, часа через три после того, как они закончили, подходит ко мне старпом Шмидт, и делает такой знак: мол, типа, молчи, и иди за мной...

Приходим в дизельный отсек, а там уже все наши – ну, старшины, и матросы – кто посообразительней, да поздоровей... Тоже набились в тесноте. Молчим, переглядываемся, ждём – что старпом скажет, чего хотел.

Ну, тогда он нам всё и выложил...

Не могу сказать, что сильно удивился. Да и наши... Никто не удивился.

Чего-то такого мы, собственно, от них и ждали – слухи и пересуды всё равно шли.

Всё-таки двадцать дней без хода и без дела дают возможность о многом подумать, да перетереть. (допрашиваемый подмигивает, криво ухмыляется) Словом, если конкретно, то капитан там вот о чём говорил: что в связи с особой миссией нашего «высокопоставленного» посланца и важностью документов, которые он везёт, нужно любой ценой доставить его со всем этим, стало быть, в Аргентину.

А так как шлюпки у нас только две, все на них не поместятся. Да и народу будет слишком много – не скроешь даже там, в Африке, что мы, дескать, экипаж немецкой субмари-

ны – тогда уж точно всех загребут...

Он предлагал поэтому всю команду, ну, то есть, весь рядовой состав – ликвидировать, поскольку теперь от него никакого толку (вот так прямо и сказал – мол, только лишние рты!), а офицерам на шлюпках отправиться на берег, и идти пешком, ну, или плыть, в ближайший порт... Он сказал, что до него миль двести.

Они собирались арендовать там судно, и доплыть куда положено – стало быть, до колонии-то нашей в Южной Америке.

Конечно, на шлюпку пришлось бы по четыре человека, но это ещё туда-сюда: всё-таки не по четырнадцать... Да, нас всего, вместе с ними-то, двадцать восемь человек и было. Ну, я уж говорил – троих оставили в госпитале, а на лодке-то нашей... продвинутой... всего и нужно было тридцать четыре человека.

Словом, старпом всё это описал, а потом говорит: я, дескать, хочу примкнуть к вам, помочь вам разделаться с остальными офицерами, стало быть. Потому, дескать, что Великого Рейха больше нет, генштаба и флота уже тоже не существует, и никто, типа, не мешает нам вести нормальную спокойную жизнь, а не сдаваться в плен, как идиоты, и не сидеть по тюрьмам и лагерям, как остальные, кто воевал...

Конечно, для этого надо затеряться: достать одежду. Штатскую. И документы.

Ну, это уже дело техники. Главное сейчас, говорит, – вы-

жить.

Ну, тогда и радист наш... Крыса та ещё был радист-то наш... Стучал капитану на нас каждый день. А сейчас тоже понял, типа, что не жить ему, потому что радиостанцию с подлодки с собой не потащишь, а, значит, и он – «лишний рот»... Клацал зубами-то, тряся, как в лихорадке, прощения просил...

Всё равно старпому пришлось прикрикнуть на него, чтобы он всё, значит, рассказал: как на шифровки и послания-то наши никто не отвечает, а из того, что он услышал в эфире, точно известно только одно: русские в Берлине, американцы на Эльбе, и делят они нашу любимую Германию, словно праздничный пирог... Вот такие дела.

Надежды у нас ни на кого нет. Да и в Аргентину бежать, к нашей колонии, что-то не хочется: а вдруг русские с американцами возьмутся и за неё?!..

Послушали мы этих двоих, пообсуждали...

План стали прорабатывать: как бы нам самим офицеров-то наших... порешить.

Нет, совесть ни у кого не попёрла. Всё-таки капитан наш был порядочная свинья – ещё бы, с такой-то фамилией... Никогда нас за людей не считал – это было видно любому.

Решили мы первыми ударить, а не дожидаться, когда поближе к берегу-то будем...

Разошлись, стали вооружаться. Старпом обещал по возможности оружия подбросить, но, конечно, не всем... Ну

правильно: а то разве дело, с кулаками – против пистолетов!.. Поэтому в тот же день на камбузе не осталось ни одного ножа, а в мастерской – ни одного гаечного ключа.

Потом смотрим: офицеры-то наши, странно так на нас поглядывают – догадываются, похоже. Ну, мы ждать не стали: второй раз собрались, обговорили детали, и кому что делать... Двинулись... Ох. (допрашиваемый снова молчит, подводит глаза к потолку).

Не понимаю, почему у нас сорвалось – может, всё же кто-то вложил нас... Или сами догадались – тоже ведь не дураки, жить-то всем хочется... А у нас на лодке в последние дни напряжение до того дошло – кажется, п...рни – и то кто-нибудь услышит! Следили, конечно, друг за другом, спиной не поворачивались, поглядывали: все – на всех!..

Ясно одно: капитан и офицеры были готовы, и когда наши – а проход-то узкий, только-только пройти! – пришли на мостик, сразу стали в нас стрелять. А у нас на всех только два пистолета, и не шибко-то хорошо наши стрелять умели!

Смотрю – многие уже на полу, ну, из тех, кто впереди шёл... Корчатся, орут...

А сам я, пока не зашёл в рубку, приготовил нож – метать я умею отлично. В детстве всё баловался, потом научился уже всерьёз – думал, пригодится. Точно... Пригодилось.

Первый нож я всадил в брюхо герра Хольма – ну, он был такой толстый, что промахнуться трудно! А уж завизжал – куда там свинье, которую режут! А второй нож дал мне

Марк, когда увидел, как здорово получилось. И я не оплошал: посланцу-то этому попал точнёхонько в горло. Он сразу захрипел, пистолет выронил, схватился за нож, глаза-то подлые выпучил...

Не ждал, наверное, тварь зажавшаяся, что сдохнет от руки простого матроса... Ну, там, «голубая» кровь, благородные предки-рыцари в десятом колене, и всё такое...

Наши, как увидели, что тех осталось только четверо, полезли стеной!

Конечно, тяжело против пистолетов-то, с ножами и гаечными ключами, но мы знали, что нас больше... Минуты через три всё было кончено.

А тех, кто ещё дёргался, Дитрих – это наш аккумуляторщик, здоровенная детина под сто килограмм! – лично добил монтировкой по затылку. Да ещё приговаривал: «считайте, говорит, твари, что это вам – вместо контрольного выстрела!» Ну, чтобы уж – с гарантией!..

А вот капитан – надо отдать ему должное! – дрался до последнего... Никогда не забуду его рожи – мне эта драка в рубке и сейчас ещё снится иногда...

Короче, нас из двадцати восьми осталось в живых одиннадцать. И ещё двое были так сильно ранены, что двигаться сами не могли. Ну, мы их всё равно, перевязали, как могли, да с собой забрали, когда уходили с подлодки-то... Не бросать же. Хотя доктора-то нашего мы сами и убили, а помощи оказывать раненым никто из наших не умел – всё равно...

Надеялись на помощь тех, африканских врачей. Ведь где-то там, в городах должны же они быть...

Ну, сутки мы ждали, трупы офицеров и наших повыкидывали за борт – чтобы, значит, следов не осталось. А как они останутся, когда тут тебе и акулы, и чайки, и прочие прихлебатели... Подъедальщики, словом.

Да и не... Не хорошо плавать, когда на судне трупы. (Допрашиваемый глядит на капитана Сигрева, затем отводит глаза к переборке. Вздыхает.)

Потом, глядим – течение-то, которое несло нас к берегу – вроде, уносит нас на юг, да и обратно в океан.

Старпом посмотрел в секстан, и говорит – точно, несёт нас на юго-юго-запад – мимо, значит, берега... Мы тогда, на вторые сутки, загрузили обе надувные шлюпки едой и водой, открыли кингстоны, и отчалили от «родной и горячо любимой «Ю-1097».

Это я только потом допёр, что неспроста Шмидт-то наш определял так часто и тщательно её координаты... Во время бреда он мне, голубчик, всё и выложил... Ну, это я уж вперёд забегая, извините.

До берега мы в тот день всё равно не добрались. Течение оказалось сильным, всё несло нас на юг, казалось, гребём-гребём, а толку всё нет. Так уж и думали, что мимо берега пронесёт. Руки до кровавых волдырей стёрли, всё старались приблизиться...

Правда, к утру, действительно, приблизились. Это когда

ветер стих, и течение на рассвете стало послабей. Смотрим – красота, деревья, пляж, песочек белый такой...

Мы-то сдуру обрадовались, ещё налегли на вёсла... Выплыли прямо на песочек-то.

Забыл сказать – мы, когда отплывали, посрывали все наши нашивки, переоделись в штатское, у кого что было, всё оружие, и что там ещё нас могло выдать, затопили вместе с лодкой... Ну вот и попали – как в дурацких книжках про людоедов-дикарей.

А они ждали нас, затаились... И когда наши отошли от лодок подальше – накинулись.

Стреляли из луков, кидали копья. Я сам видел, как Отто попали прямо в живот – насквозь пробили!.. Орала все – и наши, и они... Ну – они-то понятно отчего: жратва сама в руки прёт!.. А наши...

Черномазых было, наверное, человек триста – размалёванных, в масках дурацких...

Я-то, правда, считать их не стал – как только они заулюлюкали, стали стрелять и копья бросать – кинулся к шлюпке, что было сил навалился, стащил её в воду, и давай толкать – понимал, что только в ней всё спасенье моё...

Сволочь старпом тоже это понимал: слышу, сопит рядом, лодку прёт по мелководью изо всех сил. К нам успел подбежать и бедняга Роберт, да только зря – у него в руке застряла стрела, да в заднице – вторая... Так что уж не знаю: от яда, или то чего ещё, он посинел, и умер, прямо в шлюпке, минут

через пять. А уж как мы со старпомом смогли отгрести под тучей стрел, и не получили – вот вам крест! – ни царапины...

Это уж как хотите считайте – за чудо, или ещё за что... Помню только, я всё время молился. А что ещё было делать?! Мы же как на ладони были – да ещё без оружия... (молчит, тяжело дышит.). Думал тогда, они погонятся за нами в пирогах. Но, видать, у них не было. Или побрезговали – остальных-то они всех уложили. Наверное, и раненных наших... того.

Короче, перестали мы грести и оглядываться только через час – пришлось бросить это дело, да взяться за дырки, которые стрелы и копья-то понаделали. Как ни глупо это звучит, но всё для ремонта у нас было: и суперклей для резины, и латки, и всё остальное. Латали до конца дня. Нас, значит, несёт, а мы – стоим по колено в воде, и латаем, латаем...

Но сделали на совесть – поняли, что неизвестно, сколько нам ещё до города-то, до цивилизации, как говорится, грести-то...

Выкинули мы в воду беднягу кореша моего, моториста. Я помолился вслух.

Потом сели, взяли насос, стали подкачивать – но не сильно, чтобы, значит, клей выдержал. Ну, а как закончили ремонт, и воду вычерпали из шлюпки – стали продукты и воду считать. Старпом стал командовать – воду, мол, мы так: по стакану в день, а еду – банку на два дня... Я молчу себе, да думаю – ладно, ладно, покомандуй, типа. Я-то за весь день

успел всё передумать, и знал, что он мне теперь не начальник – а так, собрат по несчастью...

Только пока помалкивал.

Но он, конечно, умный был – догадался, наверное, сразу, что я-то тоже себе на уме...

Вот, плывём мы, значит, день, гребём себе вдоль берега на юг, а там всё джунгли, да джунгли... Вот плывём второй, а им – конца краю не видно. Делать-то нечего, стали разговаривать. Я ему так, невзначай, однажды и говорю: мол, теперь-то можешь сказать правду – чего это ты к нам примкнул, и своих-то заложил? Только не надо, говорю, врать, что хотел, типа, чтобы простые рядовые тоже живы остались, и прочее такое в плане «человеколюбия» – я-то не лох полный, понимаю, что жизни-то наши ни шиша не стоят... И никому мы, типа, не нужны – рядовые-то. И я сразу, говорю, понял, почему он только два пистолета нам достал – хотел, чтобы и тех и других побольше поубивали! Тогда выжившие-то уж точно в обе шлюпки поместились бы... Ну, а кто бы уж победил – ему, мол, и так и так получалось неплохо. Как говорится – и нашим, и вашим за трёшку спляшем...

Он долго молчал. Думал, наверное, что бы такое ещё со- врать. Или всё-таки расколоться... Потом говорит так спокойно – мол, слышал ли я, как работают зондеркоманды?

Нет, говорю, подробностей не знаю, а так, слышал, работёнка-то у них... грязная.

Ну, он тогда честь по-чести всё стал рассказывать – мол,

точно: грязная работёнка-то... Мол, если есть где на оккупированных землях проблема для того, кому по должности положено всякое дерьмо разгрести – ну, там, евреев, или пленных расстрелять, деревню сжечь, или, там, ценный объект стратегический – ну, мост, или железнодорожный узел заминировать так, чтобы никто не знал, и потом, стало быть, об этом не трепал, языком-то, поступают так... (молчит, смотрит в стену).

Отряд спецов, или простых солдат, или сапёров делает дело – ну, там, расстреливает, закапывает, минирует... Могилу маскируют, следы работы на объекте уничтожают, всё, что может навести на подозрения в минировании, тщательно маскируют... Потом переезжает всё это подразделение, или группа в... Якобы новое место, для новой работы...

А там подготовленные заранее, сидящие в засаде или ещё как-то спрятанные зондеркоманды, всех этих спецов, или, там, солдат, или сапёров – своих же! – расстреливают. Добивают контрольным в затылок. Раздевают, чтобы одежды, значит, не было, и следов каких... Закапывают и их.

Вот, и улики спрятаны, и никто не проболтается. О деле-то...

Зондеркоманда-то не в курсе, за что они людей-то порешили. И чего там эти люди наработали. Их дело – выполнять приказ. Ну а дальше...

Если дело совсем уж секретное, на следующем этапе высшие офицеры убивают и всю зондеркоманду. И случается это

ближе к концу войны довольно часто, так как отовсюду, говорит, нас попёрли, а дерьма после нас осталось, ох, много – только и успевай прятать, да вывозить...

Так вот: он, старпом-то, не сомневался, что из-за этих самых документов, которые этот тип-то вёз в Аргентину, они не побрезгуют нас всех порешить, да затопить вместе с подлодкой нашей навороченной и сверхсекретной.

А потом, когда представится удобный случай, и офицеров всех... Тоже. Прикончат.

Остаться в живых должен был только капитан. Ну и этот, конечно... Герр Фуммель, мать его этак... Наверняка они не простые бумажечки спрятали в сейфе-то капитанском!..

Вот этому я уже поверил. Запросто.

Думал я всю ночь, думал... Утром говорю ему: никак ты, старина Шмидт, с самого начала планировал – продать эти документики-то союзникам. За жизнь свою, да за безбедное существование там, на Западе, под новой фамилией-то... Для этого и помог, поспособствовал, значит, смерти капитана, герра Фуммеля, да и всех остальных.

Он как-то и растерялся даже. Попытался сначала отбрезаться. Потом говорит – мол, не ждал от меня, почти новобранца, да ещё девятнадцати лет, такого ума и наблюдательности... А я – что: жить, да и тем более – безбедно жить, всем хочется!

После разговора по душам, когда я ему доказал, что я-то ему нужен, чтобы догрести до берега-то, преодолеть тече-

ние... Согласился взять меня в долю.

Но я-то своё всё думал, да ночью спиной-то к нему не поворачивался.

Понимал, что не так уж я ему и нужен – лишний свидетель, да и конкурент...

Впрочем, так только первые три дня было, пока берег было видно. А потом смотрим – относит нас... Круговым течением относит. И не выгрести уж никак! Вся надежда – на какой-нибудь корабль!..

Старпом каждый день доставал свой секстан, да компас, да хронометр с картой – всё курс наш прокладывал... Ну и точно: получилось, что в Африку нам уже никак не попасть.

От тоски мы с ним в эти дни... Как бы это объяснить-то... Стали ближе, что ли. Ну вот, к примеру я – ненавижу его, знаю, что и он меня люто ненавидит... А подойти и убить – не могу, и точка!.. Потому что, если убить его – такая тоска, такая... Хоть волком вой. А вокруг только голубое безмолвие, да солнце палит нещадно... Ему плевать на нас, людишек... Солнцу-то этому... Не люблю я, если честно, всё это море – мне бы домой, на ферму нашу семейную, к коровам, курам... Или – в леса... Так уж я натосковался по земле в те дни!..

А так – хоть поругаться было с кем. Я уж через недельку перестал бояться, и по ночам мог спать – чуял, что не убьёт... Нет, не убьёт... Да и то правда – не убил... Но не потому, что я посчитал его... ну, там, порядочным, или что ему трудно

убить, или я ему нужен – нет, не нужен... На его счёт я не сомневался – он бы и родную мать продал, если б кто предложил за неё хоть пфеннинг... Да и одиночество его не тяготило бы так, как, скажем, меня... Нет, всё было по-другому... Даже хуже, чем можно подумать про... Офицера.

Когда он подцепил малярию, или ещё какую-то там лихорадку (Не знаю уж, что это было на самом-то деле!), на третий день в бреду-то... выболтал-таки, засранец расчётливый, для чего меня не трогал: я его ходячий склад живых консервов!

Ну, то есть – мясо... И кровь. Вода-то у нас быстро кончалась. Только на три недели и хватило. Ну, мы, конечно, пробовали и рыбу ловить, и дождь собирать – он однажды пошёл – да только без толку всё это, от жажды страдали жутко. Роберта-то мы выкинули, да вот одежду его снять не догадались – а сейчас любой тряпкой прикрывались, да всё равно оба были – все в ожогах.

Счёт дням вначале вели, потом уж потеряли – это когда подрались-то, когда я не выдержал, да сказал ему, что отлично знаю, что он хочет со мной сделать, когда воды не останется – съесть и выпить! Ваша правда, сэр, можете с таким видом не кивать – тогда-то он на меня и кинулся с веслом, да промахнулся совсем немного...

Ну а я-то – помоложе всё-таки, и не так обессилел от болезни...

Можете считать меня зверем, если хотите, но посмотрел

бы я на вас после полутора месяцев в дырявой вонючей шлюпке, да без воды, да с затаившемся мерзавцем за спиной... (молчит, сердито сопит). Ну, всё же есть я его не стал... Не то, чтобы не смог, а боялся через мясо заразиться... Хотя, глупо, конечно – кровь-то выпил...

Но ничем не заразился. Парень я здоровый. У нас, в Гарце, в нашей деревне, все здоровые... До девяноста лет ходят сами, без палочек! Так что спасибо здоровью моему, из-за него, наверное, и выжил... И дальше надеюсь выжить! (допрашиваемый подмигивает, хрипло смеётся, кашляет)

К.: – Хорошо, я понял вас. И где же карта вашего старпома? В шлюпке и в его одежде её не нашли.

Л.: – Понятное дело – не нашли. Я знал, что рано или поздно вы об этом спросите... (допрашиваемый хитро улыбается, молчит, затем снова подмигивает). Но я хочу – гарантий. Тогда, конечно, расскажу – где... Понимаете?

К.: – Нет, я вас не понимаю. Каких ещё гарантий вы хотите? И что имеете в виду?

Л.: – Что имею в виду? Жизнь свою, конечно. *Новую* жизнь – в Штатах, под новой фамилией, и с солидным счётом в банке – вот что я имею в виду! Не держите меня за идиота – старпом-то сдох! Туда ему, конечно, и дорога – а документики-то, документики эти сверхсекретные!..

До сих пор в сейфе у капитана, там, на подлодке! И координаты, где мы её, родную, затопили-то, знаю теперь только я! И так просто не скажу их. А только представителям ва-

шей, а вернее – американской – разведки: жить-то мне *у них* хочется! А карту я...

Просто съел, как зазубрил наизусть-то всё, что надо было зазубрить. (допрашиваемый стучит пальцем себе по лбу)

К.: – То есть, вы хотите сказать, что... запомнили координаты, а карту... Съели?

Л.: – Ну да, я так и сказал. Жрать-то что-то надо было... Хе-хе... Пошутил, извините. Но координаты эти я сообщу только в обмен на твёрдые, в письменном виде, гарантии моей жизни на свободе, новый паспорт с американским гражданством, и кругленькую сумму у меня на счету. В американском банке!

К.: – Сожалею, но я не уполномочен дать вам такие гарантии, и не представляю, кто может в такой ситуации дать их вам – убийце и людоеду. Ваше будущее вообще представляется достаточно мрачным и бесперспективным – ведь вы ещё и военнопленный!

Л.: – Ну и ладно раз так! Я не гордый – подожду того, кто сможет мне такие гарантии дать, да ещё со всеми печатями и подписями! А пока больше ни слова не скажу! (поворачивается лицом к переборке, и молчит)

К.: – А вам не кажется, что вы не совсем в том положении, чтобы диктовать нам свои... Условия?

Л. (поворачивает голову, через плечо): – Нет, не кажется. Вы же гуманные – не станете пытаться «военнопленного», как сделало бы наше Гестапо! А иначе меня – не заставить!

А уж документики-то эти... Ох, наварное, как ждали в Аргентине... Да и к военнопленным в лагерь-то вы меня не станете пихать – побоитесь: вдруг расскажу кому-нибудь что-нибудь ненужное... Подумайте, капитан: вы же не глупый человек, и тоже, наверное, мечтаете о повышении... А я – ваш шанс!.. Так что – подумайте! (Допрашиваемый снова отворачивается и упорно молчит на все последующие вопросы. В 17-00 допрос прекращён.)

Капитан Сигрейв вошёл к себе в каюту. Аккуратно закрыл дверь.

Хотя внутри у него всё кипело, внешне он никак этого не проявлял. Разделся, аккуратно развесил на стуле брюки и китель. Лёг на койку, и уставился в потолок.

Ох, и сволочь им попалась!

Разговаривать с такой – всё равно, что д...мо разгребать! Да ещё голыми руками!..

А что самое интересное – сволочь-то, похоже, действительно что-то знает!

Какие же настолько ценные секреты, что ради них придерживали под парами последнюю подлодку, пытались спасти из агонизирующего третьего Рейха доверенный человек рейхсмаршала и капитан Швайнштайгер?

Похоже, спасённый считает, что они стоили жизней двадцати восьми погибших товарищей и офицеров. Байка, рассказанная им – очевидное враньё! Сочинённая только для

того, чтоб не выглядеть тем, кем, похоже, и являлся спасённый – организатором заговора.

Заговора, имевшего целью убить всех, и завладеть тайной координат затопления подлодки с сейфом...

Потому что давно уже нет на побережье Африки никаких «дикарей с копьями!»

Но ведь – не пытать же, и правда, эту мразь!..

Капитан перевернулся на бок. Теперь ему в глаз светило заходящее солнце, пробивавшееся через неплотно задёрнутую занавеску.

Чёрт возьми!.. Уже сколько времени не стреляют, и не нужно бояться крика вахтенного: «торпеда по левому борту!», а выспаться как следует всё не удаётся!..

Но что же ему, капитану эсминца Её Величества, делать?

Ясно одно – нужно обо всём сообщить начальству. А уж оно пускай думает – достойно ли офицеров Флота Великобритании идти на сделку с убийцей-нацистом, или...

Или нужно, наплевав на его «сверхважную информацию», просто отослать матроса в обычный лагерь для военных преступников.

Лагерь-то лагерь... Но поскольку вряд ли удастся доказать его участие в боевых операциях, долго он там не пробудет – выйдет как ни в чём не бывало, на свободу. Ищи его потом! А если и правда – сведения сверхважные? И помогут его Стране? Всё-таки какую-нибудь ерунду в последние дни, когда поражение неизбежно, да ещё со спецкурьером, да ещё

за океан, отсылать не станут...

Капитан ворочал мысли, словно жернова, не заметив, как сон сморил-таки его.

Однако мысль о том, что лучше всё-таки послать шифровку в Штаб Флота, возобладала. Именно её успокаивающая возможностью переложить ответственность за нечистоплотное решение на вышестоящих, и помогла капитану угомонить на время совесть и заснуть...

Документ 4.

Из Рапорта агента Р. Ю. Диллинджера от 08.03.1945 г.

Составлен на основе изучения Протоколов предшествующих допросов, и магнитофонной записи допроса военнопленного Р. Лайтоллера. 11-30 – 14-30. Место проведения допроса – каюта содержания военнопленного на эсминце «Сассекс».

(...) Военнопленный производит впечатление человека ограниченного, хитрого, и крайне упрямого. Характерные черты холерического темперамента. (...) Первые полчаса допроса прошли спокойно. Допрашиваемый полностью подтвердил версию, озвученную в протоколе от 07.21-25.1945г.

Однако убедить его добровольно сообщить интересующую нас информацию не удалось. Он всё время продолжает настаивать, что сообщит координаты только тогда, когда увидит документы, удостоверяющими его Американское гражданство со всеми соответствующими подписями и печатями.

И счёт в банке на 100 000 американских долларов.

Верить «на слово» тоже не желает. Попытка нажать или пригрозить не увенчалась успехом. Тогда я вышел из каюты, где военнопленный содержится, и вернулся с агентом О. Л. Верноном и доктором С. Робертсоном, ожидавшими моей команды.

Пока мы с Верноном удерживали кричащего и отчаянно вырывавшегося Л., доктор закатал ему рукав, наложил шину и ввёл внутривенно «содиум пентоталум»*.

*Так называемый «правдодел». Препарат, парализующий волевые центры мозга.

Через пять-шесть минут глаза допрашиваемого остекленели, дыхание стало замедленным. Он уже спокойно лежал на койке. Доктор, проконтролировав время, заверил, что пленный готов к работе с ним. Затем доктор вышел. Допрос продолжили мы с Верноном, включив звукозаписывающую аппаратуру.

Далее привожу расшифровку этой записи дословно.

(...) Д.: – Сколько же вас всего было на Ю-1097 в начале плавания?

Л.: – Тридцать три человека, считая посланца.

Д.: – Сколько человек было убито во время бунта?

Л.: – Девятнадцать.

Д.: – Сколько человек было в шлюпках, когда вы направились к берегу?

Л.: – Шестеро.

В.: – Куда же делись остальные выжившие? Почему они не поплыли с вами?

Л.: – Мы перестреляли их уже потом, после бунта, на второй день. Когда не смогли договориться о делёжке денег. Они хотели достать их сразу, а мы боялись, что документы при этом погибнут. Не могли договориться и о месте, куда направиться. Их трупы остались там, на подлодке, которую мы затопили. Вместе с теми, которых мы убили вначале.

В.: – И куда же это они и вы собирались отправиться?

Л.: – Они хотели нанимать судно сразу до Нью-Йорка, а мы – до Канады.

Д.: – Какие деньги вы хотели поделить?

Л.: – Те, которые хранились у капитана в сейфе. Их тоже привёз посланец.

В.: – И... Что же случилось с деньгами и документами из сейфа?

Л.: – Ничего не случилось. Там они и лежат.

Д.: – Почему же вы не забрали их с собой?

Л.: – Мы не смогли. Сейф оказался хитро заминирован. И там ещё была... кислота.

А шифр замка знал только капитан. Если бы стали взламывать, всё или взорвалось бы... Или кислота испортила бы все документы... Поэтому мы и не смогли открыть его на месте, и забрать всё, что хотели.

В.: – Что же случилось потом с... Теми четырьмя, кто был в шлюпках с вами?

Л.: – Мы с Робертом Лепски и старпомом перестреляли других троих в их шлюпке, затем забрали их запасы воды и пищи, и пропоролы шлюпку ножом, после чего она затонула. А затем старпом застрелил Роберта, и мы остались вдвоём.

В.: – Почему же старпом не застрелил и вас?

Л.: – Мы – родственники. Я его двоюродный племянник, и мы заранее обо всём договорились – понимали, что вдвоём сделаем всё, что захотим.

Д.: – Знал ли кто-нибудь на лодке, что вы родственники? Догадался ли позже?

Л.: – Нет, никто не знал. Мы же носили разные фамилии... И никто так ничего и не узнал. И не догадался.

Д.: – Куда вы направились на вашей шлюпке потом, когда остались вдвоём?

Л.: – Мы хотели пристать к берегу, но не смогли приблизиться, из-за сильного противотечения. Четыре или пять дней мы гребли к этому берегу, а потом нас всё-таки вынесло в океан. Там мы и находились, пока меня не нашли и не подобрала. Хотя я этого не помню...

В.: – Значит, вы затопили подлодку у берега, а потом не смогли до этого берега добраться?

Л.: – Нет, мы затопили подлодку милях в семи от берега. Мы хотели спрятать её получше, на большой, но не слишком, глубине. Чтобы найти её было невозможно без наших координат, и мы получили бы свои гарантии. Мы не знали, что в этих местах так трудно подойти к берегу, а то остави-

ли бы больше гребцов, доплыли бы туда, а только уже потом остальных убили бы.

В.: – И что вы собирались делать дальше?

Л.: – По берегу мы дошли бы до ближайшего порта, и наняли бы судно.(...)

Д.: – Значит, никакие дикари на вас не нападали?

Л.: – Нет, конечно. Мы не видели никаких дикарей, да и вообще никого. (...)

В.: – Кто определял координаты, и насколько точно?

Л.: – Координаты определял старпом Шмидт, два раза. В полдень первого дня, и затем второго, когда мы ещё находились на подлодке.

Д.: – Вы считаете, что он не... обманул вас при сообщении этих координат?

Л.: – Он и не мог обмануть меня – я вспорол подкладку его брючного пояса, и вынул их оттуда, уже когда убил его. Я заучил их наизусть, после чего бумажку с ними съел.

В.: – Вы уверены, что он не мог спрятать подлинные координаты в другом месте, или запомнить их, а вам подсунуть подделку?

Л.: – Нет... Я уверен, что он не мог этого сделать – бумажку я проверял, пока он был без сознания во время болезни. И я был рядом, когда он их записывал, ещё на лодке – подглядывал через плечо. А он только усмехался – думал, что я ничего в этом не понимаю...

Д.: – Сообщите нам эти координаты.

Л.: – ... градусов... минут южной широты, и... градусов... минут западной долготы.

В.: – Верите ли вы сами в точность этих координат?

Л.: – Да.

Д.: – Это именно те цифры, которые вы хотели сообщить... за своё гражданство?

Л.: – Да. (...)

В.: – Сколько же человек вы убили сами?

Л.: – Всего я убил шесть человек. (...)

Капитан Сигрейв, опершись на поручни и сохраняя нарочито равнодушное выражение на лице, наблюдал, как арестованного уводят двое наглых, и глядящих на всех окружающих с таким неприкрытым презрением, словно те грязные и тупоумные плебеи, не достойные даже вычистить их лакированные туфли, людей в чёрных плащах. Вот уж кого жара, кажется, не касается...

Но хуже всего – их «шеф», полковник Кларксон, неторопливо движущийся впереди. Демонстративно не прекращавший жевать свою чёртову жвачку, даже когда говорил с Сигрейвом.

Вот уж – скользкий тип. Со словно горящим в глубине чуть прищуренных глаз крохотным чадящим огоньком – как от масляной коптилки...

Спецагенты хреновы. Похоже, они реально мнят себя вправе делать с людьми всё, что угодно – «для Интересов

Безопасности Страны»!

Их высокие и плотные фигуры в кожаных плащах и неизменных шляпах «Стэтсон» делали идущего между ними коренастого подводника словно ниже ростом. А его понуро склонённая голова могла означать только одно – он выложил всё, что требовалось...

И выложил – задаром.

Нелепо суетящаяся позади агентов приземистая фигура доктора, с его отсвечивающими круглыми очками, и чёрным кофром, болтающимся в коротенькой ручке, однозначно доказывала, что «выкладывание» проходило не совсем, конечно, добровольно...

Сволочи. Хоть и союзники.

Сигрейв сплюнул – вопиющее кощунство! – на палубу. В душе всё равно оставался мерзкий осадок: словно это он, пусть и не виноват, но – имел отношение к смерти экипажа пресловутой «Ю-1097». И унижению «выпотрошенного» пленного.

Хотя по большому счёту фашиста не жаль. Так ему и надо – нужно было не торговаться, а просто рассказать, что требовалось.

Сочувствовать, пусть и допрошенному не совсем в соответствии с «Конвенцией о правах военнопленных», военному преступнику, да ещё и убийце, Сигрейв не собирался!

Так что пусть эта нахальная незваная собака – совесть, убирается обратно в тёмные уголки подсознания!..

Документ 5.

Из Акта о передаче заключённого № 226832 для содержания в специзоляторе «Санаторий» на острове Понийленд.

(...) Заключённый поступил на учёт 10.09.1945 г. (...) Особые приметы – татуировка в виде якоря на правом предплечьи. (...) Состояние здоровья – удовлетворительное. (...) Личных вещей нет. Размещён в камере № 21-03.(...)

Сопроводительные документы подписаны нач. «Санатория», полковником И. К. Гроувсом 10.09.1945 г.

Документ 6.

Из Рапорта командира летающей лодки класса «Каталина», бортовой номер 764 229, капитана второго корпуса первого противолодочного полка, Тимоти К. Пауэлла от 10.29.45г.

(...) Обследование указанного квадрата производилось в течении двух суток, девятого и десятого, практически всё светлое время суток.(...) Погода устойчивая, ясно, ветер 5-7 метров, волнение океана – не более 2 баллов.(...) Прозрачность воды удовлетворительная, не менее 45-50 м.

Сегодня, 10.29.1945 г., в 15-57, при отличном боковом освещении под углом около 45 градусов к поверхности воды, обнаружен искомый объект. Место дислокации – в тринадцати милях к юго-западу от указанной базовой точки поиска. Объект даёт чёткую тень характерных очертаний, и на-

ходится, вероятно, на глубине не более 20-25 саженей. (...)

Прозрачность воды удовлетворительная, дно песчаное, ровное. (...) Объект ориентирован в направлении оси северо-запад – юго восток. (...)

Расстояние до берега от места затопления не более восьми миль. (...)

Документ 7.

Из Рапорта старшины военных ныряльщиков отдельной особой роты № 1, Майкла Дж. Хаммонда. Составлен 11.21.1945 г.

(...) ... поэтому погружения начали только сегодня. Несмотря на относительно спокойное море, работы были сильно затруднены в связи с сильным придонным течением, сносившим водолазов, и намывшим вокруг объекта с северо-восточного направления высокую песчаную банку. Лодка, к сожалению, тоже лежит не на ровном киле, а с боковым креном около двадцати пяти градусов на левый борт, и дифферентом около 5 градусов на нос.

Поэтому имелись значительные сложности с проведением работ по разминированию, и собственно подъёмными работами.(...)

Только после того, как штатный сапёр, рядовой первого класса ныряльщик Г. П. Лазетти доложил об успешном завершении разминирования, рядовой первого класса ныряльщик С. Р. Каммингс и рядовой первого класса ныряльщик

П. У. Смитсон осуществили зацепление поднимаемого сейфа двойной петлёй трос. После чего с помощью термитной сварки удалось отсоединить его основание от металлического листа палубы мостика, к которому он и был приварен. Затем с помощью лебёдки подняли его на борт вспомогательного судна «Джон Веллингтон». (...)

Также изъяты документы, найденные на мостике, и шифровальная машинка типа «Энигма», тоже приваренная к металлическому столу в рубке, и запасные диски к ней. (...)

Документ 8.

Из Протокола осмотра поднятого объекта «сейф», произведённого агентом Р. В. Буллетом и экспертом по вскрытию замков, лейтенантом Ф. Ф. Моррисом 12.01.1945 г. на борту вспомогательного судна № 456-021 «Джон Веллингтон». Грузовой порт, док 19, Нью-Йорк.

(...) На сейфе практически нет наружных повреждений, кроме содранной тросом краски. Однако по вытекшему объёму воды, приходится предположить, что практически всё внутреннее пространство было заполнено морской водой, и всё, что имелось внутри, подвергалось её воздействию не менее двух месяцев. В связи с этим представляется сомнительной возможность целостности и неповрежденности находящихся внутри объектов, и документов. (...)

Далее, необходимо отметить, что конструкция этого типа «сейфа» предусматривает наличие внутри ёмкостей с кисло-

той, уничтожающей всё его содержимое при попытке вскрытия его несоответствующим ключом, без верно выставленной цифровой комбинации на цифровой панели, или любым силовым методом.

Поэтому считаем нецелесообразным, и даже недопустимым, проведение вскрытия автогеном, дрелью, или любым другим механическим способом, предложенным недостаточно компетентными специалистами Первого отдела. (...) С другой стороны, нужной квалификацией обладает...

... что говорит о его высочайшем профессионализме, и знакомстве с аналогичными конструкциями. Поэтому привлечь его считаем целесообразным, поскольку в нашем штате никто не обладает необходимой квалификацией и опытом работы с иностранными...(...)

Документ 9.

Из Протокола вскрытия объекта «сейф» привлечённым гражданским специалистом Р. С. Смитом («Ласковый Гризли») в присутствии агентов Л. С. Левински, Б. Элдриджа и А. Н. Томпсона, и консультанта, доктора технических наук, старшего научного сотрудника лаборатории материаловедения университета Джона Гопкинса, профессора М. С. Розенштейна.

(...)... а собственно вскрытие заняло у него не более пятнадцати минут.

После проведённого поверхностного осмотра выявлено,

что ёмкости с кислотой остались практически не повреждёнными. Однако в результате воздействия тёплой солёной воды в течении довольно продолжительного времени, часть кислоты, проникшая через микротрещины швов ёмкостей, растворилась в этом объёме воды, что поддерживало во внутренней полости «сейфа» достаточно агрессивную среду не менее двух месяцев.(...)

Промывка дисциплированной водой и помещение в тёплую ванну из этой же воды, позволили разделить документы на отдельные листки, но не более того.(...)

В связи с этим воздействием сильноокислой среды, практически все чернила на найденных документах оказались сильно обесцвеченными и расплывшимися: в пятна хаотических и неопределённых форм и размеров, и еле различимые фрагменты букв, что сделало прочтение найденных бумаг абсолютно невозможным. (...)

Это не означает, разумеется, что в будущем, с развитием новых технических средств восстановления и более совершенных технологий расшифровки повреждённых документов, новых реактивов для обработки следственных материалов, и новых криминалистических методик, обнаруженные документы не могут быть расшифрованы и прочитаны.(...)

Основные рекомендации сводятся к следующему: 1. Высушить документы в устройстве «термобарокамера Худа». 2. Хранить найденные в объекте «сейф» документы в среде с пониженной до 20% относительной влажностью. 3. Темпера-

турный режим: при температуре окружающего воздуха строго +18 плюс-минус 1 градус Цельсия. 4. Хранить в полной темноте, совершенно исключив попадание любого света.

(...) 8. Ориентировочный срок такого хранения необходимо назначить не менее 50 лет. (...)

Найденная там же валюта в виде долларов США после просушки оказалась практически неповреждённой, если не считать незначительного осветления изображения.(...) Валюта сдана представителю Казначейства по описи в размере 92 550 дол. США.

Валюта остальных стран более сильно попорчена, и к использованию непригодна.(...) Сдана по описи в Архив Министерства Обороны, в эквивалентном размере около 42 000 дол. США.

Работа с сейфом выполнена безукоризненно. Поэтому специалиста Р.С. Смита («Ласковый Гризли») считаем целесообразным доставить обратно по месту его содержания, сократив срок его заключения согласно договорённости, чтобы иметь возможность и в будущем пользоваться его доверием и услугами в операциях такого плана и специфики.(...)

01.03.1946 г. Подписи (неразборчиво).

Документ 11.

Акт № 46 /134-89. О сдаче в архив документов за №№ 01/ФЛ – 89/ФЛ, согласно их описи. Опись прилагается. Дата сдачи: 03.16.1946 г. Подписи, резолюции (неразборчиво).

Вернона Теофила Трампа коллеги всерьёз не воспринимали никогда, считая законченным ботаником-трудоголиком и занудой.

Если честно, то он и сам где-то разделял их мнение о себе. не проявил инициативы даже в случае своей женитьбы: Луиза буквально силой заставила его переспать с ней, а затем и женила на себе, заявив, что беременна.

Нет, она и правда была беременна. Однако первого сына, получившегося таким же круглым, низеньким, и нелюдимым очкариком, как папаша, излишним вниманием не баловала. Зато Вернон в нём души не чаял: не знал, какую игрушку купить, и какую книгу дать почитать!..

Немного подумав (Определённая доля бытовой смётки отнюдь была ему не чужда!) Вернон осчастливил жену ещё и двумя дочерьми. Животик хохотушки-веселушки отрос, пикантные узенькие плечики заплыли, а уж задняя часть... Про его кошечку теперь можно было смело сказать: сто на сто на сто десять (если не – двадцать!). Тут уж ей пришлось прекратить уделять всё внимание только танцулькам и шмоткам, и подсуетиться с домашним хозяйством и воспитанием троих детей...

Однако это ударило и по Вернону – причём совершенно с неожиданной стороны!

Жена заявила, что раз уж он собирается стать основателем «семейной Династии», нужен, разумеется, и дом поболь-

ше, и зарплата посолидней. Потому что те гроши, которые он приносит как «старший экономист» может засунуть себе в ...опу! И он, как мужчина, *обязан* теперь поискать местечко потеплей. И с зарплатой побольше.

Почесав в затылке и прикинув, что где-то в словах жены есть сермяжная правда, а стабильная зарплата в это сложное время имеется лишь в Госструктурах, Вернон позволил бывшему однокласснику, сидевшему, благодаря отцу, на тёпленьком месте как раз в одной из таких важных Государственных Контор. И после удивлённых и не слишком тёплых приветствий спросил, не нужны ли им, в их Конторе, добросовестные и педантичные работники для наведения порядка в отчётности, да и вообще – в любой документации.

Одноклассник быстро сообразил, что действительно, более методичного и пунктуального зануды-трудоголика он не встречал. Прикинул перспективы...

И вспомнил, что только недавно ему жаловались на полный бардак в хранилище как раз документов. Оценив возможную благодарность со стороны очень даже симпатичной зав. Архивом, да и с Верноновской, он согласился подумать, и действительно подумал. Сделал пару звонков. Описал ситуацию, патриотичный настрой, и характер кандидата...

Вот так Вернон и попал в Архив при *очень* секретном и важном Ведомстве.

А поскольку педантичностью и полным отсутствием амбиций он и правда, легко затмевал всех, вскоре на несчаст-

ного, с окончательно к этому времени сформировавшимся в общественном мнении имиджем «подкаблучника-ботаника», навалили кучу сверхурочной и сверхсекретной Переписки, Отчётов, Докладных, Рапортов, и всего того милого д...ма, что неизбежно сопутствует функционированию любой большой Конторы.

Вернон пыхтел, сопел, потел, постоянно поправляя вечно сползающие на блестящий жиром кончик носа очки, и даже стал задерживаться на работе: если быть совсем уж честным с самим собой, весёлый бардачок, царящий теперь, когда дети подросли, и всюду водили друзей и «подруг», дома, его сильно напрягал. Так что он даже рад был официальному предлогу задерживаться на своём пятом подземном Уровне подольше.

Когда проклятые документы впервые попали в его руки, он подумал: «Чёрт возьми!..

Не иначе речь идёт о награбленных и реквизированных нацистами в Европе ценностях, которые они спрятали так надёжно, что теперь и не найти! В-смысле, не найти без указаний из вот этих дурацких бумажек!»

Почему-то он ни на минуту в этой версии не усомнился. Всё его чутьё и профессиональный нюх говорили именно об этом. А Вернон вовсе не был, вопреки твёрдому убеждению жены, глуп. Всё, что касалось нюансов и деталей работы – просекал чётко.

И в соответствии с этой рабочей гипотезой он и начал

действовать, проигнорировав тоненький голосок так называемой совести, взывавший к его патриотичности и многолетней лояльности... А поскольку Вернон не изменял своим привычкам, и до сих пор отличался скрупулёзной педантичностью, и ослиной (в хорошем смысле слова!) настойчивостью, работал как всегда: продуманно, методично, спокойно. И никого в свои планы не посвящал.

Однако здесь его могучий аналитический разум столкнулся с серьёзной проблемой.

Сколько вечеров он провёл за своим рабочим столом, расчёсывая давно оставшийся без волос затылок почти до крови, и в очередной раз рассказывая жене байки о «срочной ответственной работе!»

Но расшифровать полустёртые и расплывшиеся кляксы, завитки и чёрточки никак не удавалось! Всё-таки человеческое зрение, вооружённое даже самой сильной лупой – не слишком надёжный инструмент...

Да и морская вода – сильная штука.

Так что надежда вот так, в лоб, решить задачу, отпала.

Нет, документы нужны не фрагментарно, а – целиком! Чтобы текст проявился *весь*!

Поэтому первым делом Вернон продумал метод, с помощью которого стало бы возможным прочесть утраченный текст без лакун. А поскольку восстановлению размытые чернила не подлежали, он решил (и весьма справедливо, кстати!), что хоть какая-то часть чернил всё же должна тем или

иным способом задержаться в тех местах, где эти чернила находились.

В первую очередь он отдал на экспертизу кусочек одного из наиболее повреждённых листков. С формулировкой: «определить состав чернил и возможность восстановления утраченных частей текста».

Ответ из лаборатории пришёл на следующий же день.

После вполне банального рецепта с содержанием чего-то там в таких-то процентах, снизу стояла маленькая приписка, изменившая в жизни В. Т. Трампа всё: «Сохранившиеся в бумаге на месте букв соли ванадия позволяют, в принципе, воспользоваться напылением в сильном электромагнитном поле в вакуумной камере радиоактивных изотопов солей ванадия на эти буквы с тем, чтобы восстановить их первоначальные контуры».

Приписка эта давала ему в руки способ восстановления если не видимого текста, то хотя бы радиоактивного «призрака» тех букв, что он пытался выявить. А уж как работать с невидимыми в обычном свете, но – *реально* существующими буквами, он знал отлично.

Однако чтоб не вызвать у коллег ненужных вопросов, он отложил работу с документами до Рождества.

Расчёт оказался правильным: во-первых, все коллеги забыли о странных «призрачных» буквах, а во-вторых работники лаборатории вакуумной диагностики и обработки рады были пойти навстречу, особенно после того, как он сделал

всем Рождественские подарки.

Но даже и «напылённые» буквы видно в обычном свете не было.

Зато их неплохо было видно в освещении «светом Вуда» – этот термин сохранился с тех пор, как его первооткрыватель, профессор Вуд из университета Джона Гопкинса, впервые предложил ультрафиолетовые лучи для выявления на почте секретных шпионских посланий в письмах, во времена ещё Первой Мировой. С тех пор эта практика стала стандартной процедурой всех криминалистов и контрразведчиков.

Следующим шагом Вернона стала попытка, сделанная спустя ещё шесть месяцев. На этот раз он подсвеченные ультрафиолетом документы поместил ещё и в камеру Томографа. Отличная компьютерная программа позволила восстановить недостающие фрагменты букв по их следу – то есть, сверхмелким впадинам, оставшимся от нажима пера, или удара литеры пишущей машинки.

Чтобы не мучиться так в дальнейшем, все тексты сфотографировали.

О подарках на День Независимости работникам Томографического отдела Вернон тоже не забыл.

Теперь в его руках, наконец, находились вожаделенные тексты с подлодки «У-1097». Но одна проблема всё же оставалась.

Все тексты, разумеется, оказались на немецком.

Впрочем, заведующий секцией по материалам о Третьем

Рейхе Вернон Т. Трамп не сомневался, что найдёт способ перевести их так, чтобы не вызвать подозрений, или ненужных вопросов ни у кого из сослуживцев.

Сложнее оказалось бы воспользоваться полученной информацией так, чтобы на добытые им сокровища Третьего Рейха не наложила волосатую лапу его же любимая Контора...

Документ 12.

Из расшифровки переговоров майора в отставке Вернона Т. Трампа, 19 лет работавшего в центральном Архиве ЦРУ на должностях: архивариуса, старшего архивариуса, и на протяжении последних пяти лет – руководителя секции «Материалы Рейха», с профессиональным искателем сокровищ Кейтом Фингером.

Переговоры производились по личным мобильным телефонам указанных лиц с 23-50 по 00-01 в ночь на 04. 26-27. 20.. г.

(Справка: К. Фингер широко известен благодаря тому факту, что в период 1976 – 20.. гг. поднял со своей семьёй и командой ценностей более чем на 500 млн. дол. США с испанского галеона «Атроча», разбившегося и затонувшего в 17 в. у побережья Флориды.).

(...) Трапп: – Нет, меньше, чем на пятьдесят я не согласен. Мы же, вроде, уже оговорили всё это при встрече, так зачем же возвращаться снова к уже решённым вопросам? Это

несерьёзно.

Кейт: – Ну правильно, мы оговорили. Просто дело в том, что у меня в команде мать и три брата, с их семьями. И они, вообще-то, пайщики: равноправные партнёры, и основные исполнители... Во-первых, без их согласия никакое оборудование не может быть никуда перевезено, особенно так далеко. А во-вторых, они должны ехать со мной, естественно, со своими семьями тоже... Я ведь предупреждал... Я думаю, вам есть смысл снова к нам приехать, чтобы, значит, всё обсудить лично и уже конкретно – а не так, как в тот раз: где-то, что-то, когда-то... Нам же нужно будет конкретно подготовить всё – и документы, и визы, и разрешение на ввоз-вывоз нашего оборудования – надо знать, куда, и на какой срок... Вы понимаете? Конкретные координаты – конкретный разговор!..

Т.: – Хм-м! Я-то думал, что веду переговоры с серьёзным бизнесменом... Хорошо, ваши затруднения и сомнения мне понятны. Хотя – повторяю: меня они не касаются. На меньшую долю я всё равно не соглашусь. А объяснить конкретно могу только после того, как подпишем контракт. Я подъеду дней через пять. Надеюсь, у вас во Флориде не слишком жарко сейчас? Потому что у меня больное сердце – я плохо переношу жару... (...)

Документ 13.

Из допроса на полиграфе бывшего начальника секции

центрального архива «Материалы Рейха» Вернона Т. Трампа, проведённого 04.27.20.. г. заместителем начальника центрального Архива ЦРУ, полковником Ч. Ю. Баллоком в присутствии агентов А. Калвертона, Н. Б. О,Рори и судмедэксперта И. Т. Харак в помещении № 1 блока 4.

(...) Баллок: – А для чего же тогда вы встречались с ним в первый раз?

Трапп: – Я уже вам объяснил: я пенсионер, деньги у меня есть. Вот и хотел чем-то занять свой... досуг. Поиски кладов тоже здорово щекочут нервы – сами знаете, я всё-таки бывший оперативник.(правда – неправда – неправда.)

Б.: – Да, разумеется знаю. Что вы такой же оперативник, как я – балерина. Как знаю и то, что вы проработали у нас достаточно долго, чтобы знать, как работает эта хреновина, и как сделать её показатели не вполне достоверными. Поэтому снова прошу вас: отвечайте простыми и короткими фразами: «да-нет!». И не усложняйте очередной сказкой своё и без того щекотливое положение. Итак! Во время первой встречи с Кейтом вы оговаривали подъём какого-либо конкретного клада?

Т.: – Нет, только общие предварительные намётки. (правда)

Б.: – Но клад – существует?

Т.: – Д-да. (правда)

Б.: – Связано ли с этим кладом ваше обращение к переводчику секции европейских языков, капитану Б. С. Коваль-

ской девятнадцать месяцев назад?

Т.: – Нет, это никак с этим не связано. Мы просто старые друзья. (неправда-правда)

Б.: – Вы просили её что-то вам перевести с немецкого – да или нет?

Т.: – Нет, я не просил ничего мне переводить. (неправда).

Б.: – Шифр вам «расколол» старший лейтенант Уильям Бестер?

Т.: – Нет, он ничего мне не «рассказывал», мы просто старые знакомые. (неправда-правда.)

Б.: – Чёрт! Я поверить не могу, что вы проработали у нас двадцать семь лет. Вы же даже врать по-человечески не научились!..

Т. – Я... Никогда раньше не ставил целью обманывать Руководство, или кого бы то ни было... (правда).

Б. – Вы хоть отдаёте себе отчёт, что своими действиями могли поставить под удар безопасность страны?

Т.: – Что за ерунда! Безопасность страны здесь совершенно ни при чём! (правда).

Б.: – Ну, это *вы* так считаете. А вот руководство... Впрочем, не будем философствовать и отвлекаться. Предвидели ли вы возможность... Личного обогащения на этом деле?

Т.: – Нет, не предвидел. Просто хотел поразвлечься на пенсии. (неправда-неправда)

Б.: – Вы понимаете, что своими ответами не оставляете нам выбора?

Т.: – Всё это чудовищная ошибка! Чего вы от меня хотите?! (неправда). (...)

Документ 14.

Из допроса В. Т. Трампа, бывшего начальника секции центрального архива ЦРУ «Материалы Рейха», проводимого под воздействием «Препарата С» Руководителем Европейской секцией ЦРУ, генерал-майором Л. Д. Донаваном, в присутствии врача отдела «Б» майора Б. К. Шиферман. Присутствуют в просмотровой № 2: 1-й заместитель Л. Д. Донована, полковник Ф. З. Грей, заместитель Директора ЦРУ, генерал-майор Е. М. Стюарт, старший техник секции электронного обеспечения капрал С. Л. Рейс. 04.29.20.. г.

(...) Донован: – Когда вам пришла в голову мысль, что камера с вакуумным напылением солями ванадия и томограф могут в этом помочь?

Трапп: – Точно не помню. Наверное, года четыре назад – когда я увидел документальный фильм о динозаврах... Как там восстанавливают сгнившие миллионы лет назад мозги по оставшимся от них дыркам в черепе. Это меня поразило. Как и то, что мне рассказал Клайв об их Вакуумной камере. И, разумеется, Заключение наших экспертов.(...)

Д.: – Вы действовали по официальным каналам?

Т.: – Официально – только в начале. А потом, после расшифровки шифра, и частным образом. Через племянницу жены. Деньги – мои собственные, наличные.

Д.: – Результаты... оправдали ваши ожидания?

Т.: – Да, вполне. Как я и рассчитывал, стало различимо более 98 % текста.

Д.: – Специалисты, обслуживающие томограф, были в курсе?

Т.: – Нет, конечно. Мария рассказала им приготовленную мной байку о наследстве от деда-еврея из Германии, бежавшего от режима Третьего Рейха... (...). И, как она и я и предвидели – им было наплевать: только деньги давай.

Д.: – Значит, тогда ваша... племянница жены – она в курсе этого дела?

Т.: – Нет, разумеется, она не в курсе *всего*. Знает только, что это было связано с работой. Моей работой. Личной. Которую я делал якобы для получения учёной степени. Я сказал, что пишу диссертацию по истории этого самого Третьего Рейха.(...)

Д.: – Возникли ли у вас проблемы с расшифровкой?

Т.: – Да, значительные. Я совершенно ничего не мог ни прочесть, ни понять.

Д.: – И вы обратились к другу из шифровального отдела Уиллу Бестеру?

Т.: – Да, я принёс часть документов к нему в лабораторию. Он был рад этому – он всегда радуется новой задаче: как ребёнок – игрушке... Для него решить головоломку – вопрос принципа. И его хобби... На это я и рассчитывал, я его хорошо знаю.

Д.: – Сколько времени заняла расшифровка?

Т.: – Сама расшифровка – минут пятнадцать. Зато он почти два часа вводил вручную текст с фотокопий... Я сначала даже не поверил, но он сказал – что нет, всё верно.

Мощность, мол, даже запасного компьютера такова, что позволяет вскрывать и не такое старье, и вскрывать очень быстро. Как пример привёл ту же «Энигму» – у Тьюринга уходили часы и дни на дешифровку одного единственного приказа, а сейчас на эти шифры, причём всей текущей корреспонденции – минуты. Я сказал, что с меня причитается, и действительно, купил ему какую-то жутко дорогую старинную книгу – он собирает их, и был очень ей рад...

Д.: – Спрашивал ли он, что это за документы, и откуда они?

Т.: – Да, спрашивал, и я сказал, что они из отчётов и ведомостей поставок продовольствия и обмундирования из интендантской службы Вермахта, и, действительно, позже принёс в его отдел огромную пачку именно таких документов на расшифровку – у меня накопилось за пять лет исследований. Их ему хватило ещё на неделю... (...)

Д.: – После этого он разговаривал с вами об этих документах?

Т.: – Нет, ему было неинтересно возвращаться к уже решённым задачам... А через четыре месяца я ушёл в отставку. (...)

Д.: – Перевод текста вам сделала капитан Бриджит Ко-

вальская?

Т.: – Да, и она в том числе.

Д.: – Кто ещё и как помогал вам перевести эти документы?

Т.: – Я разделил основной текст, который, как я представлял, имеет значение, на три различных по объёму куска – три, семь и одиннадцать страниц. Первую часть переводил стажёр – курсант Келли Миллер, вторую – Бриджит, и третью – лейтенант Френк Патчер.

Д.: – Понял ли кто-нибудь из них, о чём идёт речь в... э... э... документах?

Т.: – Нет, не думаю. Бриджит переводила о пленных, и их уничтожении. Френк – список объектов из ведомости. А Келли – главное: сведения о местонахождении всего, что там было затоплено. Ему я сказал, что это связано с захоронением промышленных ядовитых отходов наших друзей по НАТО. Чтобы мы, значит, не пострадали сами. (...)

Д.: – Какую конкретную информацию вы предоставили Кейту Фингеру?

Т.: – Практически никакой. Я сказал ему, что имею карту старинного клада в Европе, которую привёз мой дедушка-еврей, когда бежал от нацистов, и предложил заключить соглашение: мои координаты, его оборудование и работа. Добычу делим – 50 на 50.

Д.: – Догадывается ли он, что речь может идти о достоянии «Третьего Рейха»?

Т.: – Возможно. Он показался мне очень хитрым, расчёт-

ливым и прожжённым. С таким держи, как говорится, ухо остро... Однако он оказался ещё и очень жадным. (...)

Д.: – Вы запретили ему звонить вам?

Т.: – Да, я всячески настаивал, чтобы он звонил только в самом крайнем случае, с чужого телефона, и разговаривал только оговорённым кодом. Он не поверил, что это так уж необходимо...

Д.: – Не могу его за это не поблагодарить!.. (...)

Ощущая мерзкий осадок в душе от того, что его буквально «вывернули наизнанку», в паузах между вопросами, и ежеминутно протирая от обильно выступающего и буквально ручьями текущего едкого и жутко вонючего пота глазницы и лоб, Вернон всё думал, думал...

Но так и не находил ответа на главный вопрос: почему он, любящий отец, ответственный и добросовестный работник с отличным послужным списком, пошёл на *это*?!

Хотел... Обогатиться?!

Или хотел, наконец, доказать окружающим, что он вовсе не такой наивный и затюканный ботаник? Подкаблучник? Или...

Он хотел доказать это самому себе?..

А самое обидное – никто его об этом так и не спросил. Так что он и сам не узнал то, что же на самом деле «считает правдой».

Документ 15.

Из директивы № 81/3 – 20.. ,от 05.02.20.. г., утверждённой и подписанной Директором ЦРУ, генерал-полковником Дугласом М. Стюартом.

(...) 5. Выделить на съёмки этого фильма сумму ... 000 тысяч долл. Переговоры с руководством «Нэшнл Биографик» начать немедленно. Задействовать для переговоров обычное прикрытие. (...) Представителем от заказчика назначить зам. нач. штаба ВМФ США, генерал-майора Гарри-са П. Карлайла.(...)

8. В обязательном порядке задействовать постоянных ведущих цикла «Затерянные Мифы», производящих все съёмки сюжетов с подводными работами: Джока Чаттертота и Майлса Норхуда. (...) Проконтролировать, чтобы в съёмках участвовал не сокращённый, а полный состав труппы документалистов, и специально оговорить это с руководством «Нэшнл Биографик». (...)

11. Срочно обеспечить возможность труппе ускорить получение всех необходимых для съёмок в данной местности документов и разрешений от центральных и местных властей Германии. (...) Начать оформление виз для труппы и всех необходимых с нашей стороны документов, действительных по крайней мере до 09.31.20.. г.

12. Срочно разработать способы, и технические средства для предотвращения появления судов, местных жителей, и туристов в районе «А» на период 06.15. – 07.31. 20 .. г.

17. Ответственным за операцию назначить второго заместителя Директора ЦРУ, генерал-майора Лайонелла К. Форда. (...)

– Мартин! Мартин! – еле слышный в неразборчивом гуле других растерянно-перепуганных голосов, хриплый шёпот застиг Мартина у шпангоута, по которому он пытался добраться до палубы над головой. Ничего не выходило: зацепиться оказалось абсолютно не за что.

Омерзительно воняло: и протухшей водой, и гниющей соломой, и немытыми потными телами... Ни лучика света не освещало внутренность единственного огромного трюма.

Мартин облизал содранные до крови ногти, чтоб поменьше болели. Придерживаясь за шершавый от старой краски металл борта, сполз на дно баржи. Ноги дрожали: *настолько* тяжёлой работой Лагерное начальство никогда их не нагружало. Вероятно потому, что рассчитывало использовать рабский труд заключённых подольше.

В-смысле, чтоб рабы пожили и поработали подольше на скудном пайке.

Слева он слышал хриплое дыхание Сергея: тот, кажется, подхватил во время перевозки воспаление лёгких. Ещё бы: все они в тоненьких рваных полосатых робах и штанах, а в кузове грузовика сквозь дыры в потрёпанном брезенте и бортах немилосердно дуло! Не помогло даже то, что все они сбились в плотный комок на дне...

Мартин нащупал руками почти невесомое и колючее до ужаса тело, лежащее на толстом слое соломы. (Хоть это им оставили!) Затем приблизил ухо ко рту, из которого вырвались хрипы и капельки слюны. Он ещё подумал: не заразиться бы! Но Сергей переключил его мысли не другую опасность. Главную. Ту, о которой шёпотом, или уже с истеричным надрывом говорили многие из заключённых:

– Мартин! Я... слышал, как что-то скребёт по борту. Снаружи. Вот здесь, прямо возле моего уха, – Мартин ощутил, как тощие пальцы схватили его кисть и прижали к днищу плоскодонной посуды, в трюме которой все они сейчас оказались заперты, – Думаю, это мина. Нашу баржу минируют... Сейчас взорвут... Да, я уверен – взорвут. Я же – сапёр всё-таки...

– Сергей, – слова чужого языка словак Мартин выговаривал с трудом, – Как думаешь, мы можем... спастись?

– Думаю, что нет, – Сергей вдохнул слишком много воздуха и снова зашёлся в кашле, – Ты же чуешь: нас буксировали... больше часа. А сейчас – мы стоим на месте. Буксир, по моему, отцепили. Мы теперь – над самым глубоким местом этого чёртова... Шильдернецзее... Люк... Заварен, кажется. Я слышал звук горелки. Сварочная горелка на ацетилене.

Но только вот что: когда заряд взорвётся, образуется большая дыра. Вот здесь, прямо подо мной! Главное в этот момент – не паниковать. И – не потерять эту самую... Дыру. Так что отползай отсюда подальше... А потом... Ну, когда взо-

рвут... Возвращайся, и попробуй вылезти наружу через... дыру! – капельки не то слюны, не то – крови снова вылетели изо рта русского. Но Мартин уже не обратил на это внимания:

– Сергей, что ты такое говоришь!.. Я и плавать-то не умею! А тут... Наверное, хлынет такой поток, что и подобраться будет невозможно!

– Да. Да. К-х-х. Первое время. Ничего, пережди. Когда давление внутри и снаружи сравняется, он сильно ослабнет... Потом – пробуй выплыть. Когда поток станет слабым. – Мартин почувствовал, как его кисть сжимают костлявые и холодные пальцы. Затем Сергей отпустил его руку, и прошипел:

– Всё! Уползай скорее! Сейчас взорвут – я чувю!

– А... Как же ты?!

– Не думай об этом. Я – всё равно не жилец! У меня уже кровохарканье. И сил нет. Попробуй хоть ты... Хоть ты – спасись! Наши друзья наци... Очень уж хотели что-то важное здесь... Похоронить. Навсегда. Не дай им!.. И об остальных – не думай! Всем в дыру всё равно не успеть – передавите друг друга в панике!..

– Ну давай я тебя хотя бы отсюда оттащу!

– Зачем?! *Так* я погибну сразу... А если буду далеко от мины, придётся тонуть... Это... Ужасная смерть. И долгая. Не хочу... мучений. Ну всё – давай, ползи, хватит болтать!..

Чувствуя, как слеза прокладывает дорожку по грязной за-

копчённой щеке, Мартин сжал на прощанье руку русского ещё раз, и уполз в кормовую часть трюма. По дороге он пару раз натыкался на ноги и тела других заключённых, всё ещё зло обсуждающих, почему их в последний раз так «шикарно» накормили. Некоторые, в голосах которых ещё звучала надежда, видели в этом залог того, что скоро их переведут обратно, в Лагерь, и будут обращаться помягче «потому что союзники прищелят немцам хвосты!»

Те, кто были настроены куда практичней, напротив, с неприкрытым цинизмом смертников уверяли, что их здесь просто «потопят, как крыс!»

Для Мартина теперь вариантов не осталось: он точно знал, что кусочек хлеба на пятьдесят грамм больше обычной пайки им дали перед смертью. Как приговорённым.

Добраться до задней переборки и сесть он не успел.

Глухо бухнуло, затем – ещё раз!

И сразу в содрогающуюся баржу шумным потоком хлынула вода!

До него донеслись вопли и проклятия! Громче всех ругался австриец Рейшнер, оказавшийся в Лагере сразу после того, как выложил своему лейтенанту, что он на самом деле думает о «превосходстве высшей Расы!»: его визгливый тенор кричал о том, что «он давно всем сказал, что им всем п...пец»!

Затем ругательства и крики отчаяния заглушил рёв и шум быстро прибывающей воды.

Прощай, Сергей! Ты был хорошим товарищем. Жаль, в их бараке никто кроме Мартина по-русски не понимал. А немецкий не успел выучить уже Сергей...

Ледяные струи уже достигали лодыжек Мартина. Он стоял и держался за шпангоут, стараясь не трястись от страха и холода. Ждал. Когда уровняется давление.

Во имя Сергея. Во имя остальных сотоварищей по мучениям. Он должен. Нет, он просто обязан выжить!..

Когда вода добралась до пояса, он почувал, что напор ослаб. Баржа явственно начала заваливаться на нос: он понял, что нужно поспешить! Похоже, скоро они пойдут на дно как «Титаник» – словно нырнувший с вышки спортсмен!..

Мартин, стараясь теперь не оказаться смытым, и пронесённым мимо спасительных дыр всё увеличивающимся потоком воды из кормы, стал пробираться к отверстиям. А навстречу ему пёрла обезумевшая и совершенно потерявшая способность соображать, орущая толпа: все инстинктивно старались сделать как раз наоборот – убраться как можно дальше от смертельных отверстий и потока воды! Крик и шум стояли оглушительный.

Мартин, стараясь образумить заключённых, заревел:
– Заткнитесь все! Слушайте! Постарайтесь вылезти наружу через дыры от мин! Это – единственный наш шанс спастись и выплыть!!!

Его даже не стали слушать: все орали: ругались, плакали, проклинали фашистов...

Мартин, упрямо лезший вперёд, сжал зубы: он сделал что мог.

Вот! Это должно быть здесь... Да, верно – вот она, дыра! Но оттуда всё ещё хлещет – будь здоров! А как закладывает уши! Давление растёт! Неужели они уже тонут?! Не прождал ли слишком долго?! Нет! Он должен!..

Мартин вдохнул в последний раз поглубже, собрал все оставшиеся силы, и стал протискиваться в дыру.

Протиснувшись же, понял: да, поздно!

Вверху темно – точно так же, как и вокруг и внизу. На голову жутко давит – они уже глубоко, на пути к далёкому илистому дну, что погребёт их тела, и следы очередного варварского преступления нацистов, навсегда!

Рядом оказался чёрный и омерзительно скользкий борт: Мартин даже не смог толком оттолкнуться! Превозмогая боль, холод и страх, он из последних сил рванулся вверх: туда, где призрачной надеждой чуть сверкала сквозь толщу равнодушной воды, дрожа, крохотная искорка... Может, звезда?! К ней, к ней!

Лёгкие горели огнём, словно их распирало изнутри... Вспомнив, что так и есть, он выпустил изо рта немного воздуха. Ртутно переливающиеся пузырьки, словно играя, поплыли вверх – туда, где призрачной надеждой дразнила Жизнь! Мартин изо всех сил старался догнать этих равнодушных посланников из ада...

Голова налилась свинцом: словно её сдавил стальной об-

руч, при каждом движении по черепу словно били копытами битюги, что разводил на их ферме отец... Но Мартин не сдавался! Что там – вытерпеть немного боли, когда речь идёт о ЖИЗНИ!!!

Судорожно гребя руками, и дёргая, словно лягушка, ногами, он ещё успел подумать, что зря в далёком и беззаботном детстве не научился.

Плавать.

Документ 16.

Из Рапорта № 19/02 от 6 марта 1945 г., составленного начальником спецподразделения «Шпандау» третьего полка СС дивизии «Райх», (...) полковником Эрихом фонРихтгоффеном.

(...) ...доложил мне о принятых для обеспечения секретности мерах. Доставка прошла в штатном порядке, в соответствии графика, без происшествий. Размещены пленные были в трюме баржи, всё оборудование из которого было заранее удалено. (...).

Далее, после того, как спецколонна грузовиков доставила «Груз Ц», пленные были непосредственно задействованы на погрузке его на баржу. Закончена погрузка была в 17-30. (...) После чего все члены Комиссии подписали документы о поступлении груза, и группенфюрер Фердинанд фонХольтц отбыл с колонной обратно в расположение штаба.

...сегодня, 6 марта 1945 г. было произведено затопле-

ние объектов, замаркированных литерой «Ц», и проходящих под общим обозначением «Груз Ц», в предусмотренном картой-схемой месте. Затопление осуществлялось с баржи «Орёл», согласно указаниям, с 02-00 по 02-30 по местному времени, после чего баржа была снята с якоря, и буксир вёл её двадцать минут в юго-восточном, и ещё сорок минут в восточном направлении, до самого глубокого места озера, располагающегося в виду самого крупного города побережья – Бедена, обозначенного на имеющейся карте-схеме. Место это было достигнуто в 03-45 (...).

В 03-55 зондеркоманда покинула означенную баржу, пересев на подошедший буксир, а команда военных ныряльщиков разместила на днище баржи две мины с таймерами. Затем буксир отошёл на безопасное расстояние, и руководитель операции, майор Густав фон Шлоссберг, проконтролировал подрыв зарядов, и затопление баржи, произошедшее в течении трёх-четырёх минут. Вся операция была завершена к 04-15. (...)

... удостоверились, что никаких демаскирующих предметов или тел не всплыло. (...)

В 06-50 прибыли в расположение (...) оба отделения, обеспечивавшие зачистку наблюдателей и свидетелей по обеим берегам от места затопления. Доложили о выполнении приказа и стояли в строю, ожидая дальнейших распоряжений. (...) ...в помещение барака столовой, после чего все они были там расстреляны зондеркомандой, укрывавшейся

до этого за задней стеной барака. (...)

По прибытии во временный лагерь (...) два отделения первой роты «Шпандау» уничтожили бойцов зондеркоманды в количестве пятнадцати человек, и её командира, майора Густава фон Шлоссберга из трофейных пистолетов «ПМ» с глушителями. В целях большей достоверности не производился контрольный выстрел в затылок. С трупов была снята вся одежда и обувь, и они были закопаны в заранее вырытом рву. Всё обмундирование было увезено на основную базу спецподразделения и сдано по описи на склад.(...)

Настоящий Рапорт передаю через спецуполномоченного г-на Рейхсмаршала, майора Зигфрида фон Баббельсберга, 6 марта 1945 г. Время – 21-15.

Хайль Гитлер!

Документ 17.

Из заключения экспертов аналитического отдела, доктора исторических наук майора О. И. Гильденбрандта и доктора исторических наук майора С. П. Райдера от 05.10. 20.. г.

(...) ...несомненно, и только в связи со спецификой деятельности этих подразделений.

Речь может идти о таких объектах, имеющих непреходящую ценность в культурно-историческом плане, и ценностях материального и информационного характера, обладающих свойствами «золотого запаса», или являющихся средствами политического давления.

В частности о:

А. Ценностях культурно-исторического характера. В частности: изъятых из музеев, архивов, библиотек и т.п. частных и государственных источников на оккупированных войсками вермахта территориях Восточной Европы: картинах, ювелирных изделиях исторического значения, древних рукописях, исторических артефактах и прочих предметах, причисляемых к культурному наследию оккупированных государств и народов. (...)

Б. Ценностях чисто материального характера, так же разграбленных с этих территорий в планомерном централизованном порядке спецуполномоченными высшего руководства СС и их командами: золоте в слитках и монетах (из хранилищ банков и т.п.), украшениях, не имеющих исторической ценности, но ценных как уникальные изделия, или просто изделия из драг. металлов: с -, или без— драгоценных камней, отдельных драг. камней, не являющихся уникальными, и поэтому не могущими быть опознанными экспертами, и прочие ценности такого плана, всегда являющиеся надёжным вложением капитала, ценность которых только возрастает со временем. Разумеется, обеспечить их сохранность и легче, чем по пп. «А»).(...)

В. Архивных материалах, носящих компрометирующий или разоблачительный характер в отношении отдельных лидеров Рейха, или других стран, или связанных с деятельностью этих лидеров, носившей противозаконный характер,

(...), списки различной законсервированной для будущей развед. деятельности агентуры, и т.п. документы. (...)

Г. Прочих предметах, носящих неизвестный пока характер, но, несомненно ценных, или представлявшихся таковыми, руководству третьего Рейха. (...)

Наиболее вероятными всё же являются предметы по пп. А и Б, в связи, как мы уже упоминали, со спецификой вышеупомянутой деятельности этих спецподразделений и команд, и положением руководства Рейха в последние месяцы войны, когда поражение являлось, фактически, неизбежным, и осознание этого факта высшим руководством СС и Рейха было однозначным, а желание спасти награбленное для возможного использования в будущем, надёжно спрятав от законных владельцев, весьма сильным. (...)

Уничтожение же компрометирующих преступную деятельность подразделений СС и высшего Руководства документов, производилось обычно совершенно другим способом, без столь строгой секретности и ликвидации исполнителей: путём банального сжигания, сброса в неиспользуемые или заброшенные шахты, и т.п.

Однако в связи со спецификой переданных на наше заключение документов, однозначно ответить на вопрос, что может содержаться в «Грузе Ц», не представляется возможным. Так как, как мы уже упоминали, конкретных обозначений объектов, составляющих его, нет. А цифры и буквы, под которыми они числятся, расшифровке не поддаются, и со-

кращениями слов не являются, следовательно, являются не шифром, а кодом, ключ к которому в переданных нам документах отсутствует, и, был, очевидно, известен только тому же высшему руководству третьего Рейха. (...)

Подписи. 05.10.20.. г.

Документ 18.

Из заключения эксперта картографического отдела, заместителя начальника отдела, майора Р. Р. Каттнера, составленного 05.11.20.. г.

(...) ...абсолютно никакого сомнения этот факт не вызывает. Исследование имеющихся в нашем распоряжении трофейных карт, используемых штабами вермахта и прочими руководящими структурами Рейха, позволяет чётко привязать указанные географические координаты к вполне определённым точкам акватории озера Шильдернецзее, действительно находившегося в указанный период ещё на территории, подконтрольной войскам Рейха. (...)

Данные, полученные со спутника HG-18/4 позволяют утверждать, что конфигурация береговой линии и объём воды в озере практически не претерпели никаких изменений с 1945 г., и обозначены на картах того времени абсолютно достоверно. (...)

Прилагаю распечатку изображения озера с прилегающей территорией, с указанием глубин, полученных по данным сканирования, и точками, указанными как места затопле-

ния «Объект 1» и «Объект 2». Так же прилагаю копию карты из нашего архива, изданную Главным Картографическим Управлением Германии в 1939 г. (...)

Документ 19.

Рапорт агента Г. Ф. Микоянца от 06.11.20.. г.
Посылка получена. Размещена согласно плана.

Документ 20.

Из статьи «Халатность администрации или проделки сердитого водяного?», опубликованной в газете города Беден «Рыбалка и туризм на Шильдернецзее», от 19.06.20.. г. Автор – Ханс Махельн.

(...) «Мы побеседовали с руководством Администрации в лице заместителя Бургомистра г. Беден, господином Фрицем Ванштюттенем. И вот что он сказал нашему корреспонденту: (цитата) – «Мы не можем нести ответственности за нарушения режима использования акватории озера Шидьдернецзее всеми самодеятельными рыбаками и туристами. Мы уже десятки раз предупреждали и письменно, плакатами, и объявлениями по местному радио, таких людей, что пренебрегая нашими Правилами, они ставят под угрозу в первую очередь – свои же жизни и здоровье!

Бюджет нашей администрации слишком ограничен, чтобы очистить от топляка, плавучего и прибрежного мусора, и сделать безопасной *всю* акваторию озера. Поэтому повторяю

ещё раз: тот, кто не желает соблюдать основные правила и границы безопасной зоны, ясно обозначенные соответствующими буйками, делает это на свой страх и риск!

Предупреждающие плакаты со всей графической и текстовой информацией имеются в обеих портах восточной стороны озера, вдоль всего побережья пляжной зоны, и аналогичные же предупреждения неоднократно озвучивались радиостанцией «Голос Бедена», и публиковались в местной прессе – и в Вашей многоуважаемой газете в том числе. (...)

Так что отказ страховых компаний в выплате компенсаций стоимости пострадавшего имущества считаю вполне обоснованным и законным. (...) Тем не менее администрация будет и дальше делать всё, что в её силах, чтобы повысить привлекательность для туризма, и безопасность отдыха в нашем гостеприимном городе, расположенном на одном из красивейших в Европе озёр. Разумеется, при условии, как я уже неоднократно повторял, соблюдения туристами утверждённых Правил и границ Зоны отдыха.» (конец цитаты).

(...) ...как видим, позиция Администрации не оставляет никакой надежды в ближайшем будущем освоить для туризма северо-западный залив озера. Хотя, необходимо отметить, что негостеприимность и непрезентабельность здешних берегов вызвана не только опасностью для судоходства и неряшливым видом нерасчищенных прибрежных лесных завалов.

Большое число упавших в воду стволов, и ещё большее –

остающихся лежащими и даже висящими среди других деревьев, создают буквально непроходимую чащу хвойных деревьев. (...) ...так и из-за того, что выделяемых бюджетом средств катастрофически не хватает, и возможность очистить ещё и территории северо-западной части акватории от топляка, и побережья – от «дикого» леса по берегам, представляется, по крайней мере, в ближайшее время, малореальной.

А отсутствие чистых и удобных пляжей, киосков с продуктами и напитками, да и вообще – сколько-нибудь существенной инфраструктуры, и прежде всего хороших подъездных дорог в этом районе, заставляет и нашу редакцию недоумевать: что же так привлекает самодеятельных рыбаков и туристов к этим довольно-таки неприглядным и опасным видам и водам? Или это – один из новых видов «экстрима», столь свойственного сейчас молодёжи, да и, как выяснилось, не только ей?

Чтобы прояснить эти и другие вопросы, ваш корреспондент побеседовал с обеими пострадавшими от неприятных проявлений протеста дикой природы против вторжения в покой «древних божеств» озера, легенды о которых ещё бытуют в некоторых... (...).

Корреспондент: – Чем же вас так привлекло это дикое место, вдали от удобных гаваней и причалов для швартовки? Ведь, как мы слышали, здесь почти нет рыбы из-за торфа?

Рупперт Эшенбах (пострадавший): – «Я живу здесь уже

семьдесят два года, и всю свою жизнь ловил, ловлю, и буду ловить там, где привык!

Что значит – нет рыбы?! Рыба там, где её ловят!..

А за мнение нашей ...аной (выпущено цензурой) администрации я и гроша ломанного не дам! А то я будто не знаю, куда у них денежки-то уходят! Не хотят мне оплатить ремонт лодки, ну и ...ен с ними! Я и сам прекрасно справлюсь, и ловить буду – где и когда хочу! У нас – свобода и демократия! Озеро – не «частная собственность» нашей ... администрации, а своими плакатиками пусть они себе (выпущено цензурой) подотрут! Тоже мне проблема – дырка в дне! Да я (выпущено цензурой) заделаю! Подумаешь, топляк! Нет такого топляка, чтобы меня испугать или заставить отказаться от рыбалки!..

К.: – Скажите, вот вы раньше упоминали, что топляк оказался какой-то странный – что вы имели в виду? Что в этом бревне было такого, что отличало его от... э-э... обычного?

Р.: – Я... Н-ну... Хм. Да, топляк, и правда, вёл себя очень странно. Я уж говорил: рыбачу тут с детства, буквально с четырёх лет (спасибо деду!), а такое в первый раз вижу!

Вот сижу, значит я, все снасти расставил, как положено. Скамейку на банку подставил – чтобы, значит, повыше быть, и видеть всё. Жду. Проходит час, поймал парочку мелочи пузатой – но всё равно не выбрасываю, чтоб, значит не шуметь... Не шуметь, говорю. И вдруг – словно взрыв! Меня как с банки-то шибанёт, я здорово затылком о планширь то-

гда треснулся... Хорошо, в кепке был. Американской, удобной такой... Уплыла теперь эта сволочь на дно, значит. Кепка, в смысле.

Но тогда я не об ушибах думал, и не о шишке на затылке.

Смотрю – прямо посередине дна лодки торчит бревно. Чёрное, здоровое... На полметра точно вам говорю, оно в лодку-то выперлось... Толщиной где-то с моё бедро будет – ну, значит, сантиметров пятнадцать то есть... А тут смотрю – оно зашаталось, зажужжало! Ну, совсем как маленький электромоторчик, такой, как в игрушечном кроссовере у внука моего, Герберта! И – шась вниз!

Я аж про удочки забыл – уплыли, значит, пока я вниз-то пялился, под дно: всё хотел увидеть, что же это за бревно такое, и куда оно делось! Но так и не увидел...

К.: – То есть, с ваших слов можно заключить, что это бревно было... э-э... «наподобие торпеды – только без боеголовки»? И, сделав своё дело, «уплыло само обратно на дно»?

Р.: – Н-ну... В-общем, да. Так и получается! Конечно, глупо думать, что у бревна могут быть свои мозги, как тут кое-кто у нас поговаривает из придурков-то местных... Однако бывают же радиоуправляемые там модели всякие – катера, самолётики для детей... Даже не знаю... Одно могу точно вам сказать: бревно было самое настоящее! С сучками, корой, и даже годовыми кольцами на торце-то переднем, обломанном. И задёргалось и ушло под воду само! А уж что жужжало – тут я на сто процентов уверен!» (...)

А теперь фрагменты из беседы нашего корреспондента со вторым потерпевшим, подвергшимся «атаке» кажется, подобного же, или – того же самого «самоходного» бревна, буквально через два дня после первого «нападения».

Сунь Кин Тянь, китайский турист: «... – просто безобразие! Я так и сказал вашему заведующему прокатом: не буду, говорю, платить за халтурную работу вашей собственной администрации! Я не для того приехал аж из Гонконга, чтобы тут меня потопило какое-то бревно, которое даже не нашли потом!.. Но винт-то оно точно разбило и погнуло – в жуткую загогулину! Да и обо что ещё так можно было так удариться на полном ходу?! (...)

Словом, иск в ваш суд я подал по поводу возмещения мне морального ущерба – так можно и заикой, знаете ли, стать! (...)

К.: – Ознакомились ли вы перед тем, как арендовать лодку, с требованиями администрации не заплывать за буйки, в связи с риском как раз вот таких случаев?

С.: – Ну, ознакомился... Ну и что? Я не считаю *это* серьёзной работой по обеспечению безопасности людей! (...) Если бы действительно заботились, огородили бы не паршивенькими буйками, которых дальше ста метров-то и не видно, а боновым ограждением, с сетями, капитально, с плакатами на этих, как их... стационарных бакенах! Тогда-то уж точно никто бы не сунулся!..» (...)

Подводя итог сказанному, приходится, как это ни печаль-

но, констатировать, что отдельные излишне самонадеянные туристы не желают считаться с многократными предупреждениями нашей уважаемой Администрации, и с достойными лучшего применения упорством и смелостью, граничащих с элементарной глупостью, продолжать нарушать границу запретного участка акватории Шильдернецзее.

...в последний раз предупреждаем: отныне будут применяться административные и уголовные наказания: Штрафы и Большие Штрафы!

Администрация имеет полное право наказывать нарушителей, подвергающих свою и чужую жизни неоправданной опасности, и подающих остальным, законопослушным гражданам и туристам, отвратительнейший пример нарушения местных законов и правил судоходства в акватории. (...)

Документ 21.

Из рапорта агента П. П. Николаеску от 06.18.20.. г.

(...) ... довольно долго не могли освоить управление. Но не потому, что барахлит механика, или что-либо в аппарате неясно – нет, всё ясно. Но из-за сильной замутнённости воды очень трудно управлять аппаратом, по причине отсутствия визуального контакта: или с самим аппаратом, когда он не на поверхности, или расшифровки изображения с камеры его обзора, когда он под водой.(...) Данные же GPS слишком долго загружаются. И не дают верного отображения местоположения в динамике (то есть – во время движения).

... хорошо напрактиковались к этому моменту. Аккумуляторы подзаряжали каждый день от генератора джипа.

(...) Приблизительно в 13-15 по местному времени он, как обычно нагло, заплыл в контролируемую нами зону.

Видя, что нарушивший расположился надолго, мы приняли решение о проведении акции устрашения. (...) Учитывая материал корпуса его лодки (прорезиненная ткань) было решено причинить минимальные повреждения, чтобы не создавать угрозы жизни, но и вывести лодку нарушителя из строя надолго, чтобы хотя бы на время лишить его возможности рыбачить в подотчётной зоне. (...)

... аппарат разогнал от самого дна, и, корректируя по данным GPS, направил точно по центру брезентового дна, так, чтобы не задеть самого пожилого мужчину. (...)

Атака оказалась весьма успешной. Незначительные трудности возникли с извлечением аппарата из пробоины. Однако на полном заднем ходу удалось благополучно вывести его снова на глубину, и затем завести в плавучий док. (...)

Нарушитель долго и громко ругался, слышно его, наверное, было и на противоположном берегу, так как голос у него зычный, а ругательств он знает много, и оказался не столько испуган, сколько разозлён. Однако никто к пострадавшему на помощь не прибыл. (...)

... но до берега добрался вполне благополучно. Здесь снял штаны и трусы, выжал их, развесил по ветвям деревьев, осмотрел лодку, спустил воздух, и позвонил кому-то по мо-

бильному. Спустя примерно час подъехал фургон «Молоко», и мужчина средних лет помог нарушителю погрузить лодку в кузов, и покинуть берег охраняемой нами зоны. (...)

... доставила куда меньше проблем, хотя корпус лодки был дюралюминиевый. Судя по поведению, целью являлся осмотр побережья с тем, чтобы выбрать место для приготовления шашлыков, несмотря на категорический приказ местной администрации не разводить костры в прибрежных лесонасаждениях. (...)

Поэтому, следуя в кильватерной струе, разогнали аппарат до максимальной скорости (около 45 узлов), прямо по поверхности воды, и затем направили его усиленный передний торец непосредственно в винт мотора. (...)

Потерпевший тоже сильно и громко реагировал – наверняка ругался. Причём не меньше, чем на трёх языках. (...) После чего вызывал подмогу по мобильному телефону.

Затем долгое время был слышан только писклявый голос его жены, которая, судя по всему, тоже ругалась, и тоже на иностранном языке (вероятнее всего, китайском), пока не прибыл буксир из порта Бедена, который и осуществил буксировку повреждённой лодки в порт приписки. (...)

После этого случаев нарушения границ охраняемого нами участка акватории не наблюдалось. (...)

Аппарат практически не пострадал, на бронированной головке остались незначительные царапины, и задиры наклеенной коры. Но всё функционирует нормально. (...)

Резолюция: Чёткость формулировок оставляет желать много лучшего, факты и действия не захронометрированы, нет точных координат мест проведения акций, и т.п.

Указать агентам на необходимость соблюдать... (...)

Подпись. (неразборчиво) 06.19.20.. г.

Документ 22.

Рапорт агента Г. Ф. Микояна от 06.22.20.. г.

Посылка получена. Размещение – согласно плана.

Документ 23.

Из рапорта куратора европейской группы (...), полковника С. П. Литбарски от 06.27.20.. г.

(...) ...слишком долго. Съёмочная группа до сих пор не прибыла на отведённую и огороженную для их работы территорию. Нанятая нашим посредником бригада обслуживающего персонала ещё к 06.24.20.. г. закончила подготовку основного лагеря и установила все служебные трейлеры и палатки. (...)

Отсутствие съёмочной группы и то, что никакие работы в лагере не проводятся, создаёт ненужные слухи среди местного населения. (...)

Число зевак и «диких» туристов, желающих поглазеть даже на пустой лагерь, постоянно растёт. (...) Крайне желательно, чтобы труппа, или хотя бы её часть, как можно скорее прибыла, и начала работу на берегу, и под водой, на своём

«объекте», согласно плану проведения работ и полученному разрешению. (...)

Документ 24.

Из отчёта руководителя операции «Наследство из Аргентины», второго заместителя директора ЦРУ, генерал-майора Лайонелла П. Форда от 06.29.20.. г.

«(...) Данные со спутника подтверждают в целом информацию, поступающую от беспилотного летательного аппарата «Предэйдор» о том, что в контролируемую группой «Р» буферную зону с тех пор практически никто не заплывает. (...)

Зато юго-восточное побережье озера, в связи с наличием подготовленных и удобных коттеджей и гостиниц, и хорошим обустройством пляжей, а так же в связи со слухами о приезде труппы документалистов из «Нэшнл Биографик», уже привлекло примерно вдвое больше людей, чем фиксируется их здесь обычно в это время сезона отпусков. (...)

Освещение предстоящих съёмок в местных СМИ только доброжелательное, что позволяет предположить, что выбранное прикрытие вполне выполняет свою задачу.

Поэтому я отдал распоряжение приступить к операции по доставке и опробованию аппарата № 2, 07.01. 20.. г. (...)

Резолюция: в случае успешных испытаний приказываю: сразу приступить непосредственно к операции. Подпись. (неразборчиво)

Документ 25.

Из отчёта агента Г. Ф. Микояна от 07.02. 20.. г.

«... испытывали значительные трудности, в связи с прошедшим накануне сильным дождём. Поэтому пришлось перенести время проведения операции с 00-30 на 03-30, чтобы грунтовая дорога хотя бы немного просохла. Тем не менее, тягач с контейнером всё равно завяз. Но так как мы были готовы и к этому, сразу подцепили его тросами к обеим внедорожникам «Тойота-лэндкрузер», и вполне успешно отбуксировали до линии уреза воды. (...)

Спуск аппарата произведён без осложнений. При попадании его в воду, и отсоединения строп, оператор сразу произвёл его погружение и уход на глубину, приступив к собственной работе, после чего аппаратель со спусковой консолью была задвинута на место, и контейнер трейлера закрыт.

Затем буксировочные тросы были переставлены, и тягач «Ман» был благополучно доставлен джипами до дороги А-56, по которой и направился к ближайшей автомойке для грузовиков в районе городка Свендибург. (...)

Следы в местах заезда полуприцепа в воду и в месте его выезда на асфальтированную поверхность дороги тщательно ликвидированы, глина с полотна асфальта смыта, свидетелей не обнаружено ни нами, ни группой «Р», ни термолокатором беспилотника, о чём доложено его оператором. (...)

Завершена операция в 04-48. (...)

После того, как следы были ликвидированы и аппарат вновь выведен в условную точку хранения, оба внедорожника и фургоны с группами обслуживания и операторами вернулись на запасную базу в районе деревни Лундец, где и предполагаем находиться до 23-00, после чего будет организован постоянный лагерь на разведанном, частично расчищенном и подготовленном, участке леса в квадрате 4-А. (...))»

Документ 26.

Из отчёта агента «Циглер», работающего в качестве официального переводчика при съёмочной труппе «Нэшнл Биогрэфик», от 12.07. 20.. г.

«(...) ... по прибытии расположились в приготовленных для них трейлерах, привели в рабочее состояние оборудование, и приступили непосредственно к работе, в соответствии с утверждённым студией планом. (микроплёнку с переснятым планом прилагаю). (...)

Погружения и все работы на суше и арендованных судах производятся только в соответствии с полученными разрешающими документами, никаких нарушений, или внештатных ситуаций замечено не было. (...)

Кроме членов постоянной съёмочной труппы, работающих непосредственно в соответствии со своими штатными обязанностями, в этом коллективе никого постороннего нет. Приглашённые германские дайверы были уведомлены зара-

нее, по официальным каналам, и являются специалистами, много лет специализирующимися как раз на глубоководных погружениях в условиях пресноводных водоёмов. (...)

Никакой специфической аппаратуры, не связанной непосредственно со съёмками и вспомогательной деятельностью, не выявлено. Нарушения режима работы и незапланированных отлучек за пределы города Беден, никто из коллектива труппы не допускал. (...)

Единственное, что несколько настораживает, это регулярное пьянство помощника режиссёра и главного осветителя, и скандалы и дисциплинарные взыскания, налагаемые директором коллектива на них за эти нарушения. (...) Впрочем, насколько удалось выяснить из неофициальных источников (...), все предыдущие подводные сюжеты снимались практически этим же составом труппы, и с теми же проблемами.

Разумеется, контакты с местными жителями и многочисленными туристами, как германскими, так и иностранными, происходят у членов съёмочной труппы достаточно часто, и через меня, и без меня, однако ни разу не было замечено ни передачи каких-либо объектов или сведений ни в том, ни в другом направлении. (...)

Интерес к съёмкам всё время растёт, особенно после интервью, которое их продюсер и Джек Чаттертот дали коммерческому каналу местного телевидения, и была опубликована большая статья, посвящённая съёмкам, в газете «Туризм и рыбалка на Шильдернецзее». С этого времени число

туристов стабильно увеличивается. Разумеется, полностью проконтролировать все контакты труппы лично – я не в состоянии. Однако с моей стороны, как я уже упоминал, ничего хоть сколько-нибудь подозрительного не замечено. (...)

... как администрацию, так и руководство труппы сильно беспокоят существенные проблемы, в связи с полной неизвестностью, чьи это тела, и кто из родственников захочет... (...) Однако, поскольку традиция вежливого и почтительного отношения к погибшим выработана опытом предыдущих работ и передач, никаких причин для претензий, по крайней мере, пока, со стороны администрации города и представителей Официального Берлина к работникам труппы нет. (...)

Интервью и беседы с местными ветеранами-старожилами проводились в соответствии с утверждённым сценарием, и только через меня. Незапланированные вопросы, естественно, задавались, но отношение они имели только в предмету съёмки, или личной жизни интервьюируемых. (...) Политики и расовых вопросов члены труппы не касались, к погибшим относились и отзывались о трагедии исключительно тактично и уважительно. (...)

В связи с этим могу высказать предположение, что информация об вполне типовых съёмках очередного сюжета для документального цикла студии «Нэшнл Биогрэфик» под названием «Затерянные мифы» вполне подтверждается. (...) Никаких дополнительных миссий или контактов у членов съёмочной труппы не зафиксировано. Подозрительных об-

стоятельств в работе не выявлено. Ничего не могу сказать с уверенностью только о телефонных переговорах членов группы, но эта задача для экспертов не нашего подразделения. (...)»

Документ 27.

Из рапорта руководителя группы «Акватика», подполковника Б. Нортонa от 07.11. 20.. г. Передано спецшифром по мобильной радиостанции в 23-56, с территории Базы 2, в запасное установленное время.

«(...) Поскольку я спецификой дайверской терминологии не владею, отчёт составлен со слов непосредственных исполнителей – операторов аппарата ст. сержанта Р. Мейстнера и капрала П. Ван Клейна. 07.11.20..г.

(...) ... не дали каких-либо существенных результатов, хотя поиск производился все восемь дней в две смены, обеими операторами, всё тёмное время суток. Днём же они вынуждены были делать перерыв на подзарядку аккумуляторов аппарата, и сон обслуживающей команды техников и охраны. Связь с группой «Р» поддерживаем постоянно. (...)

07.10. 20.. г., на глубине примерно 45-48 м., в точке с координатами (...) по GPS аппарата, было обнаружено скопление объектов явно не-природного происхождения.

При более подробном обследовании, проведённом на следующую ночь, с 22-30 до 05-30, было выявлено, что большинство объектов имеют вид стандартных двухсот-трёх-

сот-литровых металлических бочек, и металлических же ящиков с объёмом внутреннего пространства от 0,2 до 0,5 куб. метра.

Удовлетворительная сохранность и небольшое количество ила и других донных отложений на объектах объясняется, по словам Р. Мейстнера, тем, что в пресноводных водоёмах коррозия металла сильно замедлена по сравнению с морской водой, и предохраняющим воздействием слабощелочной среды, имеющей место из-за значительного содержания торфа и карбонатов в породах, слагающих береговую линию и дно озера.

А обрастание ракушками здесь невозможно в связи с отсутствием таковых. (...)

Поэтому имеется практически полная уверенность в том, что герметичность большинства объектов не нарушена. (...) Наши изыскания позволили установить, что все затопленные объекты находятся на площади не более полугектара, и расположены без определённой системы, хаотично. (...) План расположения объектов в привязке к системе GPS с их условными обозначениями и глубинами залегания прилагаю к Отчёту. (...)

(...) Так как в связи с напряжённой работой аппаратуры большая часть осветительных ламп перегорела, и запас тоже кончился, прошу срочно пополнить наш запас, иначе проведение дальнейших работ нашим аппаратом представляется крайне затруднительным в связи с работой исключительно

ночью, и замутнённости, вызванной работой винтов у дна.
(...)

Лампы марки (...). 07.11. 20.. г. (подпись)

Документ 28.

Из отчёта руководителя операции «Наследство из Аргентины», второго заместителя Директора ЦРУ, генерал-майора Лайонелла П. Форда. 07.12. 20.. г.

«(...) ...такого вполне успешного прикрытия. Работа группы намечена к завершению 07.30. 20.. г, и продлевать её сроки пока не вижу необходимости. Разумеется, если всё пойдёт в соответствии с планом.

Так же немало способствовал успешной работе подразделения «Акватика» тот факт, что озеро имеет ярко выраженную «Г» – образную форму, и все работы производились и будут производиться в малонаселённом, и с берегами, покрытыми диким, густым природным лесом, коротком «плече» его акватории. Вырубка или другое использование лесов, окружающих это побережье, нерентабельны, местное население заходит сюда редко, поэтому решение расположить рабочий лагерь здесь, в чаще «дикого» леса, вполне оправдало себя.

Суда, базирующиеся в портах на юго-восточной стороне озера, благодаря принятым администрацией мерам, в это «плечо» озера практически не заплывают. Так что разработки аналитического отдела оказались верны. (...) Укомплек-

товываю поэтому группу «Р» ещё тремя членами, чтобы наладить нормальные круглосуточные дежурства. (...)

Поскольку первая и вторая стадии плана успешно завершены, я отдал приказ приступить непосредственно к третьей стадии. Оборудование и команда специалистов уже на месте. (...) При условии хорошей погоды и исправности оборудования, рассчитываем завершить операцию на озере к 07.25.20.. г. Судно для вывоза прибудет в порт Гамбурга к 07.24. 20.. г. Все необходимые документы подготовлены. (...)» (подпись)

Они ещё не вошли в Комиссариат, а младший лейтенант Гюнтер Браун уже понял – сейчас у него будут проблемы!

Когда перед крыльцом остановилась, резко затормозив, машина, он по звуку мотора узнал: арендованная в Бедене «Ауди-кваттро». Значит, туристы, будь они неладны. Ну правильно: а кто же ещё?! Местные-то никогда... Или почти никогда – проблем не создают.

Визгливый голос женщины, что-то ожесточённо доказывающей спутнику на английском, иногда срывался на крик, переместился от машины к порогу, и к двери Комиссариата.

Дверь распахнулась, и они предстали перед ним: двое толстозадых носорогоподобных пенсионеров, явно отрастивших своё главное достоинство, еле помещавшееся в немыслимой расцветки бермуды, уж точно с помощью заокеанских гамбургеров и хот-догов... Консервы-очки в поллица женщины тоже сразу о многом сказали ему. Американцы.

Браун не любил американских туристов – они отличались наглостью, глупостью, пренебрежением к Правилам, и жутко любили качать права.

Дополнял нехитрый наряд туристов огромный фотоаппарат, болтавшийся на шее мужчины, шлёпанцы на босу ногу, и шляпы-панамы (ну, как же без них!). На старушке была надета, причём, похоже, с большим трудом, так, что буквально трещали швы, цветастая кофточка. На мужчине оказалась белая майка-футболка.

Правда, приглядевшись внимательней позже, лейтенант заметил, что майка вовсе не такая уж белая: всю её покрывали пятна пота, и местная коричневая грязь тоже явно внесла свою лепту в рисунок с интересными разводами, украшавший сейчас немаленькое пространство груди. Или, правильнее, обширный живот, торчавший вперёд почти на полфута.

Но рассмотреть докучливых посетителей подробней лейтенанту Брауну удалось куда позже – уже когда пофыркивающая от переполнявших её эмоций женщина сидела за единственным в приёмной столом, и писала, поминутно советуясь с мужем. А пока же она вылила на молча стоявшего лейтенанта море возмущённых возгласов, пожеланий и вопросов:

– Это Комиссариат?! А вы кто? Комиссар?! Вы-ы?! Хмм... Ладно, шут с вами.

Ну так вот, я хочу сделать официальное – слышите вы, комиссар, официальное, говорю! – заявление! Да! Никогда ещё

ни в одной приличной стране мира меня так не пугали! Да нас попросту могло убить! Вы куда тут все смотрите, мне интересно, бездельники праздноморгающие?! Безобразие, говорю, какое: мирному пожилому туристу, честно проработавшему всю сознательную жизнь, можно сказать, все силы отдавшему для процветания экономики и культуры своей страны, уж и отдохнуть нельзя спокойно! Съездить, говорю, расслабиться, осмотреть ваши чёртовы «достопримечательности»!.. – она перевела дух, сняв панаму, и откинув с потного лба жиденькие бесцветные волосики. Но когда лейтенант было попробовал вставить хоть слово, поток полился дальше:

– Это же вы пишете в своих дурацких – да, дурацких! – это я вот только теперь поняла, что в них ни капли правды нет! – проспектиках, что «величественные картины суровой северной природы навечно запечатлеются в вашей!..» Ну и так далее. А что выходит?!.. Выходит-то что, говорю?!..

– Одну минуту, уважаемая фрау, – Браун снова было попытался приостановить изливающийся фонтан неконструктивной болтовни, – С вами что-то случилось?

– Случилось?! СЛУЧИЛОСЬ?! Он ещё спрашивает! Да уж конечно, случилось – иначе какого чёрта мы потащились бы в этот ваш дурацкий Комиссариат, и я бы тут распиналась! – женщина замолчала, задохнувшись от переполнявших её эмоций, и схватилась за обширную грудь неопределённого, но никак не меньше седьмого, размера, – Случи-

лось! Это ж надо!..

Мужчина поспешил воспользоваться случайной паузой, чтобы прояснить ситуацию. По-немецки он говорил куда лучше:

– Мы сегодня гуляли в лесу, возле... – он объяснил, в какой части северо-западного побережья достопочтенная пара решила «насладиться» прелестям экзотического сурового леса и озера, женщина в это время обмахивалась панамой, иногда всплёскивая руками, и подводя глаза к потолку, – И буквально чуть не были убиты! Да, мы подверглись жестокой, и ничем не спровоцированной, *атаке*! Ещё чуть-чуть, и вам бы пришлось расследовать дело о зверской расправе с беззащитными пенсионерами! Ну, конечно, если б кто-то нашёл бы наши трупы...

Женщина воспользовалась тем, что говорит муж, чтобы демонстративно достать из сумочки – больше похожей, честно говоря, на настоящий баул! – трубочку с таблетками, и одну сунуть в рот. Говорить ей это, впрочем, нисколько не помешало:

– Вот именно, Кевин! Вот именно! Расправа! Кто-то очень хотел, чтобы мы прямо там, на месте, и окочурились! Не на таких напали! Мы никому не позволим, говорю, безнаказанно сидеть там, и убивать беззащитных туристов, которых ваша администрация имеет глупость приглашать сюда, даже не проверив безопасность лесов и берегов! И не предупреждая! Вот я и говорю – почему у вас там нет никакого поста, или

хотя бы плаката с надписью – «Не подходить! Опасная Зона!».

– Прошу вас, достопочтенная фрау, не так быстро! Объясните же, что в конце-концов, произошло? – лейтенантправлял воротник, стараясь ослабить галстук, и успокоиться. Пот, как он чувствовал, покрывал уже весь лоб и ладони...

«Фрау» открыла рот. Потом снова его закрыла. И открыла снова:

– Кевин! Ты слышишь?! Вот недаром нам говорили, что здешние полицейские туповатые педанты, всё-то у них – «по Уставу», и работать они как положено не хотят! А я-то не верила, пока лично!..

– Фрау! Я попросил бы вас!.. Если не прекратите разговаривать в таком же духе, я вынужден буду задержать вас, и отправить в камеру, за оскорбление полицейского при исполнении! – Браун чувствовал, что лицо пошло красными пятнами, но уж на прямые оскорбления его профессии он знал, что ответить!

Честь Полиции, пусть и провинциальной – превыше всего!

– ЧТО?! Вы хотите посадить *нас*?! За те безобразия, которые здесь происходят, вы хотите арестовать НАС?!?! – фрау не придумала ничего лучше, чем плюхнуться на казённую скамейку, и начать хлопать широко открытыми глазами, воздевая руки к небу не то в мольбе к этим самым небесам, чтобы вставили мозги в голову комиссара, не то – в неописуе-

мом возмущении. Комиссару удалось опередить очередной поток словоизвержения:

– Да послушайте же, уважаемая фрау! Вы врываетесь сюда с криками и обвинениями. Вы начинаете оскорблять полицию, утверждая, что она ничего не делает. Но как же, чёрт его возьми, я могу что-то сделать, если вы ещё ни слова не сказали О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?!?! – лейтенант и сам задыхался, достав, наконец, платок, и вытерев лоб и шею.

Ситуацию спас мужчина.

Он засмеялся.

Потом, когда две пары недоумевающих глаз обратились к нему, сказал:

– Майра, помолчи-ка. Господин Комиссар совершенно прав! О сути дела ты не сказала ни слова! А сыпать оскорблениями и беспочвенными обвинениями, действительно – не дело! Нет, молчи! Ты уж всё сказала, а теперь будет лучше, если послушаешь. А когда я закончу – поправишь. – он поднял загорелую и ещё крепкую руку с татуировкой, и грозно посмотрел в глаза женщины. После этого рот его супруги действительно оказывался открытым только для прерывистого и шумного дыхания.

Но в рассказ мужа она после этого и правда не вмешивалась.

Лейтенант почувствовал, что может перевести дух.

– Позавчера мы на нашей машине точно так же ездили самостоятельно по побережью. Искали, где бы пофотографи-

ровать видов живописней. И познакомились с одним местным лесничим. Его зовут Отто. Отто Шлезингер, кажется.

Ну, знакомство затянулось за полночь, и было вполне... приятным.

И вчера вечером, когда Отто несколько... расслабился, он и рассказал нам – по большому секрету, разумеется – что здесь, буквально в двух шагах от его деревеньки, базируются настоящие НЛО... – далее последовал вполне чёткий и обстоятельный рассказ о походе в указанную местность сегодня утром, и произведённом на них «нападении».

Вернее, нападения как такового не было. Но то, что внезапно у обоих пенсионеров прихватило сердце, напал беспричинный страх, и даже ужас, несомненно: всё это испытали оба. А напоследок их даже словно бы ударило невидимой волной, отбросив за пределы некоей невидимой границы «охраняемой Зоны»!..

Но поскольку нитроглицерин и эринит оказались под рукой, им удалось выжить, и даже оперативно добраться до той самой деревни, где живёт означенный Отто, и выяснить, что полиции в этой деревеньке нет. Как нет на месте и самого Отто. Вот они и направились сюда, к господину лейтенанту.

Почесав в затылке (для чего пришлось снять фуражку), лейтенант решил уладить дело традиционным способом. То есть, поскольку жертв не оказалось, обо всём нужно просто составить Рапорт, послать его по инстанции, после чего честно выполнить то, что «умное» начальство прикажет.

Так что он посадил отдувающуюся и помогающую себе языком, периодически облизывающим губы, и прикусываемым белыми и ровными (явно – не своими!) зубами, фрау писать Заявление на имя главного Комиссара. А сам, чтобы прояснить ситуацию для уже своего Рапорта, вывел уже посмеивавшегося супруга на улицу, где и попросил рассказать подробней – что и как.

Однако особого доверия к «большому секрету», да ещё «лесничего», он не питал, поскольку знал этого самого Отто как облупленного.

Особенно широко известно было сильное пристрастие последнего к горячительным и крепким напиткам, отменное воображение, и место работы: ночным сторожем на парковке у гостиницы «Жемчужина Шильдернецзее» города Беден, дежурства на которой проходили через три ночи на четвёртую. А как известно, ничто лучше не стимулирует это самое воображение, чем одиночество, масса свободного времени, и бьющие в голову пары всё тех же напитков...

И поскольку лейтенант питал ещё и нерушимое убеждение, что его Комиссариат стоит на самом богом забытом, скучном, и тоскливом побережье, где никогда ничего не происходит, и даже птички чирикают с ленцой, съездить «проверить» сигнал» он даже и не подумал.

Документ 29.

Из рапорта начальника комиссариата полиции посёлка

Штрепбург, младшего лейтенанта Г. Д. Брауна от 23.07. 20.. г. Протокол допроса потерпевших К. С. Моммерта и М. Д. Моммерт, туристов из США.

«(...) ... являются пенсионерами, постоянно проживающими на территории, и имеющими гражданство США. (...) Означенные потерпевшие, несмотря на сильный шок, и болевые ощущения, смогли, однако, самостоятельно добраться до своей машины, принять ещё таблетки нитроглицерина и эринита, имевшихся в аптечке их машины, и спустя 15 минут добраться до села Вессельстаг. Где местные жители Т. Нойерсбахер и Б. Штюхерт и указали им место расположения ближайшего Комиссариата, т.к. в их селе отделения полиции нет.

Осмотр потерпевших вызванным местным терапевтом У. Тиценмейером не выявил никаких наружных травм, за исключением небольшого покраснения поверхности кожи в области лиц, шеи и рук потерпевших из-за значительного числа лопнувших капиллярных сосудов. (...) Судить о нанесении им внутренних травм однозначно всё же возможности нет, в связи с отсутствием в распоряжении нашего участка и местной больницы соответствующей диагностической аппаратуры. (...)

Оба пострадавших размещены в дежурной палате больницы под непосредственным наблюдением доктора У. Тиценмейера. (...)

Рассказ потерпевших о воздействии на них оружием и из-

лучением инопланетян ничем, кроме их слов, не подтверждается, других свидетелей происшествия не имеется.»

Документ 30.

Из отчёта капрала В. Гудхоупа об инциденте, произошедшем 07.23. 20.. г., в 11-35 на охраняемом им участке.

«(...) ... конечно, выглядели как безобидные отдыхающие пенсионеры. Причём – судя по-всему, наши же, американские. Однако они не бесцельно гуляли по лесу, а явно целенаправленно двигались в запретную зону, с какими-то определёнными намерениями! (...)

... спокойно пересекли, хотя нет сомнения в том, что излучатели работали.

После того, как они преодолели зону действия этих устройств, я понял, что у них есть определённо точное стремление пройти в охраняемую мной зону. В связи с этим, когда они достигли зоны поражения, я задействовал портативный прибор излучения МВИ, узконаправленным лучом малой мощности, учитывая их преклонный возраст.

Длительность облучения составила не более 1 – 1,5 сек. (...)

Мужчина сразу остановился, схватившись за грудь, женщина закричала, раскинув руки, затем упала, очевидно, поскользнувшись на мху, но довольно быстро вскочила.

Мужчина к этому времени достал что-то из кармана пиджака, и сунул в рот. Потом что-то из его руки сунула в рот

и женщина (предполагаю, что это нитроглицерин, или другое сердечное лекарство). После чего оба, всё время оглядываясь на кусты, в которых находилась моя позиция, удалились в том направлении, откуда пришли, и через 7-8 минут я услышал звук двигателя удаляющейся машины. Мощность его мотора явно не превышала 100 л.с., следовательно, это был, скорее всего, обычный легковой автомобиль.

После этого происшествий не было. Амперметр показал потерю заряда аккумулятора на 0,05 ампер, что допустимо для дальнейшей работы устройства без подзарядки.»

Документ 31.

Из отчёта о работе подразделения «Фрайбургский гольф-клуб» подполковника Р. Д. Вудстока от 07.26. 20.. г.

«(...)... как уже упоминал, приступили поэтому непосредственно по получении приказа, 07.11.20.. г. (...) Место для лагеря выбрано вполне удачно, завалы из поваленных стволов, и подлесок частично удалены. (...) Съезд к воде обустроен хорошо.

В связи с хорошей погодой доставка и спуск на воду обеих мини-подлодок прошли без осложнений. (...)

Сразу было выставлено оцепление в радиусе 1 – 1,2 км. По периметру охраняемой зоны были расставлены 23 излучателя НЧИ, так, чтобы радиусы их действия перекрывались. (...) От центра лагеря (т.е. от точки съезда в акваторию трейлеров) в направлении наиболее угрожаемых мест подхода

были направлены наряды с портативными излучателями типа «Пума-50», аккумуляторы которых позволяют автономно использовать их не менее 20 суток, и отгонять случайных посетителей без причинения им серьёзных травм и повреждений. (...)

Беспилотный аппарат был поднят до 12 км, чтобы охватить несколько большую территорию, для, соответственно, более раннего оповещения. Время дежурства беспилотных аппаратов задано по 24 часа, так, что смена оператора составляет за сутки 8 часов. Задействованы посменно 2 аппарата – чтобы у техников на Базе Рейнсбрюге было не менее 23 час. на тех. обслуживание каждого аппарата, так как расчётное время подлёта с их аэродрома базы «Кайзерслаутен» составляет не более 25 минут. (...)

Фургоны операторов, палатка подразделения и оставленные в лагере автосредства отряда были надёжно замаскированы масксетями, и найденными и срубленными на месте сосновыми и еловыми ветвями, и отдельными небольшими деревьями, так, что ни с берега, ни со стороны дороги ничего не заметно. (...)

Не допускается никаких следов дыма от приготовления пищи, или курения. (...)

(...) Аппарат подразделения «Акватика» и весь его персонал погружены в полуприцеп их грузовика «Ман», и вывезены на основную базу в 23-30,07.12. 20.. г.

Следы проезда грузовиков и прочих машин тщательно

ликвидированы, место въезда на грунтовую дорогу в 400 м. от дороги А-56 перекрыт срубленными деревьями толщиной не менее 25 см., так, чтобы 1-2 человека не смогли бы убрать их без спецсредств типа бензопил.

Индивидуальными масксетями были прикрыты и все объекты лагеря. (...)

После опробования работы аппаратов, операторы подлодок приступили непосредственно к выполнению запланированных работ. (...) ...незначительный ремонт аппарата № 4.

Согласно докладам операторов подлодок Т. Г. Малковитца и Н. Р. Леонарда, видимость вполне удовлетворительная. При захвате объектов манипуляторами, и подъёме их со дна, происходит, разумеется, повышение мутности окружающей воды. Но хорошее освещение позволяет продолжать работу по подъёму и транспортировке объектов, а двадцатичасовой перерыв между сменами позволяет илу практически осесть на дно перед следующим сеансом подъёма.

Плаучесть объектов, к счастью такова, что вполне позволяет транспортировать их без каких-либо затруднений. Однако в силу конструктивных особенностей наших аппаратов они не могут приблизиться к берегу ближе, чем до глубины воды в 2,3-2,5 м., застревая днищем в вязком иле и почве дна.

Поэтому был принят вариант Б: аппараты расставляют поднятые объекты в ряд, на дне пологого участка дна озера у места спуска аппаратов, или правее, где деревья достаточно

близко стоят у кромки воды, и обеспечивают хорошую маскировку сверху. Далее же производится выемка объектов из воды вручную, группой аквалангистов. (...)

Работа аквалангистов сильно затрудняется тем, что при выносе объектов из воды, они приобретают свой полный вес, согласно закона Архимеда, а слой вязкого ила и грунта на дне имеет толщину не менее 20-30 см, поэтому вода в месте установки объектов операторами подлодок сильно взмучена, и приходится использовать металлоискатели для обнаружения, и мощные фонари при транспортировке.

Сама транспортировка объектов на семьдесят-восемьдесят метров до подготовленного укрытия достаточно сложна из-за их значительного веса. Поэтому пришлось пойти на определённый риск, и задействовать на доставке к укрытию оба джипа «Тойота». (...)

На второй день работ выработали приемлемую схему проведения работ: за время с 21-30 по 02-30 операторы подлодок доставляют на мелководье к берегу 12-15 объектов, а с 01-30 до 04-30, т.е. всю оставшуюся тёмную часть ночи, аквалангисты выносят объекты с мелководья на берег, грузят по очереди на внедорожники, перевозят в укрытие, и сгружают там. При таком режиме работы имеют возможность нормально отдохнуть днём и операторы лодок, и аквалангисты. При этом график работ выдерживается в соответствии с планом, и нет риска поранить аквалангистов манипуляторами в мутной воде, как имело место с третьим объектом. (...)

Связь с дежурными нарядами поддерживаем постоянно, происшествий нет. (...)

...затруднило поиск. Поэтому работы были закончены не 25-го, как было определено планом, а только 26-го. (...) Все четыре полуприцепа, по одному заезжая на просёлок, были загружены за 7 часов, с 21-00 до 04-00, и благополучно вывезли весь состав подразделения, обе миниподлодки, и все найденные и поднятые объекты.

Группа прикрытия покинула место проведения операции, только тщательно ликвидировав все следы пребывания, проследив за работой поливомоечной цистерны, и забрав группу «Р» со всем её оборудованием, только в 11-30. Все грузовики и поливомоечная цистерна находятся в ангарах Базы 2, группа «Р» и группа прикрытия с джипами находятся на Базе 1.

(...) После смены регистрационных номеров и суточного отдыха объекты-контейнеры были без происшествий доставлены в грузовой порт Гамбурга, где 29-го, до полудня, были погружены на контейнеровоз «Фукумару», отплывающий в 22-30, 07.29.20.. г.

Сопроводительные документы прибыли вовремя, и проблем на таможне не было.

Документ 32.

Из рапорта комиссара полиции г. Беден, лейтенанта Н. С. Потоцки, 27.07. 20 ..г.

(...) ... пришлось обходить все окрестные питейные заведения, поэтому и прибыл этот рапорт только вчера, 26-го.

(...) ... страдал ярко выраженным «похмельным синдромом», однако, по его уверениям, «честь родного города ему дороже». (...)

Согласно рапорта лейтенанта Г. Брауна, «на бутылку» (правильней сказать – на три), ему дали те самые туристы, которым он ещё двадцать второго рассказал об увиденных им в водах озера столбах света, которые «танцевали и сплетались, как фонтаны в Лас-Вегасе».

Больше ничего существенного об этом явлении он вспомнить не может, разве что отмечает странное чувство неуверенности и беспричинного страха, которое «навалилось» на него, когда он пробовал подобраться поближе. (...)

Согласно его показаниям, никаких «человечков в чёрном» он не видел, и потерпевшие К. С и М. Д. Моммерт явно исказили в этом пункте его рассказ, и оклеветали – он «деньги за информацию не требовал!». (...)

Начальнику комиссариата г. Матребург, младшему лейтенанту Г. Д. Брауну, поставлено на вид за халатное отношение к своим служебным обязанностям, и за несвоевременную подачу рапорта. (...)

Проверка местности, где согласно показаниям потерпевших К. С. Моммерта и М. Д. Моммерт на них произошло нападение НЛЮ, показала, что в лесу, возле спуска грунтовой дороги к кромке воды имеются размытые следы от проезда

грузовика, или грузовиков, ряд участков с примятой травой, и с отверстиями в земле от колышков палаток, и другими следами длительного пребывания большой группы людей в течении по меньшей мере недели.

Однако в связи с прошедшими недавно дождями точно сказать, сколько было людей, и какой характер носила их деятельность, не представляется возможным. (...)

Разумеется, никаких следов неизвестных «боевых» устройств, или воздействия на местность и членов проверяющей группы, «лучей смерти», не обнаружено, как не обнаружено и никаких «НЛО».

Поскольку не представляется возможным, чтоб прибрежной полосе озера или его акватории был нанесён существенный ущерб, считаю, что расследование инцидента на этом можно прекратить.

27.07.20.. г. (подпись)

Документ 41.

Из приказа № 21/05.от 20.. г. заместителя начальника отдела «К» секции внешней разведки АНБ полковника М. С. Бирюкова от 04.05. 20.. г.

(...) Приказываю: начать проработку перечисленных выше направлений как в агентурном плане, так и через сбор информации из всемирной сети интернет, и путём дешифровки и декодировки изображений, передаваемых этими БЛА (беспилотниками), спутниками, и мобильными устройства-

ми связи всех означенных фигурантов.

Документ 42.

Из рапорта руководителя операции «Гавайский гольф-клуб», подполковника отдела «К», секции внешней разведки АНБ России, А. Д. Шишкина, начальнику департамента, генерал-лейтенанту П. Д. Патрушевскому от 01.06. 20.. г.

(...) ...действительно, из всех доступных и недоступных источников. Несмотря на крайне высокую степень их защиты, пока не обнаружено наше проникновение. (...)

Поэтому деньги и время, потраченные на оплату их труда, и эти новейшие процессоры и др. оборудование, столь долго отлаживаемое и программируемое, вполне окупилась.

3. Считаю необходимым разрешить выдать им обеим сверхурочные, в связи с оперативностью и действительно огромной ценностью полученной информации, в размере пяти окладов каждому (...) и для поощрения в дальнейшей работе. (...)

4. Важность полученных сведений трудно переоценить, поскольку именно они явятся в ближайшее время факторами, определяющими действия этого ведомства по добыче и перевозке на безопасную (вероятней всего, самих США) территорию, артефактов, затопленных в этом озере. (...). Нет сомнения, что всё, связанное с проектом, тщательно засекретят, чтобы избежать осложнений с партнёрами по НАДО. (...)

5. Информация, поступившая от полевого агента «Кнайф» весьма успешно дополняет полученную ТомБоем и Перехватчиком, и из других источников. (...) Донесение полевого агента привожу в приложении 1. (...)

Считаю необходимым для проведения оперативной работы непосредственно на месте задействовать четверых агентов: 1. «Кнайф» – непосредственное наблюдение на месте работ в озере (...), 2. «Ангела» – для наблюдения за трупной документалистов и агентами Германской разведки в г. Беден, 3. «Гладстон» – для обеспечения материальной базы агента «Кнайф» и оперативного прикрытия (...) 4. «Рупперт» – для страховки Гладстона и Ангелы.(...)

6. Считаю также необходимым и в дальнейшем каждые 20-25 дней извлекать с помощью вышеназванной программы и размещённого в здании замаскированного импульсного передатчика, сведения об этой крайне важной операции из архивов ЦРУ. Причём особый упор сделать на обеспечение секретности оперативных мероприятий. (...)

Всю важность результатов операции «Наследство из Аргентины» пока просто невозможно себе представить, так же как и последствия, которые может повлечь за собой её рассекречивание. (...)

...могут представлять из себя мощнейшее средство политического давления в критический момент. То есть, в настоящее время пока и мы в этом *не* заинтересованы!

Резолюция: Не возражаю. (подпись).

Документ 44.

Из донесений агента «Кнаиф» от 12.05 – 28.07. 20.. г.

(...) ... и вполне благополучно прошёл все необходимые процедуры на таможене.

Машину арендовал на два месяца, квитанцию прилагаю. После трёх часов езды, без происшествий добрался до места. (...) Остановился в мотеле «У Георга». (...) 12.05. 20.. г.

(...) Первые двадцать дней за моими действиями и контактами вполне заинтересованно, и даже почти не скрываясь, наблюдали двое сотрудников германской разведки. Они же оборудовали мой номер в мотеле как минимум тремя микрофонами и двумя мини-камерами.

Значит, есть ещё по крайней мере двое, осуществляющих посменное видеонаблюдение. (...) То, что их действия столь небрежны, меня вполне устраивает.

Чтобы уж не разочаровывать их ожидания, пришлось вступить в более тесные (интимные) отношения с сотрудницей мотеля, находящейся в состоянии развода, кастеляншей Мартой Галлахер, с которой я и проводил почти все последующие после 20.05 ночи. (...)

Хочется верить, что чётровы агенты-наблюдатели оказались не разочарованы! (...)

...заметил, что наружное наблюдение ведётся всё «ленивей», и очевидно, отчёт обо мне уже составлен, отправлен по инстанциям, и ожидается только ответ – продолжать ли

слежку, или со мной «всё ясно». (...)

Наконец 04.06. совершенно однозначно выяснил, что сотрудники разведки отбыли, и всякое наблюдение с меня, кроме прослушки и камер, снято. Ещё два дня ждал, для страховки, разыгрывая сцены «семейных разборок» с обнаглевшей до того, что собралась «ради меня» бросить работу, и приехать в мой «родной» Лихтенштейн, кладовщицей-кастеляншей, и постоянно напоминал о конце отпуска. (...)

Женщина она крепкая, «потребность а этом деле» у неё почти постоянно, и она совершенно меня вымотала, как физически, так и морально! (...)

... пришли, наконец, к консенсусу, договорившись о том, что все отпуска буду проводить с ней. Только после этого смог, наконец, распоряжаться своим временем спокойно.

... согласен, наша связь оказалась бесполезной в смысле получения новой информации, но в плане отведения от меня подозрений – сработала: в этом сомнений нет.

К операции приступаю завтра.

... на запасном пункте. Всю одежду снял, засунул в металлический контейнер, и закопал там же. Переоделся в спец-одежду из контейнера. До основного пункта «Ю» добрался без происшествий, пешком, за три часа. (...)

Оборудование забрал без проблем, в соответствии с планом. 07.06 прибыл в расчётную точку «Ф», где, согласно инструкциям, охват воздушными средствами наблюдения противника ещё невозможен. (...)

После того, как оставил на условленном месте машину, надел сверху прямо на одежду спецкомбинезон. Спецплащ с капюшоном оказался великоват, но довольно удобен. Рюкзак с оборудованием завернул в термофольгу и термопленку. Вес рюкзака получился не менее 35 кг. После «освежающих сеансов» с кастеляншей нести оказалось тяжело. (...)

...по ужасному бурелому, да ещё ночью, и заняло не менее 6 часов.

Могу сказать только одно: разработчиков всей этой амуниции нужно просто расстрелять, чтоб другим неповадно было! В жизни я так не парился! Алюминиевая, и ещё какие-то там термопрокладки совершенно не проветриваются, приходилось всё время снимать этот чёртов прибор ночного видения, и протирать линзы и лицо, а про одежду я уже не говорю: она вымокла насквозь уже через пару часов такого движения. (...)

Теперь, когда я на позиции, и переоделся в сухое, повесив над окопом термотент, конечно, не так зол... Но одно точно: не каждый выдержит такие пытки! И это может стать проблемой для тех, кто будет использовать такое оборудование и одежду на других заданиях, особенно летом. Или в тёплых странах. (...)

Добрался до расчётного пункта наблюдения к рассвету, на оборудование постоянной позиции со всеми аксессуарами, и маскировкой, и тент из термо-плёнок, ушло полтора часа.

Затем, по возможности, разместился с удобствами и пере-

оделся во второй запасной комплект нижнего белья. (Вот уж спасибо тому, кто об этом подумал!) Приступил непосредственно к наблюдению. (...)

Весь день на объекте наблюдения царило затишье, чему немало удивился: вводная предупреждала как раз об обратном! Но движение и активная деятельность начинались только в часы приёма пищи – в 8,13 и 19 часов. (...) Всего их насчитал не более девяти человек.

Машины у них отличные – два джипа «Тойота-лэндкрузер», явно с форсированными движками и спецбаллонами: такие по любой грязи проедут без проблем. Сталкивался во время одного из предыдущих заданий. (...) Фургон, в котором размещаются три невысоких мужика с бледно-зелёными (ха-ха!) лицами, (явно операторы каких-то дистанционно управляемых аппаратов) – Мерседесовский, проходимость его на таком грунте будет достаточной только при условии отсутствия дождей. (...)

Питаются, судя по запаху (несколько раз ветром доносило), консервированным беконом с бобами, жареной курицей, и другими консервами. Открытого огня никогда не разводят. И никогда не курят. (...)

Наконец, в 21-05 началось явно целенаправленная активная деятельность, связанная с озером, и непосредственная работа по проведению операции. Впрочем, могу ошибаться, и это был просто плановый техосмотр и подзарядка аккумуляторов. Качество изображения этого прибора ночного ви-

дения хорошее, и если бы не он, вообще ничего разглядеть было бы невозможно: темень тут, особенно под очень плотными кронами хвойных деревьев, такая, что хоть глаз выколи. (...)

Четверо бугаёв, одетых только в плавки, залезли в воду, с видимыми усилиями подтащили поближе к берегу (но из воды вынесли не полностью) какой-то достаточно громоздкий аппарат, совершенно однозначно предназначенный для производства каких-то подводно-поисковых работ на дне озера. (...)

... сильно сомневаюсь, что именно его используют для подъёма основных объектов поиска, так как он слишком мал! И для работы с любыми объектами, крупнее автомобильного аккумулятора он явно не пригоден: слишком малы манипуляторы, и его собственный размер: не более, чем метр на метр на полтора. (...)

Ещё двое в плавках подтащили с берега какой-то, скорее всего, судя по покрытию, силовой кабель, и подсоединили к аппарату, после чего один из джипов завёл мотор – вероятно, чтобы с помощью генератора подзарядить аккумуляторы подводного устройства. Остальные четверо в это время что-то делали руками с размещёнными по периметру кожухами – возможно, меняли перегоревшие лампы прожекторов. (...)

Техобслуживание аппарата закончилось в 22-30, после чего он включил и быстро выключил какой-то двигатель: брызги воды полетели метров на семь-восемь. Очевидно, вполне

этим удовлетворившись, четверо в плавках снова затащили его на глубину, стараясь действовать тихо и аккуратно. (Слышимость здесь поразительная – особенно ночью! Малейший плеск, или любой другой звук – звонко и наверняка далеко разносится над озером. Не знаю, чем это объясняется, но сам я буквально сморкнуться боялся.

После этого все они выбрались на берег, а аппарат скрылся в направлении центра залива, и ещё секунд двадцать я видел слабое зарево от его включённых прожекторов.

После этого ни операторы, ни остальные члены команды не появлялись в поле моего зрения до 04-30, когда один из людей в плавках снова залез в воду, проплыл немного влево. Остановился примерно в 10 метрах от берега, и сделал рукой жест, значивший, насколько я понял, что всё в порядке, и аппарат там.

Возможно, они поставили аппарат на место дневного базирования. (...) И точно – на следующую ночь именно из этого места аппарат извлекли снова, и подтащили для очередной подзарядки и обслуживания. (...)

... страшно устал, поэтому до 19-30 просто отсыпался. Ночь прошла так же. (...)

На следующее утро, 10-го, примерно в 05-35 (то есть, когда уже было довольно светло), все десять человек были на берегу. Трое операторов, судя по их жестам, руководили, а семеро в плавках, кряхтя и тихо ругаясь, вытащили аппарат на берег, что-то от него (кажется, полозья) отсоединили, и

унесли их и аппарат дальше вглубь леса. Там под прикрытием деревьев и масксетей трое принялись его разбирать. (...)

К 06-55 аппарат уложили в три ящика, размерами примерно с небольшие холодильники, которые были размещены в кузове одного из внедорожников. (...)

После этого практически вся деятельность в лагере замерла – выходили только в часы приёма пищи, и чтобы справить нужду (замаскированная под завалом из деревьев кабина биотуалета – за пределами лагеря). Я совсем заскучал. (...) Отлежал все бока.

Особенно раздражали комары – по ночам от них спасенья нет, никакая мазь не помогает, и их-то термонепроницаемой плёнкой не обманешь. На будущее могу даже порекомендовать: находить теплокровные объекты по наличию над ними туч комаров. Или звуковыми детекторами – по их характерному хоровому гудению. (...)

А ещё я хотел бы знать – какая сволочь укомплектовала мой рацион одной рыбой в масле (я её терпеть не могу!) и фасолью – от неё такой звук, что мне кажется, на том берегу они свободно могли бы меня засечь только по этим ужасным «выстрелам»! Ну, или детектором запаха – если его, конечно, соответствующим образом настроить! (...)

...искусали всю ...опу, да и туалетной бумаги, боюсь, не хватит! (...)

Наконец, 12-го, к 22-00 прибыли два здоровенных полуприцепа с подразделением спецхраны. Маскформа у них

ещё похлеще моей. (...)

Эти сразу организовали защитно-охранный периметр с радиусом от базового лагеря около 800-1000 м., понавтыкали в землю каких-то – не то датчиков движения, не то излучателей: очень трудно судить, что это на самом деле, но действует автономно, и в подзарядке явно не нуждается, поскольку никаких проводов к ним не подсоединяли. (...)

Затем, к 23-00, прибыла и команда технического обеспечения.

У них свой фургон, на шасси грузовика «Ман». (...) Его сразу стали накрывать масксетями и обкладывать срубленными ветками. (...) Посты охраны установлены вполне грамотно – ни за что не подберёшься незамеченным! (...)

Посты оснастили ещё и какими-то неизвестными мне устройствами: или детекторами, или оружием: что-то вроде больших ящиков с откидными панелями странной формы, словно для излучения каких-то радио-, или, скорее уж, микроволн. (...) Затрудняюсь всё же дать точную характеристику, т.к. ни разу не видел, чтобы они как-то применялись, хотя, возможно, применялись. (...)

По здравом размышлении, только два варианта: или мини-радары, или какие-то новые детекторы. Например, настроенные на тепло. Ну, или уж оружие: излучатели микроволнового диапазона в полевом исполнении – как существующие стационарные, на шасси грузовиков, для разгона демонстраций, только гораздо меньших размеров.

Впрочем, это просто мои домыслы – чем бы я оснастил полевую группу, чтобы к ним не совались непрошенные гости. Да уж, это и было бы как раз в стиле американских спецслужб: с их абсолютной беспринципностью в смысле применяемых не-смертельных «способов воздействия», и страстью к рационализму и технологическому превосходству!(...)

... команда тех. обслуживания с отрядом подводных пловцов (догадался, что это именно они, по аквалангам и маскам. Шучу.). Загнали поочередно оба полуприцепа по самые оси, в воду, и вытащили спускные платформы с кран-балками, и с жутко выглядящими, но, судя по всему, вполне рабочими миниподлодками, болтавшимися на таях. Манипуляторы вот этих вполне подошли бы для любых подводных работ – хоть на глубоководных буровых установках, хоть для сбора жемчужных раковин.

Сами аппараты достаточно компактны (около 2х2х4м.), и, судя по водоизмещению, могут транспортировать и манипулировать объектами массой не менее 500 кг. (...)

Всего при спуске я насчитал не менее двадцати двух новоприбывших. (...) Обследовать более подробно и скрупулёзно мой берег они не соизволили, очевидно, сведения, поступающие с термолокатора беспилотника их вполне удовлетворяют. Вот и хорошо, что я закопался и обустроился за эти три дня вполне глубоко и удобно – прямо целую пещеру в боку окопа вырыл...

Вероятно, моя спецпленка и плащ выполняют свою рабо-

ту хорошо, так что беру нехорошие слова и пожелания в адрес разработчиков назад. (...)

... после отъезда грузовиков тоже приключениями не блещет. (...)

Режим работы весьма однообразный: весь день дрыхнут, оставив только часовых на постах наружного периметра, очевидно, полагаясь на операторов беспилотников, и натыканные «дрыны». И только к вечеру начинают кушать, и затем – работать. (...)

Примерно в 21-30 операторы забираются в люки своих подлодок, укрытых на мелководье у берега так, что наружу выступает только входной люк, на день маскируемый окрашенным брезентом и ветками, и команда в плавках помогает подлодкам уплыть в глубину озера, после чего вновь выходит на берег. (...)

Затем примерно через каждые 20-30 минут лодки подплывают к берегу, где спуск в воду более пологий (это немного слева от лагеря и места съезда в воду грузовиков), и оставляют там контейнеры. Особенно заметно их движение на мелководье, поскольку свет прожекторов хоть и направлен вниз и вперед, иногда выходит и отражается и вверх, и вся эта иллюминация напоминает танцующие фонтаны в Лас-Вегасе. Только что не разноцветная.

... удивляюсь, как кто-нибудь из местных не заметит.

Впрочем, местных жителей в этом районе практически нет: тут даже рыба не ловится. Думаю, это из-за торфа, от

которого вся вода и берег почти чёрные. (...)

... во время очередного дневного отдыха случайно поймал передачу о съёмках документального фильма командой «Нэшнл Биогрэфик», на другом конце нашего озера – её вела какая-то местная радиостанция, скорее всего Беденская, и, разумеется, на немецком. Разбирал с трудом – отвратительный приём, наверное, скалы загораживают. (...)

А американцы-то молодцы: при таком грамотном прикрытии сюда вряд ли кто сунется. А и сунется – ни фи́га не найдёт! (...)

... или действенная защита, или хорошая отвлекающая операция, или что-то ещё, неизвестное мне, но за всё это время никто так и не появился: вывози отсюда хоть дрова, хоть горы и долины – никто и не заметит. (...)

... уже все ноги атрофировались: только ползаю, и неизвестно когда эти гады, наконец, закончат вытаскивать на берег всё это хозяйство! Я насчитал уже сто десять контейнеров: восемьдесят три бочки и двадцать семь ящиков. Даже не верится, что вот так, под носом у друзей по НАДО, и у Бундесвера, всё и повытащат. А они, похоже, повытащат!

И увезут ведь!

Страшная мысль! А может, они просто убивают своими «ящичками с крышкой», и здесь же закапывают всех сунувшихся?! А что: места безлюдные, вряд ли кто найдёт! (...)

...наконец, закончили! Может, они и рады, но это ерунда по сравнению с тем, *как рад я!!!* Остаток жизни, (ну, или

досуг на пенсии, если доживу) посвящу разработке средств, и химикатов для глобального уничтожения комаров!!! (...)

... они загнали прибывшие полуприцепы так же, поочерёдно, опять в воду по самые оси. На два первых загрузили подлодки и часть контейнеров, на третий и четвёртый – только контейнеры, палатки, и загрузились сами. Закончили еле-еле к рассвету, по окончании сразу уехали, вместе с «Маном» группы подводных операторов. (...)

Команда, оставшаяся с «Тойотами», до 10-00 производила рыхление почвы лопатами, чтобы уничтожить следы лагеря, и колеи от шин грузовиков. Затем подъехала автоцистерна с поливомоечным устройством, (а что: отлично придумано!) и примерно час размывала сильными струями воды всё, что осталось от следов лагеря. После контрольного осмотра команда на джипах уехала примерно в 11-20.

...сам однако сворачиваться не торопился – хотел посмотреть, действительно ли закончена полностью вся работа в этом лагере, и не оставлено ли группы слежения. (...)

Впрочем, не расслаблялся – безвылазно сидел в своей Берлоге.

... был вознаграждён за бесполезно и скучно проведённую ночь: сегодня наблюдал весьма колоритную сценку!

Около 12-30 подъехала полицейская машина с Беденскими номерами, и местный Босс от представителей правопорядка примерно полчаса с умным видом объяснял своему подчинённому, что тут было, и как. И почему они на самом

деле ничего не понимают. Ну, и без звука все жесты настоль-ко понятны: словно профессиональная пантомима. Я ржал как конь – про себя, разумеется...

Молодцы. Опоздали всего на 25 часов. Знали, когда сунуться, чтоб «не было проблем». Да и Отчётов теперь писать не надо – не то, что мне...(...)

... аккуратно снова завернулся, забрал все следы своего пребывания, закопал все результаты своей жизнедеятельности, и удалился, следуя компасу, в 22-30. (...)

К оставленному мне на условленном месте автомобилю прибыл к 05-00. Правда, помучился, пока завёл его – аккумулятор сильно подсел. (...)

Посылку с оборудованием оставил на условленном месте, рапорт завёз в Почтовый ящик № 1, в 17-35, согласно инструкциям. Возвращение в мотель «У Георга» считаю нецелесообразным, планирую выезд маршрутом № 2, по документам № 3, прямо сегодня, 28.07.20..г. Агент Кнайф.

Документ 46.

Из отчёта руководителя операции «Гавайский гольф-клуб», подполковника отдела «К» секции внешней разведки А. Д. Шишкина, от 31.07. 20.. г.

(...) ...как показывает аппаратура спутников РД-16 и РР-04, вся разведдеятельность беспилотных летательных аппаратов над данным квадратом прекращена, из чего следует, в частности, что основные работы завершены, и оборудование

и люди вывезены из района А-4. (...) Из рапорта полевого агента «Кнаиф» следуют те же выводы. (...)

...следить только с помощью агентов «ТомБой» и «Перехватчик». (...) Обработку считаю целесообразным поручить внештатному агенту – хакеру «Конан». (...)

Считаю, что «Крошке» в эту операцию вмешиваться необходимости нет. (...)

Когда ворота базы, наконец, открылись, и их «Хамви» въехал на охраняемую территорию, доктор Уильям С. Жермон вздохнул чуть ли не с облегчением!

Проклятые проверки «на лояльность», больше похожие на допросы, и копание в прошлом кого хочешь приведут в, мягко говоря, неадекватное состояние. Не говоря уж о придирчивом рассматривании лиц – в профиль, и фас. Хотя вон – его сосед по широкому сиденью, профессор Грейдершафт, посмеивается себе в усы.

Ещё бы: ему, в шестьдесят девять, все эти бюрократическо-административные процедуры с их неизменными проволочками, дурацкими расспросами, и ореолом секретности и постоянным упоминанием об «интересах национальной безопасности», уже точно навевают смех и скуку. А самоиронии у профессора и всегда было предостаточно...

Караван из их пяти машин, проехав мимо двух огромных ангаров, свернул к третьему – словно бы ещё более высокому и длинному. У огромных одностворчатых ворот машины

остановились. Однако никто из учёных не сдвинулся с мест. В окно всунул голову майор:

– Прошу выходить. Мы на месте.

Выйдя, Уильям принялся разминать подзатекшие ноги. Профессор же, помахав ручкой, прошёл к коллеге, вылезшему из третьего «Хамви» – доктору Лорду. Тот как раз достал неизменную трубку, после чего майор, неизменно вежливо, попросил его не курить на территории базы. На этот раз соизволив даже объяснить, почему:

– Сэр, вокруг нас примерно двадцать тысяч тонн взрывчатки в виде самых различных боеприпасов! В том числе и оставшихся от Второй Мировой, которые поэтому очень капризны и непредсказуемы в поведении... Достаточно единственной искры! Вы же не хотите, чтобы мы все отправились полетать, да ещё в виде мелкодробленных кусочков?..

Доктор Лорд возмущённо фыркнул, но по здравом размышлении покивал с глубокомысленным видом, и спрятал трубку снова во внутренний карман пиджака, оказавшегося под тёплой курткой.

Открылся задний борт грузовика, замыкавшего их маленькую колонну, и начали бодро выпрыгивать морские пехотинцы с винтовками. По приказу возглавлявшего их хмурого сержанта они сразу же бежали занимать, очевидно, заранее расписанные, места вокруг ангара. Чёткие и слаженные действия впечатляли.

Кто-то очевидно распорядился, и вокруг ангара загоре-

лось несколько десятков мощных прожекторов и ламп, заливая всё пространство слепящим светом, так, что всем учёным, да и взводу морских пехотинцев, через равномерные промежутки вставшими вдоль длинной стены, пришлось щуриться. Майор, уходящий ко входу в ангар, вернулся:

– Господа! Прошу.

Они двинулись к воротам, приоткрывшимся ровно настолько, чтобы пропустить их вовнутрь по одному человеку. Уильям вошёл последним, не без интереса наблюдая за «коллегами по несчастью» – доктором Митчелом, доктором Лордом, профессором Грейдершафтом, имени которого так и не знал до сих пор, и двумя военными – подполковником Капперсом и майором Крисом Брикманом, с которыми они и вынуждены были общаться всё то время, пока шла подготовка к работе над Проектом.

Майор, убедившись, что все учёные прошли, вроде, даже вздохнул с облегчением, и вернулся наружу. Дверь ангара, естественно, закрылась. Трое командос в чёрной одежде и капюшонах, и масках, оставлявших видимыми только глаза, поспешили выйти из тени, и встать спиной к створке. Вооружены они оказались не винтовками, а каким-то короткоствольным, но от этого смотревшемся не менее грозно, оружием. Плюс ножи и пистолеты в кобурах. Чёрт!

А солидно всё выглядит!

Может, не зря с них брали все эти подписки, и вели «пропатриотические» беседы?

Док Митчел обернулся к шагавшему чуть сзади Уильяму:

– Уж не знаю, Билл, что и подумать! Может, наши сбили ещё одну тарелку?

– Вряд ли, сэр. Им для тарелки историк, – Уильям похлопал себя по куртке на груди, – не понадобился бы.

– Ну... а что тогда?

– Глядя на груды вон тех бочек и контейнеров, могу предположить, что наше дотошное ЦРУ добралось-таки до каких-нибудь закопанных, или затопленных нацистами «Сокровищ третьего Рейха»! И теперь стараются скрыть это шило в мешке. Пардон – в ангаре. Как будто у русских нет спутников-шпионов.

Действительно, они уже подошли к довольно плотно составленной куче железных бочек и ящиков, расположенной в самом центре громадного и почти пустого помещения.

На некоторых бочках ещё сохранились полустёршиеся латинские буквы: «Ц».

Полковник ответил на приветствие дежурящего у кучи офицера, козырнув, и выслушав, что «дежурство проходит без происшествий», после чего повернулся к учёным:

– Господа! Прошу вашего внимания! – он прочистил горло, очевидно стараясь скрыть волнение. Ого! Полковник – и волнуется! Такого ни Уильям, ни – он мог поспорить! – остальные трое учёных, что были по крайней мере вдвое его старше, явно не видали! Уж от полковника-то точно.

– Прежде всего приношу самые искренние извинения за

те... иногда утомительные, а чаще – унижительные вопросы, что пришлось задать при проверке вашей так называемой «лояльности» – полковник позволил себе чуть улыбнуться, – Но! Без нашей твёрдой уверенности в этой самой лояльности, и – только во вторую очередь! – компетентности, вы здесь никогда бы не оказались.

Итак, настала пора внести ясность, чем же вам предстоит заниматься в нашем Проекте. – он чуть развернулся, оглядев, словно гордился ими, (впрочем, почему – «словно»? Он явно и гордился!) ряд ящиков и бочек, и обведя всё это хозяйство подрагивающей рукой.

– Здесь – результаты секретной операции специалистов нашей внешней разведки, называвшейся – думаю, от названия никому вреда не будет – «Наследство из Аргентины».

Ёмкости, которые вы здесь видите, доставлены прямо из Европы. Обстоятельства, при которых они были добыты, позволяют предположить, что внутри – сокровища, награбленные спецвойсками СС в годы Второй Мировой, и затем, в последние дни Третьего Рейха, спрятанные по распоряжению лично фюрера! Ну, или других чиновников самого высокого ранга. Нет сомнения, что если наши предположения верны, ваша помощь и консультация окажутся просто... Неоценимыми!

Уильям переглянулся с Митчелом. Тот только молча пожал плечами.

– Возможно, некоторые из вас уже догадались, с чем нам

придётся иметь дело. – от полковника не укрылось переглядывание, – Поэтому прошу высказать пожелания, предложения: что, какие предметы, оборудование, или материалы могут понадобиться для разбора. Чтобы, так сказать, не повредить артефакты, когда мы их достанем!

С полминуты учёные не торопились с ответом. Затем Профессор Грейдершафт весьма сердито буркнул:

– Если здесь, в этих ящиках действительно окажутся картины, или манускрипты из музеев, условия ангара, – он пренебрежительно обвёл рукой пустой зал с десятком окружающих кучу солдат в камуфляже. – совершенно не подходят. По причине той же влажности, температуры, и... Ну, словом, такие предметы нужно разбирать и хранить в лабораторных условиях! Чтобы не нанести им непоправимый вред!

– Вас понял, сэр. Однако из соображений всё той же национальной безопасности нам – и вам! – придётся разбирать всё найденное именно *здесь*! Хочу ещё раз напомнить: поскольку всё предполагаемо хранящееся здесь, было *награблено* в Европе!

И именно поэтому никакие лаборатории, и даже самый высококвалифицированный персонал из ваших помощников сейчас вам доступны не будут! Пожалуйста, обходитесь пока своими... Ну, разумеется, и нашими – силами! – полковник вновь обвёл рукой солдат, – Если же предположения о, например, картинах подтвердятся, мы, разумеется, постараемся...

Обеспечить надлежащие условия их... э-э... хранения!

Профессор возмущённо хмыкнул. Уильям рассмеялся.

Взоры всех – и коллег, и солдат, обратились к нему. Он пояснил:

– Не думаю, что «картин и манускриптов» окажется много. Учитывая вкусы нацистов, если это действительно, их сокровища, здесь скорее, спрятаны золото, украшения, драгоценные камни... Словом, чисто материальные ценности. Ну и, возможно, кое-какой документальный материал для... Шантажа! Они ведь собирались тогда, даже на последнем издыхании своего «тысячелетнего Рейха», возродить этот самый чёртов «Рейх»! Значит, им нужны были в первую очередь, рычаги и способы политического давления. Ну, и средства. Для подкупа. И выживания. И если с первым они явно запоздали, поскольку все жившие тогда видные политические Лидеры мертвы, то со вторым... Хм.

Словом, я думаю, нам понадобятся поролоновые маты, накрытые брезентом – чтобы мы могли раскладывать всё это свободно. Бумажные салфетки. Много салфеток. А ещё – хороший сейф. Чтобы всё это прятать. Ну, или – увозить отсюда напрямиком в Казначейство. Или в Банк Федерального Резерва. Или вы знаете организации понадёжней?

Полковник только покачал головой, рот его слегка скривило.

Как ни странно, рот наконец, открыл доктор Лорд:

– Полностью согласен. Мне кажется, если вы твёрдо уве-

рены в происхождении клада, – полковник раздумчиво покивал, – то то, что внутри окажутся преимущественно предметы большой материальной ценности, не сильно подверженные воздействию времени и жёстких условий окружающей среды, сомнений не вызывает. Поддерживаю мнение доктора Жермона. И ещё – хорошо бы сапёров. Для проверки на хитрые мины, столь любимые нашими нацистскими «друзьями». И – света побольше!

– Ну, с этим проблем нет. – полковник достал с пояса рацию, и что-то отрывистое в неё буркнул. Мгновенно полумрак ангара сменился слепящей яркостью солнечного пляжа – не менее пятидесяти прожекторов, установленных на решётчатых фермах крыши, залили груды ящиков и бочек светом, словно те находились на съёмочной площадке.

Да, собственно, так оно и было – Уильям заметил там же, наверху, не менее десятка видеокамер с дистанционным управлением. Он повернулся к Митчелу:

– Коллега! Вы сегодня без грима! А зря. Нас будут снимать.

Митчела ситуация не позабавила:

– Подумаешь! Всё равно в прокат этот ролик вряд ли поступит. Поэтому можно даже не бриться! А если честно – меня всё это нервирует!

Уильям подошёл к Капперсу:

– Господин полковник! Свет чересчур яркий! Слепит глаза. Нельзя ли сделать помягче? – полковник, щурившийся и

сам, покивал. Затем снова взялся за рацию.

С командиром сапёров, капралом Питером Ходжесом, Уильям предпочёл познакомиться и переговорить лично:

– Капрал! Если честно, мне бы лучше не соваться в вашу работу... И я нисколько не сомневаюсь в вашей высочайшей квалификации... Об этом говорит уже то, что вы здесь.

Но я слышал, что сейчас есть такие специальные собаки – натренированные как раз на взрывчатку. Может, попробовать вначале их... ?

– Конечно, док! Обязательно попробуем! Просто мы убрали Боя, чтобы не гавкал, и не пугал вас... – капрал крикнул, махнул рукой, и из комнаты в дальнем конце ангара вышел проводник с собакой.

Как ни странно, это оказалась не устрашающих размеров овчарка, как ожидал Уильям, а очень даже симпатичный спаниэль с грустными глазами. Он с виноватым видом глянул на учёных, и скромно повилял серым лохматым хвостом. «Гавкать» он явно не собирался.

– Бой! Ищи! – проводник повёл пса вокруг груды. Тот спокойно обошёл все бочки и ящики, пару раз приостановившись. Но не проявил никакого желания выделить какой-либо из предметов, лишь укоризненно глянув на проводника.

Проводник оформил мнение Боя словами:

– Сэр! Пока невозможно ничего определить! Очевидно, слишком толстый металл!

– Понятно. – отозвался полковник. – Ну что ж. Будем ре-

зять! Надеюсь, с тем, что автоген использовать нельзя, согласны все?

Первый контейнер выбрали наугад: просто выкатили из общей кучи ближайший. Затем учёные с умным видом прошли за тележкой автопогрузчика в дальний угол ангара, где шестеро здоровенных спецназовцев сгрузили железный цилиндр снова на бетонный пол.

Уильям, бессознательно затаив дыхание, смотрел, как один из солдат запустил дисковую пилу, и прикоснулся алмазным кругом к кромке первой бочки. Полетели искры, раздался зуд и рёв. Грейдершафт вытер вспотевший лоб платком, Митчел пошевелил ноздрями – да, запах от накалившегося абразива пошёл не слишком приятный.

Даже невозмутимый на вид полковник заиграл желваками, подавшись вперёд.

Что там? Шкатулка Пандоры, или ларец с драгоценностями?..

Документ 33.

Из протокола вскрытия контейнера 1, доставленного в ангар № 4 базы «Уайткрик», произведённого 09.04. 20.. г. капралом П. Д. Ходжесом и ефрейтором В.С. Юровски в присутствии руководителя отдела безопасности Базы, подполковника Л. Б. Капперса, отделения сапёров 1-го взвода 3-й роты, и экспертов Первого, Четвёртого и Восьмого отделов: Доктора технических наук, декана кафедры материаловедения

ния Масачуссетского технологического Университета, С. Р. Митчела, доктора химических наук Университета г. Оклахома, Д. Е. Лорда, доктора исторических наук, зам. ректора Нью-Йоркского Университета А. Линкольна У. С. Жермона, и профессора Университета Дж. Гопкинса, заместителя ректора, Б. Р. Грейдершафта. Время – 01-30.

Протокол вёл спецагент С. Ж. Галлопин.

Видеозапись всех действий проводил в штатном режиме лейтенант Б. Г. О,Грейди.

(...) «...поэтому был выбран способ обычного аккуратного механического срезания верхней кромки бочки с помощью циркулярной пилы типа «болгарка», чтобы причинить контейнеру минимальные повреждения и свести риск взрыва до минимума.

На срезание всей кромки ушло около сорока минут, т.к. железо оказалось не менее чем двухмиллиметровой толщины. (...) После удаления крышки, под ней был обнаружен слой прорезиненного брезента, который и был удалён сапёрами. (...)

Проверка детекторами и штатной собакой не выявила присутствия взрывчатых веществ, или ядовитых, или отравляющих, или наркотических веществ – ни в газообразном, ни в любом другом виде. (...)

После отбытия отделения сапёров с собакой, и капрала с ефрейтором, группа экспертов приступила к извлечению и разбору предметов, находившихся внутри контейнера.

Раскладка проводилась на поролоновые маты с брезентовым покрытием. (...)

...только большое количество кусков вещества жёлтого и оранжевого цвета, напоминающего по виду прозрачный пластик. Однако эксперт У.С. Жермон твёрдо уверен, что это ни что иное, как янтарь. (...) Поверхность хорошо отполирована, и кускам придана определённая форма, позволяющая предположить, что они все вместе составляли какую-то вполне законченную композицию. (...) Каждый кусок был завернут в вощёную бумагу.

... всего в количестве 1050 кусков, массой от 50 до 1200 грамм.

Сохранность вполне удовлетворительная. Р. Б. Грейдершафт высказал предположение, что это облицовочные панели от какой-либо мебели, или других предметов быта или интерьера, и далее предположил, что это могут быть части знаменитого памятника декоративно-прикладного искусства России XIX века, известного под названием «Янтарная комната», похищенного нацистами из дворца «Петергоф» в пригороде Санкт-Петербурга в период 1941-43 гг., и вывезенного в неизвестное место хранения. (...)

Заключение экспертов и подробную опись извлечённых предметов передаю с нарочным лично Вам, рапорт и отчёт прилагаю. Вскрытый контейнер с уложенными обратно в него в исходном порядке артефактами пересылаю грузовиком, в сопровождении капитана Л. П. Тревиса, агентов С. Ж.

Смитсона и Т. К. Слокама, и отделения морских пехотинцев.
(...) Груз опечатан лично мною, ориентировочное время прибытия в Лэнгли – 23-50.

Подписано: ответственный руководитель операции «Тёща Карла Маркса», бригадный генерал Р. Л. Брукс. (подпись).

Документ 34.

Из протокола вскрытия контейнера 21, производимого на том же месте, теми же специалистами, в присутствии тех же членов комиссии и экспертов 09.30. 20.. г.

... с теми же мерами предосторожности. Газоанализатор выявил неоднозначные результаты, собака гавкала и проявляла беспокойство, однако никакой взрывчатки не было обнаружено. (...)

Всего картин обнаружено 54. Все они проложены вощёной бумагой и брезентом.

На дне контейнера найдено 4 пакета из марли с остатками гранул активированного угля и гранулами керамзита. (...)

... значительные повреждения от воздействия плесени, местами полностью покрывающей заднюю сторону полотен. (...) Разложили для просушки в помещении Ангара № 4. Однако срочно необходимо привлечение экспертов, разбирающихся в методиках реставрации, консервации и сохранения этих шедевров, в противном случае есть риск потерять их навсегда. Доктором У. С. Жермоном даже было высказано мнение о нежелательности транспортировки, пока полотнам

не будет оказана первая помощь, и произведена хотя бы грубая консервация в полевых условиях. (...)

Поэтому точное время отправки определить затрудняюсь. (...)

Подписано: (те же лица).

Документ 38.

Из протокола вскрытия контейнера 47, производимого на том же месте, теми же специалистами, в присутствии тех же членов комиссии и экспертов 10.24. 20.. г.

... отличался, и металл был гораздо толще, чем у предыдущих. Форму имел строго кубическую, размер – 2х2х2 фута. Вскрытие теми же методами производилось в течении трёх часов, и было использовано 5 сменных абразивных кругов.

... оказался из четырехмиллиметрового железа, и внутри оказался ещё один металлический контейнер, чуть меньших размеров. (...) Ещё два абразивных диска.(...)

Взрывчатки и ядов не обнаружено.

... всего 13 865 камней, в основном, по мнению Д. Е. Лорда, это рубины, сапфиры, алмазы и изумруды, но есть и другие виды самоцветов, ценные своим большим размером и уникальным цветом. (...). Практически не пострадали. (...) Оценку в современном денежном эквиваленте дать затруднительно даже в самом приблизительном плане, однако в долларах США эта сумма никак не менее 250 000 000, и, естественно, это только минимум. (...).

...обратно в вощёную бумагу, и контейнер. (...)

Сопровождать буду лично, на двух машинах, со взводом морских пехотинцев.

Прошу Вас, или Вашего заместителя встретить меня в 23-50, чтобы присутствовать при передаче содержимого контейнера в бункер хранилища и размещении в спецсейфе, в связи с большой ценностью содержимого, и во избежание повторения бюрократических проволочек со стороны нач. склада, полковника М. М. Скунсера. (подпись)

Документ 39.

Из протокола вскрытия контейнера 59, производимого там же и теми же специалистами, в присутствии тех же ответственных лиц и экспертов 11.07. 20.. г.

...самый большой, размер примерно 1x1x1,5 м. Толщина металла 2 мм. Вскрытие производилось теми же методами.

...хорошо, что собака сразу стала проявлять беспокойство, а затем лаяла буквально не переставая, да и детектор сразу обнаружил их присутствие! (...)

Взрывное устройство эквивалентной массой около 20 кг. тротила было успешно обезврежено сапёрами в 14-30. После чего был произведён стандартный разбор содержимого контейнера. (...)

... высказал предположение, что это оригинал рукописи «Майн Кампф» с собственноручной правкой надиктованного – автором, т.е. А. Гитлером. (...). И различные рисунки,

и архитектурные наброски, выполненные той же рукой, и с подписью: А. Гитлер. (...)

... различные документы, касающиеся деятельности виднейших лидеров Рейха и Испании, Франции, Англии и других стран, включая письма, приказы, отчёты агентов, долговые расписки, переписка личного (интимного, сексуального, извращенческого) характера... (...) И т.п. рукописные факсимиле, носящие явно компрометирующий их авторов, характер. (...)

Документ 40.

Из отчёта первого заместителя Директора ЦРУ, генерал-лейтенанта Дугласа М. Стюарта от 12.07. 20.. г. Напечатано в единственном экземпляре, передано лично.

(...) ...в результате вскрытия всех контейнеров, промаркированных меткой «Ц», их содержимое условно можно разделить на следующие категории:

а. Документы, имеющие огромное политическое значение на период 1940-1985 гг., в связи со спецификой своего содержания: долговые расписки, документы компрометирующего характера, или имеющие уличающее значение личного характера: о мошеннических действиях, действиях с использованием служебного положения в целях личного обогащения, о превышении полномочий, растратах, и т.п. Сюда же можно отнести и документы, подтверждающие факты супружеских измен, уличение в педофилии, kleptomании, на-

следственных болезнях, и т.п. С фотографиями, справками, протоколами, и т.д. (...)

Нет сомнения, что наличие таких «аргументов» могло бы позволить их обладателям осуществлять весьма сильное давление на многих видных политических лидеров стран Европы, Азии и обеих Америк тех лет. (...) Однако в настоящее время большая часть этих документов имеет значительно меньшее значение в качестве средства политического давления, или шантажа, т.к. непосредственные объекты его умерли, а наследники или от политики отошли, или их не существует. (...)

Опись и краткое содержание документов, которые могли бы представлять интерес в таком качестве, как предполагалось первоначальными хозяевами этих документов, в современных условиях, в отношении наследников, не пожелавших бы очернять своё прошлое наличием «грехов отцов», приводится в Приложении 3. (...)

б. Документы, имеющие историческую ценность, как эксклюзивные раритеты. Например, рукопись, и отдельные страницы и рисунки, выполненные лично А. Гитлером, письма, написанные И. Сталиным, Ф. Д. Рузвельтом, У. Черчиллем, Д. Чемберленом, Б. Муссолини, О. Бальзаком, С. Дали и другими видными политическими лидерами, и знаменитыми деятелями искусства и культуры, и т.п. (...)

Список авторов и их писем приведён в Приложении 5. (...)

в. Артефакты, имеющие непреходящее значение, в качестве «культурного наследия», не только отдельных народов и эпох, но и в плане общечеловеческом. (Приложение 8) (...). Ценность данных артефактов в настоящее время абсолютно не поддаётся исчислению в денежном эквиваленте. И не только потому, что она поистине колоссальна, а и по той причине, что реализовать их через официальные для таких предметов каналы сбыта, т.е. для так называемых «шедевров мировой культуры и искусства», например, типа аукционов дома «Сот-бис», и т.п., в настоящее время, да и в ближайшем будущем не представляется возможным.

Причин для такого положения несколько: 1. Эти предметы были похищены у лиц, наследники которых в настоящее время живы, и права их на владение этими предметами зафиксированы в законном порядке. 2. Они были похищены в музеях стран, захваченных нацистами в 1939-1944 гг., и права этих стран на владение ими не вызывают сомнения. 3. Они пострадали в процессе перемещения и хранения, и нуждаются в дорогой и долгой реставрации. (это, в основном, относится к картинам и гравюрам: см. Приложение 11). 4. Происхождение их в настоящее время неизвестно, но также представляется вероятным в соответствии пп.1-2.

Сбор сведений о таких артефактах крайне затруднён, и высок риск вызвать при этом ненужные слухи, и т.п. политические и другие осложнения, не говоря уже о его слишком высокой цене, если просочатся сведения, каким образом о

самом существовании этих вещей стало известно нам. (...)

г. Артефакты, имеющие непреходящее значение как «культурное наследие», и ценность которых в настоящее время установлена достаточно однозначно, в связи с периодической продажей аналогов на вышеупомянутых аукционах – поскольку они являются обычным результатом «добычи» так называемых «чёрных археологов», кладоискателей, и т.п. источников, и которые в принципе, возможно реализовать, не опасаясь осложнений.

Это, в первую очередь, золотые монеты различных стран и времён, типа Дублонов (Приложение 18), Пиастров (Приложение 19), Луидоров (Приложение 20), редких коллекционных марок Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, и т.п. (...)

Далее, это неограниченные драгоценные камни, явно пока нигде до этого не продававшиеся, и, следовательно, неизвестные ни специалистам, ни наследникам их подлинных хозяев. (...)

Список с их характеристиками и приблизительной стоимостью дан в Приложении 24.

Далее, это золотые слитки, изготовленные, очевидно, из достаточно качественных самородных материалов до 1944 г., не в Германии, а в странах, на которые не были наложены ограничения по их выплавке и реализации. (Приложение 26: сводная ведомость и заключение экспертного отдела).

Наконец, это золотые же слитки, изготовленные непосред-

ственно в Германии – они нуждаются в рафинаже (освобождении от примерно 10 % свинца) и тоже могут быть после этого реализованы, или использованы традиционно, в качестве «золотого запаса», с размещением в хранилищах Первого Федерального Резервного Банка. (...).

д. Золотые, серебряные, платиновые и т.п. украшения (кольца, броши, серьги, кулоны, – и т.п.), не являющиеся шедеврами, или не представляющие собой «культурное» наследие, и ценные только в качестве ювелирных изделий. (...)

В настоящее время их реализация вполне осуществима, но не представляет значительного коммерческого интереса. (...)

е. Изделия из золота, драгоценных камней, платины, и т.п. материалов, и дублирующие известные древние (до XVI века) образцы в музеях мира, или не представляющие интереса, как «культурное наследие». (...)

Их реализация через официальные, или неофициальные источники в настоящее время вполне осуществима, поскольку они так же регулярно выбрасываются на рынок или «чёрными копателями», или другими неофициальными способами, и не принадлежат ни музеям, ни частным коллекционерам. (...) ...коммерчески невыгодно, так же, как и в п. «д», из-за сравнительно небольшой стоимости.

ж. Монеты, денежные купюры, ценные бумаги, акции и т.п. ценности, выпущенные казначейством именно 3-го Рейха, до 1944 г. (...) Их вообще представляется затруднитель-

ным хоть как-то реализовать, даже в виде раритетов, или даже предложить частным коллекционерам (...)

... однако есть устойчивый спрос вполне определённых кругов и на вполне определённые предметы или коллекции. (...)

Например, широко известно, что греческий миллиардер Кости У. Пападопулос предлагал, по нашим сведениям, любому авантюристу, доставшим бы ему «янтарную комнату», миллиард в долларах, и гарантировал полную анонимность и любое прикрытие, и цена эта, скорее всего, может со временем, (или в результате торга) только вырасти. (...)

... естественно, строго при условии полного отказа от демонстрации её кому бы то ни было когда бы то ни было! (...)
... только на Ваше усмотрение. Но привлекательность этого предложения и быстрая возможность его реализации заслуживают тщательного рассмотрения и проработки в плане деталей, и того факта, что потенциальный клиент пока жив, но обладает слабым здоровьем. А его наследники «янтарной комнатой» вряд ли заинтересуются. (...)

... наконец, к самым, как представляется, важным, находкам. (...)

... запакованные в эти шкатулки золотые таблички с выгравированными номерами, словами, и инструкциями, несомненно, являются кодовыми словами и шифрами доступа, а ключи при них явно отпирают сейфы в хранилищах означенных Швейцарских банков.

Совершенно невозможно предположить, о каких видах вложений, и хотя бы приблизительном их денежном эквиваленте, может идти речь. Но однозначно ясна их исключительная ценность! (...) (подпись).

Резолюция: отложить принятие решений до 02.01.20.. г.
(подпись).

Документ 42.

Из отчёта агента «Том Бой» от 30.05. 20.. г.

Настоящим подтверждаю, что все документы, содержащиеся в этой подборке, добыты мной на различных сайтах официальных организаций, из базы данных непосредственно с серверов засекреченных архивов, и в результате несанкционированного проникновения в модули повышенной безопасности, отъединённые от сети Интернет, с помощью мобильных автономных устройств, размещённых в расчётных местах соответствующих зданий агентами «Холкер» и «Герберт», в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, путём использования разработанной в нашем отделе программы «Нить Ариадны», и с квадрокоптеров, периодически пролетающих над объектом, с помощью программы «Хваталка». (...)

... абсолютно уникальные видеосъёмки, которые они обрабатывали на компьютере с помощью устаревшей программы, с целью сделать изображение контрастней и чётче. Только это и позволило перехватить и скопировать их! (...)

... поэтому прошу учесть, что я: 1. Принимал непосред-

ственное участие в разработке этой программы в период январь-апрель 20.. г., и – 2. Почти все данные пришлось получать в ночное, нерабочее в Москве время, в связи со спецификой поясного времени США, где в это время день, и «Нить...» работает в полную силу. (...) В связи с этим прошу Вас оплатить мне сверхурочные за потраченное личное время. (...) Агент ТомБой. (подпись.)

Документ 47.

Из итогового годового отчёта начальника Управления внешней разведки СНБ России, генерал-лейтенанта П. Д. Патрушевского, представленного Первому. 21.12. 20.. г.

Отпечатано в единственном экземпляре.

... их работу предлагаю считать удовлетворительной, и объявить всем благодарность с поощрением в виде премий к Новому Году, в размере не менее пяти окладов. (...)

... также предлагаю организовать публикацию части этих документов (изъяв или изменив все детали, касающиеся наших *реальных* источников информации, и придумав более нейтрально звучащее название для операции), в прессе, под видом, например, научно-фантастического произведения, или приключенческой повести, массовым тиражом, и провести её широчайшую пиар-кампанию этой книги в масс-медиа, в целях:

А. Дискредитации действий основной организации-разработчика операции «Наследство из Аргентины», в глазах

партнёров по Блоку НАДО, и мировой Общественности,

Б. Затруднения реализации ценностей, попавших в руки этой организации,

В. Подготовки общественного мнения к возможности вновь обрести достояние культуры мирового значения.

Г. Повышения престижа спецслужб России, разоблачивших, и сделавших достоянием Общественности противоправные действия спецслужб США. (...) (подпись). 21.12.20.. г.

Резолюция: Не возражаю. (подпись).